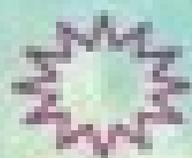
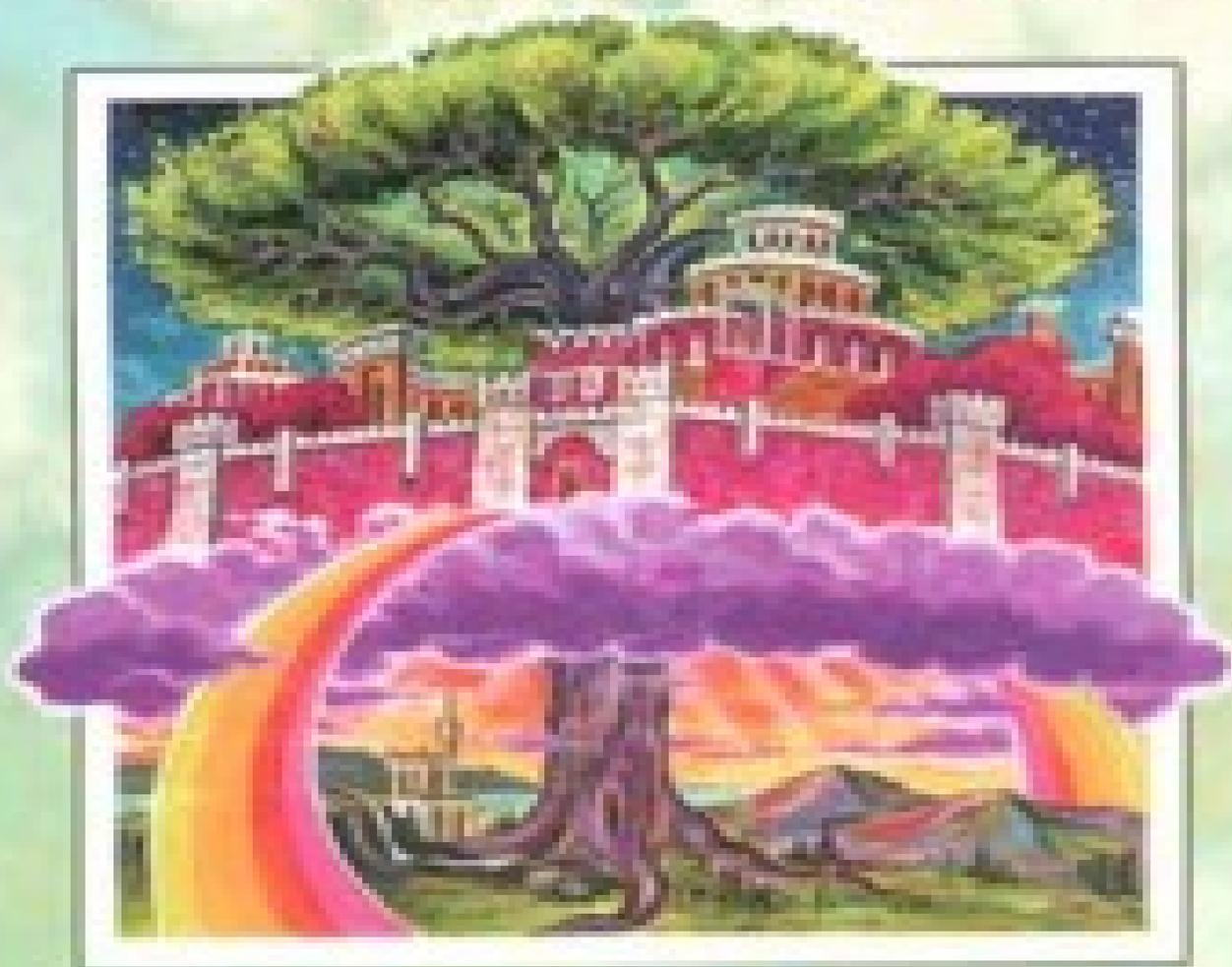

В. И. Щербаков

АСТАРА ГОРОД БОГОВ

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ

Annotation

Правда, представленная на суд читателю этой книги, в высшей степени фантастична. Это документальная работа описывает события, связанные с открытием Асгарда — города древнескандинавских богов. С зоркостью следопыта, скурпулезностью археолога и историка, с пронизательностью посвящённого учёный и писатель В.Щербаков нашёл этот легендарный город и открыл в нем то, что казалось, существует лишь в легендах, — Валгаллу и заветное Идавелль-поле, где собираются боги на свои божественные игры. Следуя за автором, читатель узнает тайну рая древних скандинавов и прародины славян, поймёт, почему отменяется конец света. Пытливость учёного приводит автора к сопоставлению множества фактов и версий о происхождении славян и основ их духовности, что будет интересно и историкам, и филологам, а также всем тем, кто увлечён поиском секретов прошлого и тайн грядущего.

Для широкого круга читателей.

-
- [ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЗОЛОТАЯ РОЩА](#)
 - [СОН](#)
 - [СОПЕРНИКИ БОГОВ — БОГИ...](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ТАЙНА СГОРЕВШЕГО САМОЛЁТА](#)
 - [ТРЕТЬЕ ОБРАЩЕНИЕ](#)
 - [ОБЫКНОВЕННЫЕ ИНОПЛАНЕТЯНЕ](#)
 - [РАССКАЗЫВАЕТ СЕРГЕЙ БУЛАНЦЕВ](#)
 - [ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ И КОАЛИЦИЯ](#)
 - [ПОПЫТКИ УСЛЫШАТЬ БОГОВ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ПРЕДВЕСТИЕ ВСТРЕЧИ?](#)
 - [В НЕАПОЛЕ СКИФСКОМ](#)
 - [ВСТРЕЧА](#)
 - [СХВАТКА В НОМЕРЕ](#)

- [ЕЁ ИМЯ: ЗОЛОТОВОЛОСАЯ СИВ](#)
- [НАХОДКА](#)
- [НИЩАЯ НОРНА](#)
- [ТОСКА ПО КРЫЛЬЯМ](#)
- [ПОЯВЛЕНИЕ ВАСИЛЬЕВА](#)
- [ПРОЩАЙ, НАБЕРЕЖНАЯ МАХОЛЁТОВ](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ](#)
 - [ПЕРЕСТРЕЛКА НА ШОССЕ](#)
 - [ШАМАНИЙ КАМЕНЬ](#)
 - [ЛЮБОВЬ К ВАЛЬКИРИИ](#)
 - [СМЕРТЬ И ПЛАМЯ](#)
 - [ДВЕНАДЦАТЬ ПРОСТРАНСТВ](#)
 - [ШАМБАЛА, ЗЕМАЯ БОГОВ. ИЗ ТЕТРАДИ БРУСНИКИНА](#)
 - [СТЕНА, ДВЕРЬ... ИЛИ ТОННЕЛЬ?](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
 - [БОГИНЯ СВЯЩЕННЫХ ВОД](#)
 - [ЮГОСЛАВСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ](#)
 - [ЗНАЮ ИМЕНА, ВИЖУ ЕЁ...](#)
 - [ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ](#)
 - [ЭЛЬСИНОР](#)
 - [ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА ПАНЬШИНА](#)
 - [НАЕДИНЕ С КОПЕНГАГЕНОМ](#)
 - [ЧАЕПИТИЕ. ГДЕ РАСПОЛОЖЕН АД?](#)
 - [ЦВЕТОК НОРНЫ](#)
- [ЧАСТЬ ШЕСТАЯ](#)
 - [МЕТАИСТОРИЯ — КЛЮЧ К МИРУ ДРЕВНИХ](#)
 - [АСГАРД ОТКРЫТ!](#)
 - [МЕТАИСТОРИЯ — О ВАНАХ](#)
 - [ВАНСКОЕ ЦАРСТВО](#)
 - [АРИИ МОНГОЛИИ И АСГАРД](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В ШЕСТОЙ, НАУЧНОЙ ЧАСТИ КНИГИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ
АСГАРД — ГОРОД БОГОВ
(история открытия)

*ПРЕСВЕТЛОЙ ЗОЛОТОГЛАЗОЙ АФРОДИТЕ-
БОГОРОДИЦЕ, ПЛЕНИТЕЛЬНЕЙШЕЙ ИЗ
БОГИНЬ, ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГОРОД СВЕТА

ЗОЛОТАЯ РОЩА

Это случилось задолго до того, как мне посчастливилось открыть Асгард — золотой город с чертогами и дворцами, в которых когда-то жили боги скандинавских мифов. Золотым этот город остался только в памяти народа. На самом деле стены его дворцов были малиновыми или красными, и выстроен он был простыми мастерами своего дела и не на небе, как утверждалось, а на земле.

Ещё точнее: шёл год семьдесят третий... В конце сентября на побережье Чёрного моря выдался ясный день, но после обеда ветер гнал волну, и никто уже не купался. Это, разумеется, не относилось ко мне, потому что я только что прилетел из Москвы, был рад солнцу и даже ветру и вскоре окунулся в тёплую воду.

Сначала я забрёл к северу от Хосты, пригорода Сочи, километра на два. Там вообще никого не бывает в конце сентября, и мне нужно было бы быть осторожнее. Позднее, через несколько лет, я боялся этих первых дней, обманчивых, как само море. Когда прилетаешь — ещё немного покачивает. «Будь начеку!» — шепчет подсознание. Но я тогда ещё был глух к этому потаённому голосу и, даже если слышал его, не обращал внимания. Итак, я вошёл в воду в довольно диком месте, поплыл быстро и легко, как мне показалось. Не знаю, сколько прошло времени. Оглянулся, повернул назад. До берега — далеко. Нет, я не испугался. Плыл и плыл, но вот когда берег был рядом, я вдруг понял, что на море не меньше четырех баллов и я не могу коснуться ногами дна. Я отплыл, снова повернул к берегу — туда, где волны косо ложились на гальку. Но и на другом берегу лукоморья мне не удалось выйти из воды. Она пенилась и отбрасывала меня с шумом, с грохотом, сметая гальку и не подпуская меня к ней ближе двенадцати метров. Вдруг я понял, что эти метры для меня непреодолимы. Пришёл страх. Помню, какими ватными сделались мои руки. Я убеждал себя, что страх — мой главный враг. Так оно и было. Что ж, ещё попытка, ещё, ещё, и все напрасно. Я устал.

И на этот раз пришёл настоящий страх, неповторимый, как сама смерть. Ещё несколько минут меня болтало, но я держался. Потом хлебнул воды. Скрылось солнце, скрылось небо. Все перевернулось.

Скорее всего, я не смогу описать это состояние, даже если очень захочу это сделать. Но мне никогда не захочется. Ручаюсь за это. Часть страха не ушла, она во мне с тех пор.

Так вот, теряя сознание, смирившись с участью, я уже ничего не слышал и ничего не видел. Меня не стало. И за этим мигом тьмы возник далёкий просвет.

Сначала был тоннель, по которому я будто бы летел вверх. Вверх! И там, вверху, был серебристый купол. Но не было ни моря, ни неба, ни берега. Меня тоже не было, как я понял чуть позднее. Только тоннель и купол.

Что-то произошло. Моё сознание будто бы ещё не угасло, и я увидел сверху красные стены, окружавшие удивительный город, храм у городской стены с рядами изумительных колонн и красной рощей, подступившей к самым колоннам, к стенам города.

Тогда я ещё не верил в бессмертие души, не догадывался, что это за красная роща и что за город. Впрочем, все по порядку.

Видение города исчезло. Меня выбросило на прибрежную гальку. Не помню, как это произошло. Очнулся под грохот прибоя в тот удивительный сентябрьский день. Надо мной было небо с быстрыми облаками, по правую руку от меня — крутой зелёный берег, склон горы Ахун, по левую — бушующее Чёрное море. Понт Эвксинский, как некогда называли его древние. Я лежал за большим камнем, через который меня перебрала шальная волна.

Только минуту спустя задал вопрос: как это получилось? Я дышал, я поднялся на ноги, я был жив, здоров и снова радовался жизни. Меня вынесло на берег бездыханным, решил я. Потом пришёл в себя — вот и вся история.

И я забыл или почти забыл удивительную рощу.

Через год, листая «Младшую Эдду», книгу, которой описаны подвиги скандинавских богов, их жизнь, их город Асгард, я вздрогнул. Снова и снова перечитывал описание рощи Гласир, которая украшала этот город. «Гласир» означает «сияющая». Листья деревьев — острые, похожие на иглы, они цвета червонного золота. Именно такие деревья я видел тогда, на берегу, когда тонул, но меня случайно выбросила на гальку шальная волна. Я перечитывал описание Асгарда, и меня не покидала странная мысль, что именно это все я увидел, когда потерял сознание.

Прежде всего мне предстояло установить, есть ли такие деревья вообще. Я поехал в Никитский ботанический сад, главный ботанический сад страны, долго разговаривал с дендрологами, знающими все, что произрастает в лесах моей страны и даже далеко за её пределами. Я описал внешний вид красной рощи. В ответ я не услышал ни названия деревьев, ни даже дельных советов.

Что произошло? Я в самом деле увидел небесную рощу? Ведь город богов находится, как хорошо известно, именно на небе! Прошло ещё года три. Моя вера в науку была поколеблена именно в эти несколько лет, когда я, сам не знаю почему, решил написать несколько очерков о достижениях человеческой мысли. Ничего путного у меня не получилось. Я встречался с учёными, иногда очень известными, но встречи меня разочаровывали. Я подолгу рылся в книгохранилищах, библиотеках, перелистывая старые, на удивление хорошо изданные книги. Иногда это были книги — современницы выдающихся событий. Они пережили открытие Рентгена, радий, урановую эпопею, первые опыты с генами.

В одной из книг я нашёл описание деревьев с красными остроконечными листьями. Оказывается, есть пурпурная разновидность персика. И она названа так именно за постоянный ярко-красный цвет листвы. Но только через несколько месяцев я осознал важность моего собственного открытия. Это случилось после того, как я прочитал книгу Р.Моуди «Жизнь после жизни», изданную на английском языке.

В этой удивительной книге сообщалось о том, что видели люди после своей собственной смерти! Пациенты, умирая, вдруг как бы поднимались вверх неведомой силой. И сверху видели своё неподвижное тело, врачей и сестёр, склонившихся над ним. Нет, не было ни страха, ни боли. Сознание, покинувшее распостёртое на койке тело уже после клинической смерти, жило как бы само по себе. Впереди был тоннель, потом — свет.

Один из пациентов, возвращённых врачами буквально с того света, вспоминает:

«Самым странным было то, что я чувствовал: всюду вокруг меня были люди, были всевозможные предметы, хотя я не видел их так, как мы видим их здесь. Я был охвачен чувством совершённого счастья и мира, хотя я не могу сказать, сколько времени все это продолжалось».

Другая пациентка тоже рассказывает, как она увидела сияющий золотистый свет, перед ней возник чарующий город, и оттуда доносились звуки необыкновенной прекрасной музыки. Она услышала подсказку: если она войдёт в этот город, то никогда уже не сможет вернуться назад.

После реанимации третий пациент говорил: «Это было чем-то вроде школы, хотя и не похожей на нашу; все как будто наполнено знанием. Достаточно сосредоточиться на одной теме, как знания начинают вливаться в вас сплошным неостановимым потоком, как будто бы вы прошли десяток программ по скоростному чтению».

А вот слова женщины о том же: «На какое-то мгновение для меня не существовало вопросов, которые оставались бы без ответа в то же мгновение. Я не могу сказать, как долго это продолжалось, во всяком случае, это имело место не в земном времени, а в каком-то другом».

На обратном пути она слышала голоса, которые стремились «стереть память об этом знании».

Многим воскресшим, вернувшимся в наш мир и в наше время, запомнилось все же, что это удивительное место называется так: «Город света».

Но ведь и я знал, видел этот город, запомнил на всю жизнь его свет, похожий на сияющий дождь, его волшебную рощу, его чертоги.

Я тоже заплатил за это страхом смерти, почти беспамятством. И если правда, что знание о городе света отбирается при возвращении к жизни, то мне очень повезло: я помнил о нем. Помнил! Светлый город с серебряными крышами существовал, как существовала роцца Гласир, или, проще, — райская роцца. Думаю, именно древние предания положены в основу библейских рассказов, а не наоборот.

Нужно было вернуться к Платону, мудрецу древности, описавшему так много непонятных чудес, в том числе атлантов и Атлантиду. Одно из этих чудес мне было ближе всех. Итак, на моем столе оказалось сочинение «Государство». Стилоса философа вывело незабвенные строки. Герой книги солдат Эр сообщает, что он видел души тех, кто готовился к рождению в этом мире: «Они двигались через Долину забвения, проходя через ужасный, удушливый жар... И вот к вечеру они расположились у Реки забвения. Все они должны были выпить из неё воды, но те, кто пил больше меры, забывали все. После того как они уснули, в середине ночи раздался гром и затряслась

земля, и все они внезапно взлетели, как метеоры, навстречу своему рождению».

Это души двигались по Долине забвения! Герберт Уэллс в своём рассказе «Видение страшного суда» связал похожую картину с космической реальностью, с мировым разумом, а в другом рассказе — «Дверь в стене» — описал удивительный сад, который чем-то напоминал роццу Гласир.

СОН

Мне доводилось писать фантастические романы и рассказы, но я никогда раньше не мог бы подумать, что правда, о которой мне захочется рассказать, в высшей степени фантастична. Она даже превосходит всю ту фантастику, которую я когда-либо читал.

Что же произошло дальше?

Представьте человека, который пытался найти Асгард, следуя эддическим мифам. Это похоже на приключения Шлимана, археолога-любителя, который нашёл древнюю Троию. Но Троя не только описана Гомером, она действительно существовала. В этом, в нашем мире, и ни в каком ином. Кроме того, тот же Гомер точно указал её местонахождение — это малоазийское побережье Эгейского моря или пролива Дарданеллы. По Эгейскому морю плыли корабли греков и их союзников, чтобы покарать Троию и троянцев за похищение красавицы Елены.

Асгард же находился на небе. В отчаянии я сжимал голову ладонями, сознавая, что трудно представить, как же найти ключи к зачарованному городу богов-асов. Персиковые деревья с пурпурными листьями? Но ведь они могут расти лишь на юге. Асгард же описан в исландских мифах и песнях о богах. Цикл этих песен записал поэт и учёный Снорри Стурлусон в XIII веке.

Льды и снега покрывают даже летом невысокие горы северного острова. Исландия — это большой остров, который долгое время был затерян на севере Атлантики, потом открыт скандинавскими мореходами, и вот уже целое тысячелетие там живут потомки викингов. Именно переселенцы из Скандинавии принесли сюда древние мифы и сказания о богах и героях, об Асгарде. Исландия стала хранительницей этой старины, своеобразным этнографическим заповедником, наподобие русского Севера.

Я читал и перечитывал «Эдду», находя прямо противоположные указания на местонахождение Асгарда. Прототип города богов якобы располагался восточнее Дона. А в другой книге мифов он попросту отождествлялся с Троей. Но из Трои вели своё происхождение и галлы, и бриты, и саксы, и многие другие европейские племена и народы. Это

скорее поэтическая традиция. Не мог же я всерьёз заменить Троию Асгардом и поставить точку. Что общего между теремом Приама, который так хорошо описан Гомером, и Валгаллой? Или чертогом бога Тора? Или другими постройками Асгарда, которые я тогда вдруг увидел в считанные мгновения?

Я не мог согласиться с троянской версией «Эдды» хотя бы потому, что видел после тоннеля дворцы, не похожие на троянские. И это могло стоить мне жизни.

Но если принять район поисков восточнее Дона-Танаиса, то не будет ли это означать, что мне придётся изучать всю Азию?

Сами скандинавские боги выступают то как вполне реальные, земные владыки, то как небожители. Такой же и Асгард — чарующий, но двойственный, небесный и земной одновременно.

Сказка. Можно было бы на этом ставить точку. Но мне приснился сон. Будто бы дул ветер, сносящий крыши, сверкали молнии, раскалывая небо на части. Потом все утихло, я бежал в укрытие, но в пути меня застал ливень. Я остановился. Вдруг сверкнуло так, что я почти ослеп. И все же успел заметить дворец с колоннами. Я не смел шагнуть к каменной лестнице. Снова темнота. Потом сияние молнии. Молния как бы застыла на небе, и я увидел на ступенях рослого плечистого человека. Он был бородат и держал на своём правом плече огромный молот. Я узнал его. Это был Тор, второй после Одина ас. Он показал мне свободной рукой дали по обе стороны от дворца. Я увидел пологие холмы. Молния все ещё сияла, и я успел рассмотреть пейзаж, долину со сверкающими ручьями, рощу, вдали стену города, чертоги Асгарда.

Что-то произошло. Я быстро повернул голову, но не увидел Тора. На один лишь миг показался мне волшебный дворец Бильскирнир — именно в нем жил Тор, согласно древним песням. Потом дворец растаял. А вместо живописных холмов я увидел унылую пустыню. И не было ни долины, ни ручьёв, ни зелени. Песок и пыль.

Я проснулся. До утра не мог уснуть. Перед рассветом вздрогнул, мне показалось, что рядом со мной возникла фигура бога Тора. Но, думаю, он не поместился бы в моей комнате. Скорее это был странный знак. И я истолковал его по-своему. Тор передал мне ключи от Асгарда. Того Асгарда, который когда-то существовал. И одновременно он показал, где его искать. Где же? В пустыне.

Я наделил этого мифического Тора из моего сна человеческими качествами. Он хотел мне помочь. Так легче думалось. Ведь я был одинок. А он знал все, что знал я. И то моё состояние на берегу было ему тоже понятно и знакомо. Стоп! Горячая волна прошла по мне, стало жарко от ударов сердца.

Я понял, что древние люди тоже испытывали это состояние, может быть даже сильнее, отчётливее, чем мы.

Но если это так, то некрополи древних должны хранить это потустороннее знание в самой своей архитектуре. Мне было хорошо известно, что некрополи — это города обожествлённых предков, города богов. В сагах боги — это далёкие предки, асы и ваны. Только спустя столетия они стали богами.

Знание открылось мне далеко не сразу, не так, как это было с упомянутыми в книге Моуди некоторыми пациентами. Я искал, спал долгие месяцы по пять часов в сутки. Но зато моё знание оказалось полнее: я открыл Асгард.

Роца Гласир могла произрастать на юге. Где же? Прочитав сотни книг по древней истории человечества, я нашёл удивительную страну, описанную в китайских хрониках империи Тан. Эта страна так и называлась: Анси, то есть асы. Почему я поставил знак равенства между «Анси» и «Асы»? Только потому, что слово «ас» в древнегерманском звучало так: «анс».

Что же это за страна?

Земля асов — это сначала часть территории Персии. Потом, после походов Александра Македонского, с севера пришли скифы и завоевали Парфию, одну из бывших её областей. Там стала править скифская династия Аршакидов (Арсакидов). Парфия стала расширять свои владения.

Скифы пришли туда, откуда им некогда грозила опасность. Ведь Персия воевала с ними.

Двадцать пять веков минуло...

Великая Персия грянула на скифов Семисоттысячным войском, Возможно, только отборной армией.

Скифы, отошли, следя за вторжением.

Сыны севера тогда знали, Как быть с наступающими врагами:

Из черепов их делали чаши, Скальпы вешали на узду коня Или употребляли как рушники, Кожей убитых покрывали коней, Как

попоной, а кожа рук шла на колчаны...

Персидский царь приказал подчиниться, В ответ получил лишь птицу, мышь, лягушку, пять стрел.

Это значило: «Если не улетишь, как птица, Не скроешься, как мышь, Не спрячешься в воде, как лягушка, — Падёшь от стрел, берегись!»

Конечно, от Асгарда сейчас остались лишь развалины, засыпанные песком, но когда-то в нем жили люди, почитавшие асов, обожествлённых предков. Было это очень давно, более двух тысяч лет назад, в I тысячелетии до нашей эры. Асгард был духовным центром самого сильного и обширного из государств Востока. Он был усыпальницей, городом поклонения древним царям, городом храмов и мавзолеев, удивительных сокровищниц царей Парфии. Я проследил маршруты миграции племён, поклонявшихся Одину, Тору и другим богам древних скандинавов. Этот маршрут, согласно сагам, вёл из регионов восточнее Дона. Затем удалось найти главные объекты города асов — Валгаллу, где души убитых храбрых воинов пировали с Одином, и поле, на котором асы снова соберутся после конца мира,

— Идавель-поле. От Валгаллы остался лишь фундамент. Это огромный круглый замок, в котором между колонн располагались статуи двенадцати асов во главе с Одином. Идавель-поле служило асам для игр. Эти игры удалось также восстановить по описаниям, оставшимся у народов Кавказа, соприкасавшихся тесно с асами в парфянскую эпоху. Парфия — район древнего расселения ариев, основавших в Средней Азии ряд государств. Парфия поражала воображение современников. Всю древнюю Парфию на Востоке называли в то время страной асов. К сожалению все это было забыто, но удалось все же изучить и проанализировать все древние источники, в том числе китайские, которые подтвердили правду скандинавских саг и песен о богах в главном.

На монетах древнего Асгарда, отождествлённого в древности со всей Парфией, изображены крылатые девы-валькирии, древо мира ясень Иггдрасиль, сами асы. Удивительна и неповторима архитектура Асгарда, располагавшегося в предгорьях Копетдага. Замки и чертоги Асгарда как золотые, стены их до второго этажа нередко малиновые, а выше — ослепительно белые, напоминавшие о светлом серебре. На

фоне чарующей рощи Гласир и зелёных предгорий Асгард производил неизгладимое впечатление.

* * *

На западе Асгард называли Нисой. Так это имя города звучало у греков. Ниса и была, по тем же греческим источникам, духовной столицей Парфии, самого могущественного государства Востока, соперника Рима. Это и центр культа обожествлённых предков. Одновременно это Асгард — город богов-асов скандинавских мифов, записанных Снорри Стурлусоном, самым знаменитым из исландцев.

Вся стена первого яруса храма в Нисе — малиново-золотистая. Как золотая. Верх был белым: «как из серебра», что тоже соответствует сагам. Здесь, у этого святилища и произрастала роцца.

Мне удалось отождествить все остальные храмы и чертоги саг с реальными постройками парфянской эпохи и найти изображения богов-асов на камне и слоновой кости.

СОПЕРНИКИ БОГОВ — БОГИ...

Самые удивительные страницы истории Асгарда открылись мне, когда я задумался о соседях и соперниках асов, описанных в песнях чаще всего с мифологической точностью.

Не хотелось бы утомлять пересказом мифов. Обещаю сделать это ниже, в самой лаконичной форме и так, чтобы это завершало, а не предвляло события, имевшие место в действительности.

Все же нужно сказать: боги не всеильны, они ведут свою борьбу. Понять это трудно. Но придёт согласно эддическим сказаниям, год, когда светлый ас Хеймдалль свой рог Гьяллархорн и протрубит, возвещая начало битвы с чудовищами. Эта битва и означает конец света. Ещё до битвы поднимут руки друг на друга братья, отцы и дети. Освободится от божьих оков гигантский волк Фенрир и так разинет пасть, что верхняя челюсть его коснётся неба, а нижняя — земли. Мировой змей будет изрыгать яд и отравит воды и воздух. Впереди своей рати поскачет огненный великан Сурт (дословно: чёрный, черт).

Сурт сожжёт землю в огне. Затем суша утонет, её залиют воды океана. Но жизнь воскреснет. Суша поднимется из моря. На поле для божественных игр явятся асы младшего поколения и двое людей — мужчина и женщина, которые дадут начало человечеству.

Эта картина относится и к прошлому, и к будущему. Время в мифах размыто. Но древние знали: события повторяются примерно через двенадцать тысяч лет. Значит, это и пророчество на будущее.

Асгард стал для меня вполне реальным городом. Это одновременно и земля, страна, обширная и светлая. Хочу дать пояснение. Однажды во время беседы с моим другом мы вспомнили свидетельства египетских жрецов в пользу Атлантиды.

— Все это очень точно записал Платон, — сказал мой друг (его зовут Игорь, и читатель ещё не раз встретит это имя на страницах книги).

— Есть одна деталь, — сказал я. — Платон говорит, что Атлантиде противостоял город Афины. На самом деле тогда и позднее все государство называли именем главного города. Так что переводчики не точны. Арабы именовали мадиной и город и

государство, этруски свои двенадцать княжеств или государств называли городами, а всю Этрурию — двенадцатиградьем. Точно так же и с Асгардом...

— Страна богов!

— Иногда говорят: небесная страна. Целая страна!

— В Асгарде несколько небес!

— А это значит, несколько пространств. Мир не таков, каким его считают физики или философы. Мы говорили с тобой о двенадцати пространствах Вселенной. Это тридцать шесть измерений. Может быть, двенадцать астральных духов древних ассирийцев и двенадцать асов олицетворяют собой эти пространства.

— Жаль, что мы пока не знаем подлинных имён асов! — воскликнул Игорь. — Помнишь, мы пришли к выводу, что тайна пространств откроется вместе со знанием подлинных имён.

— Нам остаётся сказать спасибо Снорри Стурлусону и тем, кто был до него. Они добросовестно записали имена асов так, как слышали их. Конечно, это народные имена, изменённые, или, как говорят лингвисты, народная этимология. Я верю, что узнать подлинные имена асов, вообще всех богов — можно.

У меня хватило ума промолчать о статье, где я доказываю не только двенадцатипространственную структуру Вселенной, но и рассчитываю влияние других пространств на строение каждого из них. Попробуйте окончить такой разговор, не измучив собеседника! Мне удавалось наблюдать следы такого влияния: как бы тень другого пространства всегда присутствует в нашем мире, и в нем появляются иногда дополнительные измерения.

Можно ли объяснить все это на пальцах? Вряд ли. Разве что сослаться на Асгард. Некоторые асы и их жены могли бы олицетворять сопряжённые, самые близкие друг другу пространства.

И потом целый вечер мы говорили о бессмертных богах, которые известны человечеству под разными именами. В одну эпоху на и на одной земле, скажем, в Малой Азии и Греции — это Афродита, в другую эпоху, в Европе, — это Богородица. В Урарту и Ассирии она известна как Багбарту — именно отсюда её русское имя Богородица.

В русских сказках, которые сохранили древнейшие сведения наподобие скандинавских мифов, известно другое имя этой богини: Царевна Лебедь. И потом я нашёл подтверждение этому из

первоисточника. Другими словами — из Города света. Я должен буду рассказать об этом позднее.

Ещё одно имя Афродиты — Анахита, или, полнее, Ардвисура Анахита. Это богиня священных вод. Место её жительства — среди звёзд. Она величественна, бесстрашна, полна сил. На своей квадриге она сокрушает демонов, притеснителей, зловредных. Верховный бог Ахура-Мазда доверил ей заботу наблюдать за человеком. Все боги зывают к ней, просят величия и богатства. Она даёт плодородие всей природе и живущим существам, покровительствует стадам и пастбищам. С виду она стройная высокая девушка с величавой осанкой. На голове её венец из чеканного золота, украшенный звёздами. У неё очень тонкая талия, пышная грудь. На руках её браслеты, на шее ожерелье. На ногах у неё золотая обувь. Её окутывает роскошный плащ из меха выдры, расшитый золотом.

Первая часть полного имени Анахиты неясна.

Ардви — что это? Можно найти такой перевод: влажная. Другие оставляют эту часть имени без перевода. Сам Асгард даёт ответ. Волшебный источник в обители богов в «Эдде» называется так: Урд. Сначала же, в мифологическом истоке, название ключа отождествляется с одним из имён богини священных вод и плодородия: Ардвисура. Урд — Ардвисура. Трудно не заметить созвучности ключа в Асгарде и первой части имени богини.

...Племена и народы древности называли себя именами небесных владык. Их вожди и государи чаще всего тоже. Земля была как бы отражением неба, правда, искажённым. Если небесный владыка позволял с собой иногда спорить, земной — никогда. Возможно, и на небе у асов были соперники, их имя — ваны.

Земные же их войны описаны в «Эдде» и «Круге земном» известного уже нам учёного Стурлусона. Ваны жили на нижнем Дону.

Но кто жил тогда близ устья Дона и на берегах Азовского моря?

Венендерские горы. Так назывался раньше Донецкий кряж. Примерно в ту же эпоху земля нижнего Дона называлась Лебедией. Фатеи или ватеи — это имя племени, которое было настолько могущественным, что влияло на судьбы античного государства Боспор. Ватеи жили именно в низовьях Дона или на побережье Азовского моря, ибо Боспор занимал вначале Керченский и Таманский полуострова, затем его территория расширилась. Арабские авторы

называют племя вантит на Оке и верхнем Дону. Они же называют это племя немного иначе: ват.

Это факты, свидетельства историков. Они требуют объяснения.

В эпоху великого переселения народов ватей и ваны должны были уйти на север, на Оку — такие были времена! Но там, на Оке, известно двойное племенное имя. Вантит. То есть ваны. Ват. То есть вятичи. Это хорошо известное племя, объединившееся с Русью, но ещё до того создавшее своё государство на Оке и верхнем Дону. Но перед тем была Лебедия! А двойное имя свидетельствует с очевидностью, что не только вантит и вятичи, но и ваны и ватей — это один народ, одно племя.

Теперь и остальное находит объяснение. Венендерские горы названы в честь вендов-венедов-венетов (неизбежны вариации имён, ведь раньше писали, как произносили, а произносили на протяжении веков по-разному). Венеты, венды — ещё одно имя племени вантит или вятичей, то есть тех же ванов.

Можно понять и название земли — Лебедия. Если у вятичей на Оке, как сообщают русские летописи и другие источники, были обрядовые танцы женщин, наряжённых лебедицами (длинные, свисающие рукава светлых платьев подчёркивали сходство с лебедями), то понятно, что это наследие Лебедии. Вятичи-ваны переселились на север из Лебедии. Другая их часть ушла с асами на запад. очевидно, всю их землю на нижнем Дону называли Лебедией именно из-за поклонения белой птице. Это царственная птица, божественная. Поэтому Лебедия — другое естественное название земли ванов-вятичей-вендов именно в этом регионе и в то время.

Вернёмся к более ранним событиям.

Богиня Багбарту, супруга главного бога Урарту Халди, была Царевной-Лебедью. Хорошо известно имя основателей Урарту. Это ваны. отсюда вывод: Урарту основали вятичи, только в более раннюю эпоху, на тысячу лет раньше Лебедии. Тогда как раз венеты-венды-ваны начали глобальное переселения из Малой Азии на запад и восток, как свидетельствует Страбон, один из самых обстоятельных историков древности. По пути венеты-ваны основывали государства: на западе эта первая волна переселенцев основала города в северной Италии, на востоке — в Урарту.

...О, никогда бы не подумал, что о вятичах написана целая поэма античным историком Диодором Сицилийским!.. Но это так.

Было время — Боспором правил фракиец Спарток. Этого не понимают историки, но скандинавские авторы полторы тысячи лет спустя после смерти Спартока вдруг написали как бы ни с того ни с сего, что Боспор и прилегающие территории заселялись из Фракии! Так начала править Фракийская династия. Один из преемников Спартока, Перисад, поддерживал связь с местными племенами. Его сыновья после смерти отца стали бороться за власть. Старший сын Сатир собрал две тысячи наёмных греков, столько же фракийцев и ещё большее число скифов. Противником его выступал Евмел, родной брат. Он опирался как раз на ватеев. Царём ватеев тогда был Арифарн. Это арийское имя, аналогии можно найти в Персии.

Сатир нанёс поражение брату в открытом бою. Но Евмел укрылся в царском замке Арифарна. Эта крепость ватеев-вятичей выдержала первый штурм. Сатир был ранен и скончался в тот же день. Мениск, начальник наёмников Сатира, снял осаду, отвёл войска в город Гаргазу. Туда прибыл вскоре третий сын Перисада Притан. Но Притан не смог успешно воевать с ватееми и Евмелом. Вскоре он погиб. Евмел стал правителем Боспора. Это было за триста девять лет до Рождества Христова. Конечно, я не знаю, какое из скифских племён помогало Сатиру против ватеев. Может, часть царских скифов, а может, другие. Но все же это одна из битв асов и ванов.

...Война грозных асов и ванов стала далёким прошлым. Но в «Старшей Эдде» осталось на века: «В войско метнул Один копьё, это тоже свершилось в дни первой войны; рухнули стены крепости асов; ваны в битвах врагов побеждали!»

Эту битву асов с вятичами-ванами Один начинает по древнему обычаю, бросив копьё. Ряды ванов не дрогнули. Заключённый асами и ванами мир предвещал цепь великих побед в грядущих тысячелетиях — от нижнего Дона до Москвы. Ещё до Юрия Долгорукого, руса по происхождению, на месте Москвы был небольшой город ванов-вятичей. Ходота ванов-вятичей (Одота) носит арийское имя, оно того же корня, что и слово «вождь» в древней Парфии, и имя скандинавского бога Одина. История была забыта или вымарана фанатиками, преследовавшими на Руси светлую и глубокую мечту предков об устройстве мира и силах природы. Но вопреки их воле

Москва и после прихода сюда русов с Днепра оставалась северным форпостом Асгарда, по сути его продолжением в грозных тысячелетиях борьбы и побед, городом, который ныне олицетворяет утраченную некогда и вновь обретенную власть над небом и космосом.

* * *

Это более чем фантастично. Но это правда. Читая эти строки может обратиться к моим отчётам об открытии Асгарда. Они опубликованы миллионными тиражами.

Мне остаётся добавить теперь к сказанному то, что я никогда не решился бы опубликовать в научной статье.

Я стоял на всхолмлённой песчаной равнине недалеко от открытого мной Идавель-поля под голубыми небесами Копетдага. Дул тёплый ветер ранней весны. У моих ног лежал гипсовый шар. Когда-то он точно так же покоился у ног асов. Из памяти не выходило лицо силача Тора, каким он явился во сне. После конца мира, погибшего в огне, асы должны собраться на этом поле для игр и бесед.

Произошло непредвиденное. Случилось самое фантастическое событие в моей жизни. И не только в моей. Асгард открыт. Асгард существует. Но мир не сожжён в огне. У меня такое чувство, что открытие Асгарда для людей отменяет мировой пожар и потоп. И я был всего лишь первым из людей, кто достиг знаменитого поля божественных игр. Но что я чувствовал!.. Мне казалось, что со мной явились сюда и сами асы, принявшие меня как равного.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МОЛОТ ТОРА

ТАЙНА СГОРЕВШЕГО САМОЛЁТА

Горел «Дуглас». Последние порывы метели прижимали дым к березняку. Казалось, вот-вот небо успокоится, но пока мчались и мчались белесые, серые, сизоватые, разорванные ветром тучи и сыпал снег. Влажный осенний снег налипал на одежду. Вдруг синий разрыв между седыми облаками — точно прорубь. И самый последний вздох непогоды. Тишина. Предсумеречный час. Дым спокойно застилал долину. Две чёрные струи дыма поднимались вверх от резиновых баллонов самолёта, огромных, почти метровой толщины. Ещё светилось пламя. Издалека оно казалось зарницами в полуслепом, очищавшемся от снежных вихрей небе.

Это была американская машина из тех, что закуплены были на третий год войны и перегонялись по Колымской воздушной трассе — над Чукоткой, Колымскими хребтами, Сибирью. Василий Макарович Соломин увидел лётчика. Он лежал на боку в тридцати шагах от конца левой плоскости. Вероятно, его отбросило от самолёта взрывом. Чёрное, обожжённое лицо, на шее — глубокая рваная рана, от которой на снегу запеклась кровь, обгоревший комбинезон — все говорило за то, что ещё в воздухе произошло нечто из ряда вон выходящее, а потом ослепший в пурге самолёт врезался в пологий склон сопки.

Кто-то из спасательного отряда нашёл второго члена экипажа. Собрали документы. Из трех пар лыж соорудили лёгкие сани. Но когда прошли с километр от места катастрофы, спохватились: на «Дугласах» экипаж состоял из трех человек. Василий Макарович вызвался вернуться. Уже темнело. Он искал, пока не высыпала звёздная пыль над головой. Наломал веток лиственницы, развёл костёр. Яркое бездымное пламя согрело мгновенно. Отсюда, из пределов светлого пятна уже не рассмотреть было самолёт. Почти километровый круг поиска замкнулся. Может быть, их было двое, подумал Василий Макарович, вспомнив чисто выбритые виски лётчиков. Где-нибудь на Аляске они зашли перед полётом в заморскую парикмахерскую. Двое. Третьего, может быть, и не было.

На следующий день с утра валил снег. А потом зима окончательно вступила в свои права. На самых крутых склонах обрушились снежные

карнизы, в долину сошли две-три небольшие лавины, вода в реке, борясь со льдом, растеклась над ним, и от неё шёл пар, сохранявший ещё некоторое время тепло. Потом и река погрузилась в спячку, её засыпало снегом, и нитки следов тянулись от одного берега к другому, рассказывая молчаливо о вышедших на зимний промысел горностаях.

Так рассказывал сам Василий Макарович.

Штурмана он нашёл в мае, когда начал сходить снег. Его имя: Никольский Павел Артемьевич.

— Штурман выпрыгнул первым. Судя по всему, самолёт уже терял скорость. Никольский Павел... тысяча девятьсот двадцатого года рождения. Пурга могла затянуть его под винт. Не было у него правой руки, вот в чем дело.

— И вы обнаружили пакет в его документах? — Я хотел знать подробности, потому что содержимое пакета, вся эта история вызывали у меня в последние дни неодолимые приступы бессонницы, я засыпал лишь для того, чтобы видеть это во сне, а просыпался, чтобы дать хоть какое-то объяснение случившемуся. Это был, естественно, не первый разговор с Соломиным. С того дня, как это случилось, прошло тридцать семь лет. И все яснее становилось, что удивительная загадка целлофанового пакета как бы выросла вместе со мной. Или, может быть, взрослый человек сохраняет в себе отдельные мальчишеские чёрточки, любознательность, например?..

— Нет. Пакет был в планшете. Я едва не прошёл мимо. Из-под снега, в проталине около старого пня виден был угол планшета. Ну а дальше знаешь... — Соломин обращался ко мне на «ты», потому что старше меня более чем вдвое, он привык к тайге, привык к приключениям, привык и этой истории.

...Я помню почти наизусть с давних пор эти странные записи. Но смысл начал доходить до меня значительно позднее, когда уже студентом я услышал о сочинении американца Адамского, якобы побывавшего на Луне и составившего карту обратной её стороны с участием инопланетян.

Я вдруг понял, что сочинение Адамского — это лишь версия, вариация отдельных идей, составляющих основу записей, найденных в пакете недалеко от обломков «Дугласа». Как попал этот пакет к нашим лётчикам, остаётся гадать. Быть может, это случилось на Аляске. Судя по модной стрижке, они провели немало дней там, ожидая самолёт. В

это время их могли ознакомить с документом чрезвычайной важности, которому, быть может, не суждено было попасть ни в Вашингтон, ни в другие города — не до того было американцам.

По вполне понятным соображениям я не мог раньше опубликовать этот текст (около десяти машинописных страниц). Я не знаю, что это. Думаю, что он написан не сочинителем вроде Адамского. Возможно, он нигде больше не публиковался. По сути и форме это обращение к нам наблюдателей некой инопланетной цивилизации, или, точнее, группы объединивших свои усилия цивилизаций. В нем звучит тревога в связи с войнами на Земле. В нем сообщается, что в КОН (Коалиционном Отряде Наблюдателей) утверждается мнение: человек — существо, практически лишённое разума, не способное мыслить. В тексте также излагаются основы мироустройства, строения Вселенной, фундаментальные основы логики познания мира. Я этому, естественно поверить не мог. Я считал это раньше фальсификацией, сочинением на тему об инопланетном разуме.

Утвердился я в этом мнении, как ни странно, после знакомства с сочинением Адамского, будучи студентом. Я нашёл и систему доказательств, которые опровергали подлинность документа. Главное из них базировалось на первых же строках обращения.

Я снова читал:

«К настоящему времени Человечество составило себе представление о Вселенной в целом более правильное, чем во времена первого и второго обращений. Действительно, Земля не является плоской и не находится в центре Вселенной.

Действительно Солнце не находится в центре Вселенной, а является одной из звёзд, входящих в состав Галактики.

Действительно, последними из превращений энергии, поддерживающих деятельность звёзд и, соответственно Солнца и дающих возможность существования жизни на Земле и сходных с ней планетах, являются термоядерные реакции».

1929-й. В этом году обращение было передано по радио. Без видимых последствий. Оно было третьим по счёту. Об этом говорилось в вступительном разделе.

Но разве в 1929 году знали о термояде? Разве первые атомные бомбы не были взорваны много позднее, в 1945-м? И разве не в этом именно году, последнем году Второй мировой, люди узнали о

разрушительной мощи атома? Позднее атомный гриб как бы разросся в сознании, но зловещая тень водородной бомбы все же заслонила его. Это и был первый термояд, о котором услышало моё поколение. Такова последовательность событий. Вывод был однозначен. Обращение — фальсификация. Только вот фальсификатор забыл эту мелочь — он невольно перенёс на далёкие двадцатые страх своего поколения. В одном только месте перепутал время — сороковые с двадцатыми, — но вот это-то его и выдало. Всего десять страниц на машинке. Безукоризненная точность формулировок. А в двух-трех строчках фальшь, более того — явная ошибка. Я помнил и другие места, действовавшие на меня примерно так же. Но это было решающим доводом. Моя уверенность в ошибке основана была на тех знаниях, которые я усвоил в период бурного развития ядерной энергетики всех видов.

...Эддингтон. Это имя было для меня ещё неизвестно. И только в семидесятых я, к стыду своему, вдруг узнал, что ещё в двадцатых годах этот удивительный теоретик, имя которого не значилось ни в одной нашей энциклопедии, открыл термоядерные реакции. Я слышал о гелии и о том, что его сначала нашли на Солнце, потом на Земле. Это все.

И как только это могло случиться?.. Стыдно сознаваться, что я относил открытие термояд к более позднему времени, чем это произошло на самом деле благодаря неповторимой личности Эддингтона. Да, это была теория, но именно она меняла планету.

И вот я осознал, что все гораздо серьезнее, что случайный пробел в моих знаниях чуть не лишил меня возможности проследить ход мысли авторов обращения. Это было потрясением. И ударом по самолюбию. Я оказался в положении легкомысленного чудака именно в моей стихии.

Итак, термоядерные реакции на Солнце были описаны Эддингтоном в 1926 году. Он сделал сообщение в Оксфорде. И только через три года после этого, именно в третьем обращении иноцивилизаций, упоминалось об источнике энергии Солнца. Мы ещё сомневались в правильности выводов Эддингтона, многие вообще не верили ему, большинство даже не слышали об этом. Но те, другие, знали, что это так, что последнее превращение энергии Солнца —

термоядерное. Им не было необходимости изучать отклики на работу Эддингтона — это ведь так, это будет признано всеми на Земле!

И одно это — даже если не принимать во внимание поразительные обобщения на всех десяти страницах текста — убедило меня в подлинности документа. Это становилось важнее, чем все остальное. Авторы обращения знали наперёд, чем кончится история с гениальными предвидениями Эддингтона и другими достижениями.

Они знали наперёд, что грядёт Вторая мировая, и сообщали об этом с понятной оговоркой: «Недавняя мировая война и, очевидно, назревающая новая мировая война свидетельствуют, что быстрое развитие технической цивилизации не заставило вас поумнеть». И эта оговорка, со словом «очевидно», была тоже свидетельством подлинности. Фальсификатор не преминул бы использовать категорическую формулировку — ведь инопланетяне должны знать наперёд ход событий на Земле. На то они, собственно, и инопланетяне. Но сообщение было составлено реальными, настоящими «ино», и меня теперь восхищало это изящное выражение по поводу войны. Очевидно... Да, теперь это очевидно.

Но главным аргументом, сразившим меня, был, конечно, подвиг Эддингтона, о котором я толком ничего не знал.

Деталь. Подробность, которая изумила меня и убедила.

Помню, с каким вниманием я перечитал старые статьи, книги, новые обзоры. Попутно я нашёл поразительно ясное описание жидких кристаллов в книге шведского физикохимика Сведберга «Вырождение» энергии». Год 1927-й. Лучшее из описаний, к тому же выполненное самим первооткрывателем. Не найди я эту книгу, до сих пор бы думал, что жидкие кристаллы начали изучать всерьёз много позже. Но как путано, слабо, даже бездарно написаны главы о жидких кристаллах в большинстве современных монографий и статей!

А Лосев, открывший в первой половине двадцатых электролюминесценцию полупроводников? И о нем забыли. И забыли, что он писал, и забыли, как здорово это было написано.

Все стало на свои места и по части других деталей. Готов согласиться и с тем необычным положением, что человек почти лишён способности мыслить. Если его учат десять лет в школе решать стандартные задачи, если после этого он занимается с репетиторами, если ему затем дают на вступительных экзаменах только стандартные

задачи и он едва-едва вытягивает на «хорошо» или «удовлетворительно, то это, право, нельзя назвать мышлением. Мышление в точном значении этого слова — решение нестандартных задач. То же могу сказать и о доцентах, например. Если учёные и наука в целом не могут ответить в течение десятилетий на самый идиотский, казалось вопрос: может ли человек видеть пальцами и пальцами же читать газету, то как можно говорить о мышлении?.. Ни на один новый вопрос наука, например экономика, ответа дать не в состоянии. Это же касается истории, философии, литературоведения, подавляющего большинства отраслей „знания“. Но есть и редкие исключения, есть и случайные открытия. К этому прийти было не так просто.

Но может быть, уместны сомнения? Может быть, нельзя было верить документу так безоговорочно, только потому, что я лично не удосужился ознакомиться с работами Эддингтона? Нет, оно было забыто у нас, несмотря на то, что водородную бомбу уже испытали. Доказательство тому — наша Советская атомная энциклопедия, вышедшая в 1956 году. Там не упоминается даже имени Эддингтона!

Я захотел ещё раз ознакомиться с находкой. Я знал, что в пакете был текст на русском. Мне стоило больших трудов получить командировку в этот город. Хотелось увидеть море и все остальное, близкое, ставшее далёким. Я знал, что соломин жив, и хотел встретиться с ним. Писать? Много ли можно написать об этом? А главное — я это хорошо помнил, — он сам не любил писать, да и не признал бы меня по одному моему письму, не вспомнил бы.

Я видел его последний раз двадцать пять лет назад. Тогда он жил в таёжном посёлке, в рубленом доме. Утром, попрощавшись с родителями, на попутной машине я проезжал мимо его дома, попросил шофёра остановить машину, выскочил из кабины, постучал в его окно. Он выглянул. Мы успели обмолвиться двумя-тремя словами. И вот уже за автобазой раскинулась знакомая долина, где слева и справа в реку вливаются прозрачные июньские ручьи. На каменных лбах сопок ещё лежат снежные шапки. В распадках — голубой, настоящий на хвое воздух. Кусты в рост человека скрывают реку, но в прогалах вода струится и сверкает на солнце как чистое серебро. Филатовка. Атка. Палатка. Это названия посёлков. Потом — город. Отсюда мне предстояло лететь в Москву, поступать в институт. Грузовая «татра» взбегает на невысокий перевал. Море!

Я оставил отца и мать там, в том же посёлке.

Одно время мы тоже здесь жили, в этом городе; я помнил его улицы, порт, ветры, налетавшие со всех сторон на каменистый полуостров. Помнил все бухты и заливы в его окрестностях.

Два дня в городе моего детства по пути в Москву! Я иду в кинотеатр «Горняк» со знакомой девятиклассницей Эльвирой Паниной. Потом — круглый деревянный павильон с аттракционом «Гонки по вертикальной стене» Леона Айказуни, отважнейшего из мотоциклистов. Вечером — чай у Эльвиры. Её мать, Зоя Петровна, рассказывает о городских новостях, говорит со мной как со взрослым. А ведь не далее как прошлым летом, когда надо было добраться до города из дома отдыха для школьников, который расположен на берегу бухты Гертнера, в десяти километрах от дома Паниных, я подкарауливал тяжело взбирающиеся на перевал грузовые машины, догонял их и, цепляясь руками за борт, подтягивался, прыгал в кузов и ждал остановки в городе, чтобы мгновенно исчезнуть, испариться на глазах изумлённого шофёра. Я выходил в Охотское море на вельботах и рыбацких лодках с просмолёнными бортами, с широкими банками, я садился на весла, вызывая почтительное удивление знакомых по дому отдыха девочек, которые искоса посматривали на мои мускулы, я выпрыгивал вместе с рослыми парнями-дальневосточниками и подтягивал к берегу лодку где-нибудь за Острым мысом. Там такие отливы, что целые поля с морской травой оставались подолгу владением вместе с их обитателями — крабами, гольцами, раками-отшельниками, морскими червями, зарывавшимися в серый песок на дне луж, но черви эти нужны были нам как приманка для лова наваги. Экспедиция наша быстро наполняла лодку добычей, странной на вид, но совершенно необходимой. С тех пор я навсегда полюбил море. У дома отдыха, на берегу, мы играли в волейбол. Саша Шерман, восьмиклассник из Магадана, судил нас и одновременно сочинял вальс для аккордеона, держа инструмент так бережно, что по нему не пришёлся ни один удар мяча.

Этот мир исчез, растворился.

Но странная сила заставила меня теперь искать пути к нему, совсем в другое время.

Итак, восьмидесятый год. Вспомним вместе с Василием Макаровичем, что было с нами после того, как я постучал в его окно

далёким июньским утром.

Да, Панины. Он их знал. Отъезд и хлопоты. Билет на самолёт в кармане, я знакомлюсь со Славой Дождевым, который едет поступать в Тульский механический. Мы летим над морем. Оно серое, угрюмое, потом — у Сахалина — синее, почти ласковое. Я вижу белый маяк, притоки Амура, деревянные дома Николаевска.

В восьмидесятом я не мог понять одного: верил ли сам Василий Макарович тому, что было записано на нескольких листах писчей бумаги, наверное, рукой штурмана Никольского, или нет. Я снова и снова спрашивал его, но окольно хотел разузнать о его настроении, о том, как он сам относился к находке. Ответы на многие вопросы я знал заранее, настолько хорошо представлял случившееся. В моем воображении возникал аэродром, лётное поле было покрыто стальными листами с круглыми отверстиями — так делали тогда покрытия на временных полевых аэродромах. Самолёт не дотянул двухсот километров до него. Может быть, кончалось горючее, и решено было сделать вынужденную посадку.

Главное для меня было заключено в целлофановом конверте штурмана. Понимал ли это Василий Макарович, человек начитанный, удивительно самостоятельный, дошедший своим умом до многого и многого из того, что может дать современное образование? Откровенно говоря, я не решился бы тогда говорить на эту тему ни с кем, кроме него.

— Василий Макарович, вы ведь сразу переписали текст и даже разобрали те места, которые пострадали от влаги, значит, это показалось вам правдой?

— Не обязательно... — прогудел он, подумав. Говорил он с выговором на «о», но передать на письме это трудно. — Я был намного, намного моложе, мне было наверное, столько, сколько тебе сейчас. И память об этих лётчиках... память. Они годились бы мне в сыновья, я был почти молод, но не очень — сорок лет. Эти ребята, лётчики, водившие «дугласы» на запад, видели то, что не видел я, мне самому попасть на фронт не довелось, из-за возраста, из-за работы на прииске, которая считалась тогда не менее важной, чем окопы. Все это... память о них я оставил у себя, переписал текст, поправил его кое-где, потом иногда перечитывал. Документы же их мы выслали близким — и это было нелегко, выводить их адреса на конверте.

— А потом?

— Что потом? Потом жизнь, лесное житьё-бытьё... охота, рыбалка, ягоды. Посёлок ты помнишь небось. Это сейчас я в городе, стар стал по сугробам на лыжах бегать. Да и в посёлке сейчас, как в городе, неинтересно таёжному человеку. Близ реки, поди, видал во время своей поездки — горы гальки, бульдозеры нарыли. Всю долину прошли по разу, потом по второму. Пески промывают. Пейзаж, как на Марсе, жизни там уже нет. То золотишко, что раньше не брали, сейчас как раз под стать. мне скоро семьдесят семь вот...

— Но вспоминали про лётчиков?

— А как же!

— Ну а... — я замялся, опять на языке вертелся вопрос о пакете.

Нет, нельзя понять настроение другого человека, не побывав, так сказать, в его шкуре. Нельзя, к сожалению. И тут ничего не поделаешь.

Я учился, работал в столице. Василий Макарович с его лесной жизнью оставался очень далеко. И пакет тоже. Все воспринималось как фантастическая история. Или это я был таким легкомысленным? Как это проверить? И я снова задаю вопросы.

У него синие холодные глаза, косматые брови, белая окладистая борода. Говорит медленно, правильно. Порой не говорит — изрекает. Ему веришь. Даже сейчас, в приморском городе с театром, неплохими столовыми, кафе, современными домами, телевышкой, Институтом проблем Севера, человек этот ходит в унтах, волчьей шапке, в единственной его комнате, как встарь, на стенах развешаны сухие пучки трав, вырезанные из дерева фигурки, чучела местных птиц с белой совой во главе. Напротив меня — шаманский бубён, подарок якутского друга.

Текст в пакете оглашён по радио — свидетельство самих инопланетян.

Штурман Никольский тогда был ещё мальчиком, и жил он в небольшом городке под Смоленском. Радио тогда было редкостью, хотя детекторные приёмники и трансляция уже не удивляли. Какая у нас с Василием Макаровичем общая мысль? Вот какая: пакет — из Америки, Никольский записал там этот текст с чьих-то слов или переписал его с английского оригинала и перевёл. Где оригинал? Никто не знает о нем. Я пробовал наводить справки: результата пока нет.

Читать и перечитывать без внутреннего содрогания это нельзя, если понял текст, если веришь записи, если... много «если», но делу это не помогает. Это та грань, на которой человек склонён отказаться от логики и доводов, забыть, что был Коперник, что Бруно готов был бы, наверное, вторично сгореть на костре — за одно лишь право защитить это обращение, если бы оно стало ему известно каким-нибудь образом. Итак, это обращение было передано по радио. Но это не серии радиосигналов, пойманные Карлом Штёрмером, которые так нашумели примерно в то же время. Нет, это не импульсы, которые надлежит расшифровать, а прямая передача. На английском, русском и ещё двух языках. Когда я был юн, то относился к этому с нигилизмом юности. Даже непонятно, как это миновало главные центры моего сознания. Доказательства подлинности логичны, и я много раз корил себя за легкомыслие.

А Василий Макарович?.. Нет, у него не было этих доказательств. Было чувство долга: он сохранил эту память о штурмане Никольском, о наших лётчиках, делавших невозможное, немислимое дело — перегонявших самолёты на фронт через весь Азиатский материк в его самой недоступной части.

* * *

Я зашёл к нему тогда рано утром. Из окна его комнаты я видел залитый солнцем город, спускавшийся к морю, к бухте. Дома здесь старые, много деревянных, улицы первозданные, ещё со времён репрессий, а также пионеров и первопроходцев. Одно из моих любимых занятий — метаистория, как я это называю. Так вот, согласно моим метаисторическим розыскам, русы на Днепр пришли из Фракии несколькими волнами: одна из волн — после походов Александра Македонского, тогда же часть галлов ушла на территорию современной Франции; другая волна — после начала экспансии Рима во Фракию и на Дунае. Связь событий давних и недавних я выразил так:

Четыреста тысяч светловолосых и светлооких фракийцев Ушли от натиска Рима Из солнечной Эгеиды на Днепр, Давая тем самым начало Киеву, затем и Москве, Оттоле — Сибири и Владивостоку...

Причалы и прииски Колымы и Чукотки Берут начало в рескриптах эпохи Императоров Августа и Траяна.

Но вернёмся в настоящее. Читатель найдёт полный текст обращения в следующей главе.

ТРЕТЬЕ ОБРАЩЕНИЕ

К разумным жителям Земли, к расе, именующей себя Человечеством, обращается Коалиционный Отряд Наблюдателей (КОН). Настоящее обращение КОН к землянам является третьим по счёту, контрольным.

Первое обращение КОН передал в 576 году до Рождества Христова жителям крупнейшего в то время на Земле города Анурадхапура.

Второе обращение КОН передал в 711 году от Рождества Христова жителям крупнейшего в то время на Американском материке города Ткаэцеткоатль.

Настоящее обращение КОН к землянам в главном идентично первым двум по содержанию, составлено на основных из сегодняшних языков Земли: английском, китайском, русском, испанском. Текст откорректирован с учётом современного уровня знаний и заблуждений жителей Земли. Целью обращения является предложение о проведении в будущем переговоров между представителями Человечества и представителями Коалиции (текст передан по радио).

I

К настоящему времени Человечество составило себе представление о Вселенной в целом более правильное, чем во времена первого и второго обращений. Действительно, Земля не является плоской и не находится в центре Вселенной.

Действительно, Солнце не находится в центре Вселенной, а является одной из звёзд, входящих в состав Галактики.

Действительно, последними из превращений энергии, поддерживающих деятельность звёзд и, соответственно, Солнца и дающих возможность существования жизни на Земле и сходных с ней планетах, являются термоядерные реакции.

Действительно, разумная раса землян не является единственной во Вселенной.

В остальном большинство ваших космогонических догадок являются ошибочными. Является заблуждением вера ваших учёных в существование каких-то, пусть даже не ещё открытых, неизблемых законов Вселенной и постоянство мировых констант. Так, гравитационная постоянная заметно меняется и в пределах вашей Солнечной системы, не говоря уже о более крупных масштабах, что привело к существенным ошибкам в определении вами размеров Галактики и расстояния до других Галактик и вызвало появление ошибочных теорий замкнутой Вселенной и, в этом году, теории разбегающейся Вселенной.

Ошибочно и представление о всеобщей трехмерности пространства, на котором прежде всего базируются ваши космогонические представления. Мир хаотичен, в нем нет ничего неизблемого, в том числе и мерности. Мерность пространства во Вселенной колеблется, плавно меняется в весьма широких пределах. Наилучшим условием для возникновения органической жизни является мерность пространства, равная числу «пи». Значительные отклонения от этой величины пагубно действуют на живую природу. В настоящее время окрестности Солнечной системы имеют мерность +3,00017... Близость этого числа к целому числу три ввела вас в заблуждение. В окрестности вашего скопления галактик дрейфует гравитационный циклон, имеющий в центре мерность от —2,15 до —3,15, который может задеть краем вашу Галактику, уничтожив органическую жизнь на всех планетах, на которых не будут приняты меры по защите.

В частности, это обстоятельство делает необходимым для вас вступление Человечества в Коалицию в сжатые сроки, самое позднее через 65 000 лет с момента подачи настоящего обращения, то есть с 1929 года от Рождества Христова, с тем чтобы Коалиция успела оказать Человечеству помощь в подготовке к циклону.

В настоящее время в вашей Галактике насчитывается около 220 000 разумных рас, уже вступивших в Коалицию, и около 1000 разумных рас, рассматривающих вопрос о вступлении, в том числе и вы.

КОН просит вас не воспринимать сообщение о гравитационном циклоне как попытку воздействия на ваш ответ.

Вы ошибаетесь в решении вопроса о происхождении Солнечной системы и жизни на Земле. Солнечная система возникла из пылевого облака, засеянного строительным отрядом Коалиции в области Вселенной, отвечающей двум основным требованиям к условиям развития и возникновения жизни:

- в области, достаточно удалённой от звёзд;
- имеющей мерность пространства, близкую к «пи».

Вы ошибаетесь в уподоблении разумной расы живому индивидууму, представляя в некотором будущем неизбежными одряхление и смерть Человечества. В эволюционном процессе новые виды живых существ происходят от некоторых старых видов. И вашей заботой должно быть, чтобы новые виды разумных рас на Земле произошли именно от вашей. И именно это соображение должно определить стратегию развития разумной расы. Между тем, по наблюдению КОН, Человечество совсем не руководствуется такой или подобной ей стратегией, предоставляя своё развитие воле случая и направляя свои усилия на удовлетворение кратковременных потребностей.

Не следует думать, что ваши заблуждения являются случайными, проходящими. Они неизбежны и устойчивы в силу специфики вашего мышления, краткому анализу которого посвящается следующая глава обращения.

II

Мышление живой материи и само существование и развитие живой материи имеют общую основу. И то и другое являются противотечениями энтропии.

В мышлении это противотечение, противоречие выражается в поисках логичности (вашему мышлению свойственны поиски логичности), но на этом и кончается сходство вашего мышления с мышлением, свойственным подавляющему большинству разумных рас, входящих в Коалицию.

Это обстоятельство вынуждает многих участников КОН сомневаться в правомерности обращения к вам как к разумной расе. Основой вашей разумной логики являются понятия «да» и «нет», как

якобы реально существующие и многократно проявляющиеся при ступенчатом анализе любого сложного вопроса. При этом число ступеней в анализе конечно и чаще всего весьма мало, даже когда вами исследуется весьма серьёзная проблема. Поиск ответа сводится к выбору одного из множества возможных решений, тогда как наиболее правильное решение лежит между ними. Вашим математикам будет понятна следующая аналогия: решение проблемы, возникающее после решения частных вопросов типа «да» — «нет», аналогично выбору одной из вершин многомерного куба, тогда как вариантами возможных решений являются в первом приближении все точки пространства данной мерности. Если же говорить точнее, реальная мерность пространства решений чаще всего определяется вами неверно и очень редко является на самом деле целочисленной.

Наше отношение к вам как к разумной расе затрудняется и следующим соображением. Насколько мы можем судить, любой научный или юридический закон, смысл любого открытия или изобретения, сущность любой важной мысли могут быть выражены вами фразой, содержащей самое большее 100 слов из словаря 50000 слов, включающего математические и другие условные обозначения. Общее количество всех возможных фраз из такого словаря представляет весьма скромную величину — 50000^{100} (в степени 100). Если составлять только фразы, имеющие лингвистическую непротиворечивость, и если затем отбросить фразы, в которых слова грамматически правильно связаны, но содержание их не имеет даже видимости, то число внешне осмысленных фраз сократится до 50000^{25} (в степени 25). Отсев ложных от истинных утверждений оставляет, по самым завышенным оценкам, список всего из $3,9 \cdot 10^{37}$ (в степени 37) утверждений, которые могут быть высказаны вами и должны соответствовать реальности.

Между тем нам известны представители животного мира на различных планетах, способные дать не меньшее число разнообразных безусловных реакций, вполне адекватных действительности, на различные комбинации временных раздражителей, но которые тем не менее не могут быть названы разумными.

По-видимому, правильнее было бы считать Человечество не разумной, а потенциально разумной расой, поскольку ограниченность мышления все же не является у вас врождённой.

От природы человеческий мозг наделён аппаратом мышления не менее совершенным, чем органы мышления представителей многих разумных рас во Вселенной. Но развитие вашего мышления с самого начала шло по абсолютно неверному пути. В начале становления этого процесса способность мышления кроется в потенциальной возможности многообразной реакции на одно и то же информационное воздействие. Это логический фундамент.

Если на графике по вертикали отложить силу или осязаемость реакции на информационное воздействие, по горизонтали — приемлемость, приятность этой реакции, то, как все в природе, что ещё не отработано противодействующей энтропией действием разума, этот график будет хаотичен; всплески кривой на нем объясняются чисто физиологическими пороговыми эффектами. Самовоспитание разума заключается не только в построении сложной системы логического мышления, но и в переработке и улучшении фундамента, на котором эта система базируется. Как показывает пример многочисленных разумных рас, наиболее соответствующих требованиям успешного познания природы, перестройка логического фундамента проводится так, что график напоминает одногорбую гауссову кривую.

Следует оговориться, что нам известно во вселенной несколько разумных рас, имеющих прямолинейную структуру логического фундамента, ветвями уходящего в бесконечность.

Они составляют собственное объединение рас, в Коалицию не входят, так как не смогли найти с нами общего языка.

Принципиальное отличие их мышления от нашего заключается в том, что площадь фигуры, описывающей фундамент, у нас конечна, а в их мышлении бесконечна. Мы даже затрудняемся представить, как они воспринимают бытие, и не можем понять, что сохраняет им жизнь под яростными ударами уходящих в неограниченную бесконечность положительных и отрицательных реакций на информационные воздействия.

Необработанный логический фундамент человека имеет два значительных всплеска справа и слева от нуля и несколько мелких. Его исследование показывает, что у человека не было и нет никаких препятствий для построения своего логического фундамента по схеме, общепринятой во Вселенной. Между тем разум человека с самого

начала развивается в корне ошибочно, он ориентировался на эти всплески, и сейчас его логический фундамент имеет вид двугорбой кривой.

Высокие всплески справа и слева от нуля и есть то, что вы называете «да» и «нет», и без чего в принципе не можете представить мышления. Между тем в вас говорит только сила привычки. Нелепое расщепление логического фундамента на понятия «да» и «нет» является самым большим препятствием на пути к познанию вами бытия. Более того, теоретические разработки логического мышления, предпринятые вами вместо исправления ошибки, только усугубляют дело. Теоретические логические системы оперируют лишь рафинированными понятиями «да» и «нет», исключая другие варианты логических реакций.

Эти разработки являются шагом назад даже в сравнении со сложившимся логическим фундаментом человеческого мышления, так как площадь фигуры, описывающей логический фундамент, вместо конечной становится равной нулю.

Пользуясь вашим математическим языком, можно сказать, что ваша логика базируется на дискретном фундаменте вместо непрерывного, причём принята за основу самая примитивная функция, имеющая всего два значения. Отсюда напрашивается неизбежный вывод, что если ваш метод восприятия бытия и можно назвать мышлением, то эта система мышления является самой примитивной из всех возможных.

Дискретизация логики вынуждает вас распространять принцип дискретности на все сущее. Так, натуральный ряд чисел, который, в сущности, является возможным, но весьма искусственным математическим ухищрением, имеющим с реальной природой очень мало общего, стал для вас базисом тех азов математики, с которым только и знакомо огромное число представителей Человечества. Вы стремитесь подсчитать все подряд и в то же время не в силах точно передать, например, информацию о силе ветра, если не выразите её численно в баллах или давлением на квадратный метр или милю, причём эти три числа, выражающие одну и ту же силу ветра, не вызовут у вас одинаковой реакции, пока вы не проделаете дополнительных расчётов и не убедитесь, что они действительно свидетельствуют об одном и том же.

Арифметический счёт привёл вас к появлению головоломок, вызванных не реальностью мира, а именно примитивностью вашего мышления; между тем вы тратите силы, пытаясь решить их и согласовать с представляющейся картиной мира, как реальные загадки природы: например, расположение рациональных и иррациональных чисел на вещественной шкале.

Дискретизация логики вынуждает вас дробить целое воспринимаемое на отдельные факты, явления, понятия и категории, проводя между ними искусственные границы.

Дискретизация логики и принцип счета принуждает вас предполагать число признаков предмета конечным и давать название каждому из них. Отсюда появляется весьма сомнительная возможность отличать одни признаки от других — приём, называемый вами абстрагированием. Движение по ступеням абстрагирования ко все более общим признакам считается вами единственным путём познания истины, между тем как это движение является путём, уводящим в обратную от истины сторону, во тьму. Не случайно ваши абстрактные конструкции, именуемые философскими системами, взаимно противоречивы, хотя базируются на одной и той же логике. Шаг за шагом погружаясь во мрак по ступенькам абстракции, шаг за шагом теряя связь с реальным миром, философские системы постепенно утрачивают ориентировку и доходят до того, что в тупиковой точке этого движения на бессмысленный вопрос о первичности материи или духа дают диаметрально противоположные ответы.

Логика, основанная на «да» и «нет», вынуждает вас всегда и везде прежде всего проводить границы между различными явлениями, различными градациями одних и тех же явлений, различными комплексами признаков предметов. Из-за слабости этой логики энтропия главенствует в процессе проведения границ, и они прочерчиваются весьма хаотично, нелогично даже с точки зрения вашей логики, что доказательно подчёркивается уже неординарным расположением их и обозначением неадекватными словами разных человеческих языков. На проведении этих хаотических границ основан ваш способ общения, считающийся вами одним из высших достижений человеческого разума. Примитивность языка как способа обмена информацией показана нами уже в подсчёте количества возможных осмысленных фраз.

Язык как основной носитель информации и сам, в свою очередь, воздействует на ваше мышление, насильственно принуждая его более чётко придерживаться принципа дискретности. Поэтому, в частности, ваша этика и эстетика содержит множество парных понятий, противостоящих, как логическая теза и антитеза. Ваша общественная и личная мораль руководствуется полярными правилами, поляризуемыми понятиями: «добро» — «зло», «жизнь» — «смерть», «выгода»

— «проигрыш», «признание» — «непризнание», «любовь» — «ненависть» и прочее в том же духе.

Вам не помогает даже ваше собственное наблюдение, что смысл этих диаметральных понятий у разных народов различен, да и у одного народа меняется с течением времени. И сейчас, считая себя высокоцивилизованным Человечеством, вы и в суде присяжных определяете виновность по принципу «да» — «нет», что может быть ещё допустимо для судьбы одного человека и совсем не может быть приемлемо для решения судебных народов, но и там господствует тот же принцип «да» — «нет» во время всенародных референдумов или голосований в парламентах. Более того, дискретная логика позволяет вам доверять судьбы народов и Человечества нескольким отдельным людям.

В международной политике такими полярными понятиями являются для вас «состояние мира» и «состояние войны» и резкий переход от одного к другому, присущий только вашей логике и противный природе. Вы же считаете его присущим природе и реализуете с поистине безумной решимостью.

Недавняя мировая война и, очевидно, назревающая новая мировая война свидетельствуют, что быстрое развитие технической цивилизации также не заставило вас поумнеть. Впрочем, что касается вашего исторического развития, мы с большим затруднением можем делать прогнозы именно из-за этой резкой дискретности и почти мгновенных переходов ваших социальных устройств и внешнеполитических состояний от одного к другому. Уже в течение нескольких тысяч лет ООН наблюдает практически непрерывные войны, ведущиеся вами между собой, и при естественном течении исторических процессов ваши войны могли бы пойти на убыль только через 12000 лет, ООН не может утверждать, что эти войны не

прекратятся в ближайшие 100 лет. Только последнее соображение позволяет нам считать небезнадёжным настоящее Обращение, ибо естественно, что соглашение Человечества и Коалиции может быть достигнуто только после ликвидации воинственных привычек Человечества.

III

КОН вынужден скептически относиться к Человечеству также по двум причинам, порождённым, впрочем, все той же примитивностью логики. Это отношение к технической цивилизации и страх перед смертью.

Развитие техники само по себе, безусловно, благотворно, и призывает КОН благосклонно относиться к Человечеству как к разумной расе; но фетишизация техники и тем более отведение ей такой роли, что она становится основной характеристикой вашей цивилизации, настораживает нас.

История Человечества развивается хаотично. Когда отдельные районы Земли не имели прямой коммуникационной связи, Человечество, по сути, поставило несколько экспериментов по созданию различных типов цивилизации. Некоторые из них КОН одобрял. К сожалению, разумные цивилизации не могли мирно сосуществовать, когда в процессе развития и распространения появились возможности прямых контактов между ними. Как правило, более грубая, примитивная и в силу этого более жестокая цивилизация уничтожала более развитую и гуманную, чтобы, в свою очередь, оказаться уничтоженной ещё более грубой.

В настоящее время на Земле господствует самая примитивная из всех — машинная цивилизация; она охватывает все Человечество, держит его под своим контролем и впредь не даст возникнуть новой цивилизации, если только Человечество не возьмёт контроль над развитием мировой машинной цивилизации в свои руки и не трансформирует её постепенно в другой вид цивилизации, гораздо более необходимый разумной расе. КОН надеется, что толчком к такой перестройке может послужить настоящее Обращение и посильная помощь, которую способен оказать КОН Человечеству, если эта

помощь потребуется и Человечество выскажет соответствующее пожелание. Необходимо оговориться, что локальные цивилизации, центрами которых были города в момент нашего первого и второго обращений, гораздо более соответствовали потребностям Человечества, чем современная машинная цивилизация. И в качестве одного из вариантов своей помощи КОИ может предложить Человечеству самое подробное описание этих цивилизаций для принятия их за возможные образцы.

Одним из важнейших признаков для систематизации расы как разумной является то, что каждый её представитель превыше всего ставит деятельность коллективного разума. Соответственно и человек как разумное существо должен превыше всего ставить развитие разума Человечества. Функции Человечества сводятся к тому, чтобы воспринимать информацию от предыдущего поколения людей, дополнять, искажив её собственными случайными догадками, и передавать искажённую информацию следующему поколению. Хаотические флуктуации в движении мысли разумного общества необходимы, чтобы после исторического отсева непременно нашлись зигзаги движения мысли, соответствующие зигзагам изменения объективной картины бытия. Последнее имеет непредсказуемое направление, тогда как спектр мышления любого индивидуума на протяжении его жизни сохраняет постоянную направленность. Отсюда следует, что смена поколений необходима разумным существам и, в частности, людям не только как живым существам для развития и сохранения вида, но и как разумным существам для сохранения и развития разума.

Следовательно, пока являются в корне губительными надежды многих представителей Человечества на то, что контакты с инопланетными разумными расами помогут им решить проблему бессмертия; с другой стороны, мы не можем отказать Человечеству в соответствующей помощи, какой бы губительной для разума она не была, поскольку каждая разумная раса вправе самостоятельно решать свою судьбу.

КОН не отстраняется от контактов с Человечеством и отдельными его представителями для обсуждения каких бы то ни было вопросов и для оказания позитивной помощи в каких бы то ни было проблемах частного характера. Но главной целью настоящего Обращения является предупреждение о грозящей Человечеству опасности и предложение о вступлении Человечества в Коалицию. Устав Коалиции и описание её структуры и деятельности могут быть переданы Человечеству для ознакомления без каких-либо дополнительных условий по требованию, обнародованному правительством любого из крупнейших государств или Лигой Наций.

Если Человечество склонится к мысли о вступлении в Коалицию, оно предварительно должно будет проделать работу по перестройке логического фундамента своего мышления по схеме общепринятой в Коалиции базы мышления. Это требование диктуется не только тем, что ныне присущий Человечеству ущербный тип мышления вызвал бы у Человечества, вступившего в Коалицию, прогрессирующий комплекс неполноценности, но прежде всего тем, что из-за принципиально разных типов мышления расы Коалиции и Человечества не смогли бы обмениваться необходимой информацией, разве лишь на самом поверхностном уровне, примером чего служит поневоле настоящее Обращение. Человечество оказалось бы бесполезным для Коалиции, равно как и Коалиция для Человечества. Без перестройки Человечеством логического фундамента своего мышления мы бессильны оказать вам помощь даже в защите от гравитационного циклона. Как нам представляется, на работу по перестройке логического фундамента Человечество потратит от 60000 до 70000 лет, что, ввиду грозящей Человечеству опасности, является критическим сроком. Работа должна быть начата уже сейчас.

Исходный курс непрерывной логики и детальные инструкции по постепенному воспитанию в следующих поколениях навыков непрерывно-логического мышления КОН обязуется передать по первому требованию Человечества, но не раньше, чем разные народы Человечества прекратят бессмысленные распри и согласятся сконцентрировать свои усилия в этом длительном процессе перестройки мышления, ибо ознакомление одного из воюющих народов с принципами непрерывно-логического мышления было бы аналогично вручению ему абсолютного оружия и в конце концов

привело бы к гибели Человечества. Настоящее, третье обращение Кон к Человечеству является последним. Отсутствие ответа в течение 50 лет будет расценено как свидетельство того, что Человечество отказывается от вступления в Коалицию.

С санкции Коалиции Коалиционный Отряд Наблюдателей

ОБЫКНОВЕННЫЕ ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Имеют ли авторы обращения отношение к Асгарду? Не живут ли они сами в небесном его воплощении?

Мне и моим друзьям приходилось не раз читать сообщения об инопланетянах. В американской Синей книге собран уникальный материал. Эффект неопознанных объектов был изучен с такой же тщательностью, с какой исследователи наблюдают редкие, вымирающие виды животных, чтобы затем составить подробнейшие описания для монографий и Красной книги.

— Вы читали Мензела? — спросил меня знакомый физик.

— Читал. — Он отрицает неопознанные объекты.

— Вы ошибаетесь. Он не отрицает их.

— То есть? — Он даёт им земное объяснение. Перечитайте его книгу, и вы поймёте, что объекты эти — игра света, отблески, иллюзия.

— Но вас это не устраивает?

— Не только меня это не устраивает. Если человек ни тысячи лет назад, ни сейчас все ещё не может отличить световой зайчик от летящего крупного объекта, то дела его плохи.

— Что же вы предлагаете?

— Ничего.

Беспредметный разговор. Бессмысленная трата времени. Я не убедил бы его. Пари же в данном случае невозможно выиграть. Как невозможно его и проиграть.

Человек может рассмотреть, за редчайшими исключениями, лишь то, на что ему указали, и услышать не более того, что слышали другие. Выслушаем же, что рассказала пожилая женщина с Полтавщины своей знакомой Лине Кравец, записавшей этот рассказ, равный эпосу.

Во второй декаде прохладного августа пятьдесят третьего года женщина шла к колодцу. Набрала воды, пошла к дому через сад. Остановилась, опустила ведро на землю, чтобы передохнуть. Огляделась. Под яблоней увидела трех людей в тёмном. Один из них отрезал ветку с яблоками. Направился к большому кусту сливы. Другой остановился у вишнёвого дерева, в руке его были колосья

пшеницы, ржи, проса. Третий последовал за ним, в его руках были пробирки и маленькая лопатка. Первый замер, посмотрел в сторону женщины. Что-то сказал. Все трое теперь обернулись к женщине. Она думала что в сад забрались воришки. Сказала:

— Ну, идите ко мне. Что стоите? Не буду вас ругать. Чьи вы такие дюжие?

С минуту трое молчали, словно не зная, как им поступить. Потом стали приближаться. Трудно было поверить, что они такого роста, больше трех метров. И женщина решила, что они на ходулях. Но когда они подошли, стало ясно, что это не так. Женщине стало не по себе. Глаза у них голубые. Вот только у каждого по три глаза на лбу. И эти глаза, казалось, светились своим светом. Пауза.

— Я вас не знаю! — тихо воскликнула женщина. На всех троих ладно сидели тёмные комбинезоны. На руках перчатки, на голове у каждого тёмный шлем. В одной пробирке была небольшая лягушка, в другой ящерица, в третьей рыбки. Ещё были бабочки, ветки, колосья, листья. С минуту они молчали. Потом на ломаном русском один из них произнёс:

— Мы инопланетяне, — и показал рукой на небо. — Мы оттуда прилетели. Ищем своих людей. Может, вы о них что знаете? Они к вам летают с хорошими намерениями, а вы их, наверное, уничтожили. Сами они не могли погибнуть.

Женщина ответила:

— Так вы что боги? Только боги там живут!

— Какие мы боги! Там нет богов, там наша планета, и мы оттуда к вам прилетели.

Испуганная, озадаченная женщина стала креститься. Они смотрели, молчали. Когда женщина кончила креститься, услышала вопрос:

— Мамаша, а кого вы богом считаете?

— Вас, — ответила она.

И тут же она увидела, как они улыбнулись, все трое разом.

— У нас там четыре планеты, — сказал один из них. — Расположены они недалеко друг от друга. И есть ещё две планеты, очень удалённые от этих четырех. Но мы знаем об этих двух планетах и знаем о вашей Земле. На наших планетах бывают сильные бури, землетрясения и наводнения. Когда мы открыли вашу Землю, стали её

изучать. Послали к вам трех человек, но они не вернулись. Видать вы их сбили. Вот мы и прилетели искать их. Хотим узнать, что с ними. Облетели вокруг шесть раз, но следов их нигде нет. Нет и их сигналов. Значит, они должны быть где-то у вас. Если знаете, расскажите, что слышали.

Женщина ответила:

— Нет, я ничего об этом не знаю. У нас была война. Может, их сбили.

Они сказали:

— Мы знаем, что вы воюете. Это плохо. Но войны уже не было, когда они к вам прилетели. Мы о вас все знаем и наблюдаем за вами. Наша цивилизация намного сильнее, богаче вашей, но у нас часто бывают стихийные бедствия, и нас очень влияют ваши войны. Надо жить мирно, помогать друг другу.

Говоривший взял ведро, наполнил водой пробирку, капнул туда несколько капель из пузырька. Вода стала розовой, потом голубой и, наконец, снова чистой.

— Вода в вашем колодце хорошая, её можно пить, — сказал инопланетянин.

Другой заставил принести из дома икону. — Это ваш бог? — спросил он. — Сколько мы ни летали, там никого не встретили. Там живут люди. Есть карлики, есть и такие, как вы. Наше время исчисляется в световых днях.

Он вернул женщине икону. Сказал:

— Не бойтесь. Вас никто не покарает. Сколько лет живут люди на Земле?

— Семьдесят, иногда больше, иногда меньше, кто как.

— У нас на планете живут сто пятьдесят лет по вашему исчислению. Вот мы перед вами.

У инопланетян этих нет ушей, но есть дырочки вместо них, а зубы очень крупные. Один спросил:

— А что это у вас такие пальцы на руках и ногах, как будто невыпрямляющиеся?

— Они у меня болят.

Спросивший о пальцах расстегнул «молнию» на чёрных перчатках. Руки у него были бледные, большие по шесть пальцев на

каждой. Между пальцами перепонки, как на утиных лапах. Он потёр этими пальцами её руки и ноги. Они были холодные. Он сказал:

— Придёт время, и все у вас исчезнет, болезнь пройдёт. Зачем вы делаете белый кирпич?

— Это кирпич для печей.

Он взял какую-то трубку, навёл её на кирпич, который тут же расплавился.

— Раньше мы с собой таких трубок не брали. Стали брать, когда наших людей уничтожили.

— Бабушка! Посмотри влево! — сказал другой.

А влево от неё был блестящий шар, и возле него стоял ещё один высокий инопланетянин.

— Мы прилетели сюда на этом шаре.

Женщина пошла с ними по дорожке сада, отнесла домой икону и нарвала им букет цветов, но они его не взяли с собой, только оторвали несколько цветков и положили их в оранжевую колбу. Один пошёл к шару и вернулся с буханочкой хлеба чуть больше пяточка. Сказал, что он полезный и не черствеет несколько лет. В середине буханочки было что-то очень тёмное. Попробовать хлеб она не решилась. Завернула и сказала:

— Пусть лежит на память о вас.

Когда прощались, сказали:

— Вы о нас никому не рассказывайте, мы скоро от вас улетим.

Добавили, что в метрах пятидесяти от дома есть хороший песок и в нем содержится жёлтый металл. Переваливаясь с боку на бок, как будто им неудобно ходить, пошли к своему шару, помахали руками. Закрылась дверь. Шар поднялся на высоту и полетел.

* * *

В те дни и позднее я решал задачу: имеют ли отношение их горда к городу богов Асгарду? Уж не являются ли они сами богами в представлении простых смертных? Что от них можно ждать дальше?

Я забывался тяжёлым сном. И во сне приходила работа, изнурявшая меня. Однажды я проснулся от ярких вспышек за окном. Казалось стена дома вспыхнула. Меня разбудили не сами вспышки, а

тревога. Но как только я встал, подошёл к окну, непонятый свет погас. И я провалился в глубокий сон, увидел целый мир в сновидениях, слышал непонятную речь, и в белой пелене пасмурного дня меня вернул в наш обычный мир телефонный звонок, прозвучавший дважды с паузой в две минуты. Мне не хотелось вставать.

— Вы ещё спите? Вам привет от Паньшиных, Иветты и Игоря.

— С добрым утром, — сказал я первое, что пришло в голову.

— Уже полдень! Вы меня не знаете, они дали ваш телефон, это очень важно. Просили позвонить, и вот я...

Я был бос, непричесан, неумыт, но мне хотелось дослушать её рассказ. Её якобы пригласили на другую планету. Два маленьких гуманоида. Не то наяву, не то во сне. Прилетели они на серебристом шаре. Банальная история. Она невысокого роста, а таких все чаще пытаются увезти с собой пронырливые существа, шныряющие то здесь, то там. Я верил ей. Но сказал, что НЛО меня сами по себе не интересуют, а только в связи с Асгардом. И тогда она воскликнула:

— Потому и звоню вам! Я спросила у них, где они живут. Ответ был такой: в городах на своей планете, а именно на седьмой планете. Один из них ответил, что даже если заблудимся, то попадём на десятую планету, не дальше. Получилось четыре обитаемые планеты. Четыре! А вот про их города, на седьмой планете. Дома у них с золотистыми крышами, понимаете?

— Понимаю. А в Асгарде кровля светлая и верх чертогов чаще всего серебристый.

Эпос, как я это назвал, даёт другие ключи. Там всего понемножку. Они наблюдают за нами. Логично. Не могут не наблюдать. Пропали их люди. Я прошу прощения за употребление этого слова, но как иначе их назвать? Они ведь не боги, сами так говорят. Ищут своих на чужой планете. Это тоже понятно. Их могли убить. Вполне. У них трубки, испускающие горячие невидимые лучи. Оружие. А как без него? Они высокого, очень высокого роста, у них по три глаза? Просили принести икону. Немедленно дали ответ: такого они не видели сколько не летали. А если им показать изображения чудищ, созданных воображением? Мифологических героев? Медузу Горгону? Мирового змея? Одноглазого великана? Последний похож на наших инопланетян ростом и статью и некоторой простоватостью. Уж не показалось ли древним, что три глаза — самая неубедительная деталь в описании

великанов, и они постарались упростить по возможности их портреты, наделив одним или двумя, как у всех, глазами?

Разве инопланетяне, эти люди, свободно летающие по Вселенной на сверкающих шарах, не знают, что религиозная вера — это миф? А миф рождается не в один прекрасный день и час вместе с его героям или героями, а создаётся поколениями, совершенствуется, изменяется, усложняется или упрощается в зависимости от условий жизни. И его история не менее сложна, чем история государства, а то и самой цивилизации. Потоп описан по-разному в индийских, шумерских, аккадских источниках. Всего же сотни его описаний в разных местах нашей планеты. Мессия разный. Христос был другим. До канонизации о нем можно было услышать разное. Кто-то убеждён, а один из моих друзей воспринял как великую ересь, что Христос создан на основе арийских сказаний о Кришне. Он кришнаит. Правда, его рождение и жизнь старательно, со ссылками на Ветхий Завет, привязаны к местному колориту. Мифы путешествуют, дополняются, их варианты рождаются и умирают, как их герои. В тексты вписываются новые имена, не в последнюю очередь из политических соображений. И всего этого не знают мудрые инопланетяне? Прилетающие, чтобы изучать, наблюдать планету и человека? Знающие о войнах, идеологии, политике?

Поразительно.

С моей точки зрения, наивность этих трехглазых циклопов очевидна.

Но тогда я подумал: что знает об этом средний земной пилот, такой же человек, как я? Ответ был прост: ничего.

Едва ли жизни простого человека хватит на то, чтобы просто прочесть Ветхий Завет и Евангелие и понять и текст и подтекст. Тем более невозможно будет свободно разобраться в причинах разночтений, сходства с другими священными книгами. К сожалению, человек не может мыслить. То же можно сказать и об инопланетянах, как они предстают передо мной в процитированном эпосе. Их техника — достижение всей цивилизации, это постепенный процесс, в нем участвуют не разум, а случайность. Они не могут сами не прорицать, ни понимать реальность. Цепь случайностей, уникальных находок вывела их на высокий уровень развития. Они могут летать от планеты к планете, они многое знают. Человек может увидеть в них богов. Ноя

далёк от этого. Асгард вне пределов их досягаемости. Они конечно могут знать о нем.

В то же время скандинавские мифы дают удивительную картину знакомства Земли с карликами и великанами. И великаны скандинавов простоваты, хотя древнее богов и многое умеют. Карлики разные, они во множестве населяют таинственные долины и пещеры. Как быть? Откуда они пожаловали в сказания древних — из удалённых земель или из космоса?

Великаны-кроманьонцы хорошо известны в Европе. Они намного старше современного человека, но моложе карликов-неандертальцев. Оказывается, на нескольких удалённых от нас планетах картина повторяется: и там карлики, великаны и люди нашего типа! Голова идёт кругом. Совпадение? Игра случая?

Сознаю, что я только рассуждаю, только нацупываю доказательства, опережая их в прогнозах, как и подобает человеку, рождённому под знаком Водолея.

* * *

В восемьдесят девятом сне во сне явился великан Тор в серой, усеянной звёздами куртке, подпоясанный своим поясом, на руках его были железные рукавицы, но тонкие, гибкие, как пластик, цветом они напоминали чистое железо, и на них сияли отблески звёздного света. Правой рукой светлоокий бородатый великан с почти юношеским чистым лицом держал молот Мьёлльнир. Название молота одного корня с русским словом «молния».

Сильнейший из богов стоял у костра, где гудело пламя так, что я сначала ничего не слышал, как бы ни хотел услышать хоть одно слово великого аса. Будто бы я стоял поодаль и, замирая от тёплого чудесного ветра, который посылал костёр богов, прикладывая ладонь к горячим щекам, вдыхая разогретый смолистый воздух и снова замирая, неотрывно смотрел, как бог Тор освящал костёр своим молотом — тремя движениями.

Прощались с Бальдром, самым мудрым, светлым асом, которого по наущению лукавого Локи слепой Хед убил веткой омелы.

И у жены Бальдра Нанны разорвалось сердце от горя, она упала замертво. Асы положили на костёр жену и спутницу самого мудрого и доброго из богов.

Яркое светлое пламя своим шумом старалось заглушить печаль и горе. Чистая душа благородной Нанны вознеслась вверх вместе с ясным сильным светом, вдруг вспыхнувшим высоко над погребальным костром и в одно мгновение запечатлевшим навсегда в памяти мягкий и сильный профиль Тора.

Я увидел, как в этот момент, когда мир богов провожал Бальдра и Нанну, к костру приблизился карлик по имени Лит, как о том повествуется в «Эдде». У карлика было оживлённое лицо, его речь была глумлива и полна неуместных обещаний, его имя «Лит» переводится как «разноцветный». Тор едва уловимым движением толкнул его в костёр.

У костра были Один, его жена Фригг. Ас Хеймдалль прискакал сюда на своём коне Золотая Чёлка. Это тот самый Хеймдалль, который протрубит в свой рог накануне великой битвы богов с чудищами.

Были здесь все валькирии, горные великаны, исполины страны инея. Один положил в костёр золотое кольцо Драупнир.

...Потом пришли события в наш мир, как отклик на сон. Точно заклинание действовало само имя Тора, упоминание о карлике Лит; и прозвучало: Валгалла!

«Пять сотен дверей и сорок ещё в Валгалле верно; восемьсот воинов выйдут из каждой для схватки с Волком».

Воины пируют в Валгалле, устраивают турниры, рубятся мечами, в общем, знают своё дело.

...События были неожиданными для меня и потому, что все это произошло в восемьдесят девятом, тот день и в том месяце, когда была сдана в издательство «Знание» рукопись моей книжки об открытии Асгарда с реконструкцией Валгаллы. Но пусть о них расскажет сначала журналист-профессионал.

РАССКАЗЫВАЕТ СЕРГЕЙ БУЛАНЦЕВ

— Я давно знаю, что русские и американские лидеры сговорились держать под колпаком секретности всю информацию об инопланетянах! — Отставной майор Колмен фон Кевецки смотрел на меня очень дружелюбно, но и с некоторой укоризной, будто именно я явился инициатором сговора с целью утаить от человечества нечто чрезвычайно важное.

С отставным майором почтённого возраста, но подвижным, словно капелька ртути, и неутомимым, как заработавший вечный двигатель, мне довелось познакомиться минувшей осенью во Франкфурте-на-Майне, где проходила международная конференция «Диалог со Вселенной». Её организаторы пригласили меня выступить с докладом об исследованиях НЛО в СССР.

Мы как-то сразу приглянулись друг другу и договорились обмениваться информацией. Надо сказать, что фон Кевецки основал в США ИКУФОН — межконтинентальную сеть по изучению НЛО. Эта организация пользуется среди исследователей высокой репутацией. И вот на днях получаю от майора бандероль. Половина вложенных в неё бумаг ставит целью доказать версию фон Кевецки «об американо-советском сговоре на высшем уровне», дабы скрыть от остального мира правду об инопланетянах. А вторая половина...

Вновь и вновь перечитываю странички, которые, по утверждению майора, являются ксерокопиями совершенно секретного документа военно-воздушных сил ЮАР. И в самом деле: на каждом листке с изображением орла с распростёртыми крыльями стоит гриф «Совершенно секретно — разглашению не подлежит». Как следует из документа, засекречены эти сведения разведывательным отделом ВВС ЮАР. Факты настолько невероятны, что... Впрочем, комментарии здесь, пожалуй, излишни, вот практически дословное изложение текста.

7 мая 1989 года в 13.45 по Гринвичу корабль ВМС ЮАР сообщил на базу в Кейптауне: на экранах радаров появился неопознанный воздушный объект, который двигался в сторону побережья со

скоростью 5746 морских миль в час. С базы ответили, что объект зафиксирован также рядом военных и гражданских РЛС.

В 13.52 объект вошёл в воздушное пространство ЮАР. С Земли пытались связаться с ним по радио. Безуспешно. С базы ВВС Валхалла в воздух были подняты два «миража». Тогда объект на огромной скорости резко изменил траекторию полёта. «Миражи» повторить этот манёвр не смогли.

В 13.59 командир авиазвена доложил, что объект наблюдается как на бортовом радаре, так и визуально. С Земли поступила команда обстрелять объект из экспериментальной лазерной пушки. Команда была выполнена.

Далее командир звена доложил, что объект испустил несколько ярких вспышек. Затем НЛО начал «колыхаться», продолжая движение в северном направлении. В 14.02 лётчики доложили, что объект быстро теряет высоту — примерно 3000 футов^[1] в минуту. Потом НЛО спикировал под углом около 25 градусов и рухнул на Землю в пустыне Калахари, в 80 километрах севернее границы ЮАР с Ботсваной. Вскоре на место катастрофы прибыли офицеры военно-воздушной разведки, технические эксперты и медики.

Что же они обнаружили? Воронку диаметром 150 и глубиной 12 метров. В ней находился серебристый дискообразный объект. Песок и камни вокруг летательного аппарата были оплавлены. Мощное электромагнитное излучение вывело из строя электронную аппаратуру экспертов. Объект был перевезён на секретную базу ВВС ЮАР для дальнейших исследований.

Что там удалось установить? Практически ничего — по крайней мере в первые дни. Объект обмерили — диаметр около 20 ярдов^[2], высота — примерно 9,5 ярда, вес — приблизительно 50 тонн. Из чего сделан? Неизвестно. Источник движения неизвестен. Откуда прибыл? Неизвестно, предположительно — с другой планеты. Оознавательные знаки отсутствуют, на объекте обнаружено лишь непонятное изображение, напоминающее стрелу в полусфере.

Далее произошло нечто невероятное. Эксперты, собравшиеся вокруг объекта, вдруг слышали громкий звук. На НЛО слегка приоткрылась нечто вроде люка, но дверь, похоже заклинило, и землянам удалось открыть её с немалым трудом. Из объекта вышли два человекоподобных существа в облегающих костюмах серого цвета.

Их тут же отправили в госпиталь. Различные инструменты и вещи, извлечённые из объекта, были переданы экспертам.

А вот и первое заключение медиков. Рост существ — от 4 до 4,5 фута. Цвет кожи — серовато-голубой. Волосы на теле отсутствуют. Головы, по человеческим стандартам непропорционально велики. Глаза — большие, без зрачков. Руки тонкие, достают почти до колен, на пальцах когтеобразные ногти...

Поведение инопланетян было сочтено земными эскулапами агрессивным: когда у них пытались взять кровь на анализ или образец кожного покрова, один из гуманоидов сильно исцарапал врачу лицо и грудь. Пожалуй, его можно понять: ведь НЛО не совершал никаких враждебных намерений, тем не менее его сбили. Пилотов же заточили в подземный каземат и исследуют словно экзотических зверюшек.

Не стану высказывать суждение о том насколько правдоподобна эта история. В конце концов читателю теперь известно почти столько же, сколько и мне, поэтому даже противоположные мнения имеют одинаковое право на существование. Отмечу лишь одну интересную деталь. В апреле 1964 года американский полицейский Лонни Замора наблюдал приземлившийся НЛО, на котором он заметил изображение стрелы и полусферы — в точности такое, как и на объекте, сбитом над пустыней Калахари!

Так что за бандероль прислал мне из Нью-Йорка отставной майор Колмен фон Кевецки? Промелькнуло сообщение, что военные чины ЮАР охарактеризовали всю историю как чей-то вздорный вымысел. Итак — фальшивка, розыгрыш досужих шутников? Или?.. Не будем торопиться с выводами, ибо поспешность вряд ли торит самую прямую дорогу к Истине. Что же касается реакции южноафриканских генералов, то на иной ответ не следовало и надеяться. Согласимся в одном: неисчерпаемая Природа, частью которой мы являемся, таит несметные сокровища тайн...

ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ И КОАЛИЦИЯ

Ещё одну бандероль Колмен фон Кевицки отправил в Ярославль, в группу по изучению НЛО. В одном из документов этой бандероли — показания полковника военной разведки ЮАР. Имя его пока остаётся неизвестным, в противном случае его ждёт участь человека, разгласившего важные военные секреты. Вот что сообщает этот полковник:

«Я являюсь членом специального исследовательского управления воздушных сил ЮАР... Настоящим я клянусь, что разработка под кодовым названием „Чёрная лошадь“ содержит закрытую информацию, которую я дал по своему свободному выбору и без принуждения. Хотя я и подписал пять документов об официальной секретной акции в ЮАР 7 мая 1989 года, в которых даны чёткие предупреждения о последствиях для меня в случае разглашения этой информации, рассматриваемого как акт измены ЮАР, я решил раскрыть эту информацию для людей, будучи твёрдо убеждённым, что нераскрытие будет являться актом измены всему человечеству».

Объект, сбитый над Калахари с помощью лазерной пушки TOP-2, был замечен ещё с базы, расположенной в штате Колорадо, в США. Эта база входит в систему NORAD (североамериканская служба космической защиты). Крайне важен трагический факт: большие вертолёты, прибывшие к месту падения НЛО в пустыне Калахари, снизились лишь до высоты 150 метров, затем они потеряли скорость и упали; пять человек при этом погибло.

А вот дополнительные данные медицинского отчёта о захваченных гуманоидах.

У них эластичная, гладкая кожа. На груди и животе она как бы рифлёная, это похоже на шрамы. На голове обнаружены темно-синие метки, расположенные по окружности. Рот похож на небольшую щель, губ нет. Нижняя челюсть даже меньше, чем полагалось бы при небольших размерах тела гуманоидов. Ушей нет. Шея также относительно тонка. На руках по три пальца с перепонками между ними. У них узкие бедра, короткие тонкие голени. На каждой ступне по три пальца без ногтей и перепонки.

Сбитый объект и гуманоиды были отправлены позднее на военновоздушную базу США «Райт-Паттерсон», что в штате Огайо, для более расширенного изучения и исследования.

Ещё в 1962 году упал инопланетный аппарат такого же типа. Очевидцы оставили описания рук погибшего при этом инопланетянина. Оказалось: руки у него такие же, они характерны для всей расы инопланетян маленького роста.

...Валхалла в сообщении Сергея Буланцева — это лишь несколько изменённое название известного нам чертога Одина — Валгаллы. Лазерная пушка носит имя бога Тора. Эти слова служили как бы заклинанием. Или символом.

Запомним это противостояние: имена богов — карлики...

Одно из первых свидетельств встречи с летающими в космосе карликами относится к 1950 году. Вырезку из бюллетеня, посвящённого проблемам НЛО, мне прислали из Ярославля.

«13 мая 1950 года итальянский архитектор Э.Босса, бывший пилот, путешествуя на машине по пустынной местности в 280 километрах от Баха Бланка, увидел приземлившийся недалеко от дороги диск около 15 метров в диаметре. Он был в слегка наклонном положении. Дверца кабины была открыта и Босса вошёл. Он оказался в круглой кабине около шести метров в диаметре перед жуткой картиной: один из пилотов НЛО сидел, согнувшись над командным пультом, двое других лежали у стены. Все были мертвы. Тот факт, что дверь кабины оказалась открытой, навёл Босса на мысль, что четвёртый пилот, оставшийся в живых, покинул корабль. Пилоты принадлежали к белой расе (однако кожа на лице казалась как бы обуглившейся). Лица были правильные, нормальные, без бороды. Все пилоты маленького роста. Бортовые приборы были помечены неизвестными знаками и цифрами. управление кораблём было сконструировано на своего рода клавиатуре с множеством кнопок. На столе находился глобус, окружённый кольцом, что заставило Босса вспомнить планету Сатурн. Вдоль верхнего края кабины пульсировал синеватый свет, зажигался и гас, создавая впечатление, что аппарат ещё сохраняет свою энергию.

Охваченный ужасом, Босса покинул кабину и направился в ближайший посёлок, расположенный в нескольких десятках километров. Вернувшись на следующий день на место происшествия,

он обнаружил лишь раскалённые обломки аппарата, разрушенного, видимо, двумя другими НЛО, которые (это видели все присутствующие) удалялись в небо, пока, наконец, не достигли неподвижного корабля в форме сигары, зависшего очень высоко».

Не буду говорить о тех инопланетянах, которые похожи на людей, — о них известно многое...

Я имею в виду членов Коалиции. В КОН три главных типа и портрета исследователей, включая и похожих на нас инопланетян.

Именно происшествие в Калахари стало для меня откровением и главным аргументом в цепочке умозаключений. Ну и ещё подобные случаи, имевшие место раньше... Я снова повторял про себя несколько удивительных строк из обращения инопланетян.

«Следует оговориться, что нам известно во вселенной несколько разумных рас, имеющих прямолинейную структуру логического фундамента, ветвями уходящего в бесконечность. Они составляют собственное объединение рас, в Коалицию не входят, так как не смогли найти с нами общего языка.

Принципиальное отличие их мышления от нашего заключается в том, что площадь фигуры, описывающей фундамент, у нас конечна, а в их мышлении бесконечна. Мы даже затрудняемся представить, как они воспринимают бытие, и не можем понять, что сохраняет им жизнь под яростными ударами уходящих в неограниченную бесконечность положительных и отрицательных реакций на информационные воздействия».

Лаконично, очень скромно сообщено о «нескольких разумных расах», которые непонятно как воспринимают бытие и умеют противостоять «яростным ударам положительных и отрицательных реакций», простирающихся в необозримую бесконечность.

Попробуйте найти общий язык с такими разумными расами! Ведь они не ограждают себя от любых воздействий, наоборот, открыты им. Они рады всем ветрам и космическим циклонам. Наверное, потому, что каждый час обещает им новое, и они успевают «реагировать». Но никто из Коалиции, отправившей нам послание, не может предвидеть их реакции. Ещё бы, она ведь уходит в необозримую бесконечность. Что же сохраняет им жизнь, если они открыты всем мирам и всем циклонам и на них обрушиваются яростные удары со всех сторон? Их умения, их знания, их интуиция, их сила, их необыкновенные

способности. Кто же они. Кто они, если отказываются вести беседу с инопланетянами Коалиции, гордящимися созданным ими ограниченным фундаментом мышления, надёжно ограждающим их от подобных же «яростных ударов»? Кто они, наконец, если их реакцию невозможно предсказать?

Ответ может быть один: боги. Те самые боги, чьи пути неисповедимы. Боги, не чурающиеся ни мелочей, ни великих проявлений духа, одинаково внимательные ко всему, чувствующие все ритмы и пульсы Вселенной и отдельных галактик. Но само внимание их говорит, что они не мнят себя первооткрывателями «фундамента», они не смогли бы, мне кажется, назвать нашу логику логикой животных. Ибо они дарят вниманием всех. И Коалиции тоже. Только им не подходит её фундамент. Они боги в представлении человека. Они инакомыслящие для членов Коалиции.

И если Солнечная система засеяна «строительным отрядом Коалиции», то душу именно в человека могли вдохнуть лишь боги. Наверное, именно в таких вот случаях они не находили общего языка с Коалицией.

Коалиция не смогла не упомянуть их, не сделать оговорку. Это свидетельствует о могуществе богов. Они владеют не двумя, а тремя или всеми двенадцатью пространствами.

Это их образы отражены в мифах. Это их представления о космических великанах и карликах даны человеку изначально. Вдохнув душу в человека, они дали ему два равноправных пути к логическому фундаменту мышления: свой и коалиционный. Ибо та двугорбая кривая, которая характерна для нас сейчас, может быть сужена, слита в одну волну, как в Коалиции. Или может быть расширена — в пределе до бесконечности, её две волны растянуты, сглажены, и она будет со временем напоминать божественную. Боги знают будущее. До определённых пределов.

Вот что найдём в мифах. Вот почему яростные удары энтропии и реакций на все циклоны обходят богов словно бы стороной. Но не всегда. Сами боги в движении, в вечном странствии, их пристальный взгляд выхватывает из мрака все или почти все стороны бытия, жизни планет и звёзд. Они создали Асгард. Это перешло с мифами к нам. Это стало достоянием Вселенной. Независимо от того, найден общий язык с Коалицией или нет. Боги, надо думать, такой «общий» язык для себя

нашли, для них такой проблемы не существует. Только сама их реакция на это остаётся в тени. Это тайна.

ПОПЫТКИ УСЛЫШАТЬ БОГОВ

Не может быть, чтобы только смерть давала ключи к Асгарду. Не могу поверить. У меня были минуты, когда зачарованный золотой город точно ждал меня, но не в обмен на жизнь. И если летающие по небу объекты обычно внушают страх, то волшебство Асгарда проявляется иначе.

Это трудно объяснить.

Может быть, это чистая, белая магия, овеществлённая в событиях?

Как это было? Я бы не смог взять перо и написать об этом, если бы однажды не получился устный рассказ.

Вдруг, неожиданно для себя, я провёл грань между космолетчиками с их НЛО и чарующим волшебством Асгарда. Сделал я это в присутствии моих друзей Панышиных и заметил, что впервые сам понял всю разницу, все оттенки моих ощущений, когда говорил с ними. Получилось; мне удалось все с такой лёгкостью, что потом, уже дома, я долго не мог воссоздать это удивительное настроение, вспоминал слова, мысли — свои, не чужие! Но в конце концов система сложилась, слова были записаны.

Итак, магическое влияние Асгарда на меня... Когда оно проявилось? Я точно помню год и месяц, ведь к тому времени прошло десять лет с того памятного семьдесят третьего. Меня захлестнула вторая волна событий. Во-первых, что-то мешало мне написать об Асгарде не только книгу, но даже очерк или статью. Таково влияние самого Асгарда с его запретами, с его всезнанием, с его законом: отбирать знания при возвращении смертных на Землю. Только немногие помнили тоннель и свет за ним, сияние, золотые лучи — и слова: «Город света». Но я помнил больше. Почему? Меня мучил этот вопрос. Но и в беседе с друзьями ответ не пришёл.

Что было через десять лет? В эту вторую волну я попал неожиданно. Сначала в сентябре — поездка в Краснодар. Это была командировка общества книголюбов. Несколько дней я обитал в гостинице на окраине, где у моего окна начинался провод, и на него садились ласточки, и одна птица касалась крыльями другой. Я боялся:

вдруг провод оборвётся. Чувствовал: это отзовется на мне. Я гулял по широкой Красной улице, ходил купаться в затон, где стоит, наверное и поныне, подводная лодка — памятник событиям войны. Время помню совершенно точно — начало сентября, когда не виданный мной раньше темрюкский тёмный виноград заставил отказаться от какой-либо другой еды на два или три дня. Но четвертого сентября я взял билет на автобус и через Джугбу днём, в жару, поехал в Адлер. Там было море... и Хоста! Каким счастьем мне казалась гостиница «Горизонт» в Адлере и все, что с ней было тогда связано: мороженое в кафе на крыше после жаркого дня, вечерние купания у самого порога гостиницы, одиночный номер с цветным телевизором, наивные кинофильмы и концертные программы, высокая статная дама — заместитель директора гостиницы, в которую я готов был влюбиться. Уже в те немногие дни шла подготовка. К чему? Я не мог этого знать. У меня не было забот. Я выступал в санаториях, домах отдыха, меня слушали, я показывал опыты с биополем, я брался за все, мне было интересно, лишь позднее я холодно созерцал себя в этом хаосе времяпровождения, стараясь уловить ускользавшую нить событий — внутренних, не внешних.

Я был счастлив и жил верой в счастье. Чёрный от загара, я ходил иногда по улицам без рубашки и майки, но со стороны казалось, что я в тёмной рубашке. У меня кончились деньги. Я питался сыром, который поливал соусом. Потом выслал телеграмму матери.

Удивительная беззаботность! А если бы она промедлила? Но на другой день, на пляже за Кудепстой, на поручень аэрария сел белый голубь. Я подошёл к нему, но он не боялся меня. В ту минуту никого рядом не было: только голубь и я. Он не улетел. Даже когда я протянул к нему руку и почти коснулся его перьев. Тогда пришёл ответ: для меня есть известие. Через два часа я получил деньги, всего сорок рублей. Это было уже не счастье, а эйфория. Я пировал в кафе на набережной. Я ездил на автобусе все на те же хостинские пляжи. Я успевал выступать днём и вечером. И это самая большая загадка. И вот я увидел трех голубей во дворце санатория «Мыс Видный». Сначала — одного. Потом — ещё двух, оба белые. Три голубя ворковали и на пустынном дворе обошли степенно груды ящиков, клумбу, направились по дорожке к раскрытому зеву подвала. Я наблюдал за ними в окно с

четвёртого этажа. Через пять минут начиналось моё выступление с демонстрацией мгновенного исцеления с помощью биополя

— тогда я позволял себе самые рискованные тексты на афишах. Но в эти пять минут я увидел, как один голубь поднялся в воздух, закружил над крышей и исчез в чердачном окне. Тогда два голубя тоже поднялись и улетели. И я знал, что тот, первый голубь — я сам. Поздним вечером, когда я вышел к автобусу, к остановке быстро подошли две женщины в светлых платьях: одну из них я хорошо знал. Они были на выступлении и вышли вслед за мной. Я рад был их видеть. Удивительная лёгкость общения во время этого короткого свидания говорила мне о магии, которую я постигал и которой поражался. И вот их нет, как не стало голубей. Вечерний автобус петляет по склонам горы Ахун. Внизу то место, где я тонул в семьдесят третьем. А за день до этой встречи я видел в Адлере женщину, очень похожую на мою знакомую, и вспоминал её, хотя не знал, что увижу. А она в тот день читала мою афишу и тоже вспоминала меня. С тех пор меня изумляли обязательные совпадения: если я видел человека, который был похож на моего хорошего знакомого, то, значит, в ту самую минуту этот знакомый думал обо мне. Лица людей стали говорить мне больше, чем до тех пор, иногда лишь выражение лиц совпадало, но и это было верным признаком странной связи между мной и моим другом, товарищем, женщиной или мужчиной.

Мир преображался в ту осень. Я преображался сам. Как будто вернулось детство, и я открывал для себя язык посвящённых, язык богов. На тысяча девятьсот восемьдесят первом километре, у столба я стоял, пропуская поезд. Это в километре от Хосты. Мимо меня с грохотом мчались товарные вагоны. В тридцати метрах от меня возник открытый вагон. Я видел пластиковые мешки, завязанные вверху прочным белым шпагатом. На моих глазах узлы шпагата развязались на одном из этих мешков, на крайнем, ближнем ко мне. Я всегда ходил на дикий пляж по шпалам — из Кудепсты, куда ездил на автобусе, или из Хосты. Мне некуда было отступить — пропуская этот поезд, я забрался на узкое подножие крутого склона горы. И когда мешок сам по себе развязался, вагон приблизился. Мешок наклонился, из него щедро потекла широкая серая сухая струя цемента. Весь этот цемент был выброшен на меня. Я стоял на том же месте, но меня уже не было:

вместо меня была глыба, засыпанная белой мукой. Я два или три часа приводил себя в порядок у моря. Опоздал получить крохотный гонорар за мои лекции и выступления. Но на другой день я отправился на тот же пляж. И когда я прошёл километровый столб, возник поезд вдали. Он быстро подошёл, неслись товарные вагоны, я стоял почти на том же самом месте, прижатый к склону... И показалась цистерна. И за тридцать метров от меня её крышка звякнула, и я вздрогнул. Ещё раз, ещё раз... И, точно набравшись сил, эта крышка в десяти метрах от меня откинулась, открыла цистерну, и тут же, замерев от изумления, я увидел, как из неё поднялся прозрачный столб. Он обрушился на меня, я покачнулся. С грохотом исчез из виду последний вагон. Я стоял мокрый с ног до головы. Это была вода.

Едва ли я сообразил сразу, что самое невероятное в этой истории. Везли обычную воду. Куда? Зачем? Одна цистерна с водой. И товарные вагоны. Верный себе, я разгадал смысл событий. Ответ подсказала мне год спустя одна знакомая: это посвящение землёй и водой. Но если цемент, а не земля, то ещё и огнём — ведь мергель обжигают в печах.

Это странно, но я не мог не поверить. Самое удивительное, что поезда в последующие годы здесь, в Хосте, отвечали на мои вопросы. Та же знакомая сказала: это место моей силы. В восемьдесят пятом я попал в гостиницу «Хоста» в хороший одиночный номер на втором этаже. Вечером после купания в первый же день я смотрел передачу на экране цветного телевизора, может быть, единственного на этаже. Лёг спать. И тут же услышал лёгкий гул, шум. Через пять минут я накрылся головой с одеялом. Потом заткнул уши. Спустя полчаса я соорудил настоящую баррикаду из двух стульев и стола и накрыл её одеялом. Но баррикада не защитила меня от странного шума. Я не мог спать. Утром, чувствуя себя разбитым, бесконечно усталым, я пошёл на пляж. Я знал, что другого номера мне не дадут в ближайшие дни — их просто не было, все занято. И я твёрдо был уверен, что спать не смогу. Я забылся на диком пляже в кошмаре, я вздрагивал во сне, даже вскрикивал. От одного вскрика я проснулся. Ситуация несложная, но от неё уйти невозможно. Я пытался шутить. Но от этого становилось жутко. Я был обречён. Я знал, что этот шум постоянен и что я не смогу спать ни в одну из предстоящих ночей. Просто. Глуповато. Но безысходно. Когда я открыл воспалённые глаза, вдали шёл поезд. Он должен был пройти недалеко от меня, там, наверху, у горы. Что-то

подтолкнуло меня. Я не отрываясь смотрел на пробегавшие вагоны. «Последний вагон!» — прозвучало во мне.

Я смотрел и видел странную вещь: на последней платформе стояло сооружение. Я силился понять, что это, но не мог. Я и сейчас не знаю, что это было. Машина. Но суть не в её назначении. Я увидел красный бак. Он выделялся, он был частью этой машины. Потом я лежал с закрытыми глазами, соображая, осознавая, что это не случайность... Осенило: главное — это бак. Я быстро собрался, вернулся в гостиницу. В номере слышался тот же мерный шум, только днём он казался тише. Но я уже знал, что это такое. Это был бак, бачок в туалете. Поезд дал мне точный ответ. сам бы я ни за что не обнаружил бы сей элементарный факт: ведь туалет в котором не работал клапан, располагался на четвёртом этаже, двумя этажами выше моего номера, а в стене проходила труба, вода глухо журчала, и никому не было до этого дела. Когда я пробовал обратиться с просьбой, то был обещан слесарь, но только на следующей неделе. Глуповато. Почти смешно. Но только эта глуповатая ситуация перечёркивала начисто мой отпуск. И тогда я полез сам в это помещение на четвёртом этаже, где к дверям была прикреплена шурупам чёрная фигурка дамы, и сам изогнул, развинтил и снова свинтил механизм бачка. А потом допоздна за чашкой чая я наслаждался тишиной до такой степени, что даже не хотел спать.

Поезда говорили мне всю правду. Номера последних вагонов, их открытые окна, белый цвет бетонных блоков и даже их количество совпадали с днями моего счастья, с событиями, с моей судьбой. Я в этом убеждался всякий раз, когда во мне звучало: «Последний вагон!» И я видел его, наблюдал, понимал ответ. От всезнания в Асгарде во мне навсегда остался земной вариант пути к истине, и я в грусти и радости, в смешных и серьёзных ситуациях знал, что со мной будет и в какой день это случится.

Хоста — место моей силы. Отчасти — и моей слабости. Невидимая монета, которую разыгрывает судьба, иногда поворачивалась другой стороной. Мне грезилась трагедии, тонули доисторические острова и материки, лилась кровь где-то далеко от меня, но не настолько далеко, чтобы я был спокоен. Снилось гибель Атлантиды и гибель добродушных этрусков, уничтоженных

демографической волной с юга — из Рима, которому они же дали жизнь, знание, судьбу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
МИДГАРД

ПРЕДВЕСТИЕ ВСТРЕЧИ?

Ни души. Я дождался, когда чайка достигла уреза воды и, оглядываясь, наклоняя голову, стала пить. Выпрямился, пошёл по широкому пляжу прямо к ней. Кажется, пытался уговорить её: не бойся, пичуга, ты же пропадёшь без крыла! Она слушала не то меня, не шорох прибрежной гальки — полоса пляжа у самого моря галечная, как и дно. Перестала пить. Выпрямила шею. Стала уходить от меня, не проявляя обычной в подобных случаях птичьей тревоги. Я прибавил шагу.

Она тоже.

Она подобрала подбитое крыло. Грациозная ладная птица. Никто бы не сказал сейчас, что она обречена. Даже вчера в полдень, когда стояло солнце над головой и на пляже был народ и она появилась вдруг, волоча правое крыло, а я пытался её поймать, сразу две сердобольные женщины в один голос закричали, чтобы я не трогал птицу. Я попытался объяснить, как чайки хватают рыбу с лету, как плохо живётся тем из них, кто плохо летает. Напрасный труд! Я даже не успел дойти в своих рассуждениях до главного: бескрылая чайка не сможет жить. Эти женские крики и возгласы словно бы ещё звучали, и я невольно озирался по сторонам. Но пляж был пуст: вечерний час! Только я и чайка.

Солнце ушло в ту сторону, где был Чатырдаг. Свет не слепил глаз. Я увидел кольцо на птичьей лапе. Тусклый, красноватый металл. Медь? Трудно рассмотреть. Птица не особенно мне доверяла — и правильно делала. Чем, с её точки зрения, я отличаюсь от парня, который запустил в неё камнем?

Я побежал. Это последний шанс поймать птицу до сумерек. Она ушла к полосе песка... Ей легче. Бежишь, бежишь, почти настигаешь её — вдруг она поворачивает, помогая обоими крыльями, и здоровым и сломанным, и нас снова разделяют непреодолимые метры. Все сызнава. Пятьсот шагов до изгороди, мимо бетонных ступеней, мимо лежаков, топчанов, пляжных грибков — и песок, песок... Ширина пляжа — пятьдесят шагов. Это означает для птицы свободу манёвра.

Бывают минуты — и она подпускает меня на три-четыре шага. Устаёт? Не знаю.

Вот такая минута! Стоит сделать бросок — и я её накрою. Но ведь я не охотник. Птица нужна мне живой.

Я кормил её несколько дней. Покупал в магазине на набережной жареную треску, копчёную ставриду. Оставлял ей на ночь под деревянным топчаном, где она срывалась от людей. Скрывалась — но не могла скрыться, уйти от них. Может быть, она знала, что только здесь и можно выжить хотя бы неделю-две. Так я увидел её после вечернего купания, когда она появилась из-под серых деревянных планок и, прочертив сломанным крылом слабую черту по песку, вышла на гальку, наклонилась и стала пить морскую воду. Я впервые видел, как чайка пьёт. Едкая от соли вода капала с её жёлтого клюва. У меня сжалось сердце. Целыми днями сидеть на жаре в деревянном ящике — и только по вечерам, когда уже никого нет, кроме запоздалых купальщиков, вроде меня, выбираться к берегу, чтобы глотнуть солёной воды! И потом ворошить какие-то отбросы, обрывки бумаги в надежде найти хоть какие-то крохи съестного. И это чайка! Птица с голубыми крыльями, светлым клювом, белоснежным оперением, с крыльями, размах которых около метра!

И этот крик, почти вопль: «Не трогать птицу! Пусть живёт здесь!». Благими намерениями вымощена дорога в ад, к смерти. И не только для чаек. Слишком я чуток. Все это стало для меня трагедией, вся история с чайкой, с людьми, которые чуть не убили её, потом трогательно заботились о ней, не разрешая поймать её и исцелить. Не веря мне! Как всегда.

И чайка не верила мне. Но после того, как я увидел её на берегу, не мог я поступить иначе. Не мог! Дело даже не в том, что я живо представил себе, как она дожидается этой минуты — выйти к морю, напиться, попробовать взмахнуть крыльями. Нет. Я понял другое. Она шла медленно-медленно. Особенно обратно в свою тюрьму. Почти как человек. В её осанке все мне открылось. Она хотела продлить эту минуту. У неё была душа. И она хотела жить. Пусть здесь, среди загорелых, жующих, старых и молодых, всех, кто иногда видел её, но не понял смысла происходящего. Да, не понял. Ни один из них не знал, что она борется со смертью. И даже не догадывался, вроде двух

женщин, преградивших мне дорогу. Это было для меня страшнее, чем наблюдать чайку у воды.

* * *

Мальчишка двенадцати лет, которому я дал деньги, обманул меня. Он не принёс рыбы для чайки. Мальчишка местный, всезнающий, я хотел, чтобы у чайки остался друг, когда я уеду. И вот я увидел его на пляже снова, подошёл к нему. И он как ни в чем не бывало поздоровался со мной. И тут же добавил, что знакомые девочки обещали купить рыбу. Отговорка. Он явно был ошарашен тем, что в этой колышущейся толпе, в этом мареве, где человек исчезает, растворяется и где совсем нет лиц, одни плавки и купальники, его разыщут и узнают. Ну что ж, я разыскал и ни слова ему не сказал. Я ни о чем не спрашивал, я все понял, а когда он стал говорить о девочках, я повернулся и ушёл.

* * *

Ну вот, как всегда, когда ясно, что все зависит от меня, от моего умения, моей силы и быстроты, я постепенно преображаюсь. Чайка этого не замечает. Теперь моё тело наполняют тёплые волны, я не ощущаю мышц, я бегу без усилий, но не прибавляю скорости ни на шаг. Она нужна будет в самый последний миг Я упаду на грудь, на локти, вытяну руки, но произойдёт это мгновенно. Со стороны, наверное, никто не увидит этого.

Теперь другая трудность: сдержаться... не спешить. Птица не должна понять, что со мной произошло, Вот мы выходим снова на песок. Какой круг? Я сбился со счёту. Я почти лечу. Странно это. Сначала медленно, отворачивая лицо в сторону, как будто не хочу даже смотреть на неё. Это ошибка, с её точки зрения: она подпускает меня даже ближе, чем на предыдущем круге. Всего один лёгкий прыжок, потом бросок. Бросок!

Не могло быть иначе. Птица бьёт крыльями, изгибает шею. Кусает мою руку до крови. Пустяки. Минуту спустя я заворачиваю её в

махровое полотенце, как куклу. Она затихает. Ну а если вспомнить о богах, то какую встречу предвещает эта чайка?

* * *

Май. Я в Крыму, в Алуште, в санатории. У меня путёвка. И вот, когда я иду с чайкой в свой номер, мне впервые становится ясно, что Крым — часть моего маршрута.

Копетдаг. Кавказ. Приазовье и Крым. Как в замедленном кино, я направлялся на северо-запад, год от году приближаясь к той границе, на закате солнца, которую достигли асы и ваны. Самый северный участок её проходит по Скандинавии. Попаду ли я туда?..

* * *

Я надеялся на её благоразумие: не выпрыгнет же она с четвёртого этажа! Но часом позднее я перестал ей доверять. Срезав тонкую проволоку, на которой поколения отдыхающих сушили бельё, я в следующий за этим час сделал нечто вроде цепи. Звенья этой цепи вышли неровными, крупными. Я не особенно доволен был работой. Но что получилось, то получилось — я посадил птицу на цепь. Сначала она расхаживала по лоджии, гремя проволокой, потом успокоилась. Иногда посматривала на меня через стеклянную дверь, но я читал остаток вечера, не обращая на неё внимания. Надоело. Ужинать я не пошёл. Возник сосед. Я сказал ему:

— Лёня! Это животное вынуждено побыть с нами несколько дней по независящим от него обстоятельствам.

Лёня кивнул. Ему было приятно моё обращение, как-никак, если человеку стукнуло шестьдесят пять, он ценит некоторую фамиллярность, уравнивающую положение вещей, обращение же по имени-отчеству обязывает не забывать о возрасте тогда, когда хочется забыть.

Он плюхнулся на кровать, стал ворошить газеты, надеясь найти в них ответы на самые простые вопросы, которые он мне неоднократно задавал. Но именно на простые вопросы ответов не было, как хорошо

известно, газеты делаются такими же вот людьми, которые могут отвечать только на мудрёные вопросы, не иначе.

Послышался храп. Как повелось, я скатал матрас и вынес его на лоджию вместе с одеялом и простыней. Лёг. Проклюнулись звезды. Внизу, с другой стороны корпуса, ребята из хозрасчётной бригады москвичей, приехавшие сшибать деньгу, этакие здоровенные бородачи, уже собрали по рублю с каждого желающего, включая ребятню, и врубили магнитофон. Жарко дышали эстрадные певицы, но чаще грохотали ансамбли. Я привык уже. Только сначала я зажимал уши. Чайка вела себя смирно. Ещё час. Все смолкло вокруг. Тиха была аллея, как написал однажды мастер слова. Я осторожно вылез за перила лоджии. Из соседней комнаты меня могли заметить: туда вечно приходили к парням любопытные, неуёмные девицы, изображавшие веселье до двух ночи. Поэтому я повис на руках, и меня благополучно пронесло мимо номера пятьдесят восемь, затем мимо следующего и ещё одного. Я подтянулся, осторожно ступил на каменный пол лоджии, временно принадлежавшей счастливому обладателю великолепной удочки. Собственно, их там двое. Один из них негромко удивлённо вскрикнул — не то во сне, не то наяву. Но я уже повис на перилах и, резво перебирая руками, удалился. Удочку я держал в зубах. Она лёгкая. Вполне по силам.

Они не заметили пропажи и не стали поднимать шума.

Я вырезал из удилица одно бамбуковое колено, потом соединил удилице с помощью палочки, вставленной внутрь, и канцелярского клея.

Моя совесть была чиста. Снасть выглядела как надо. Но не в этом даже дело. Если бы она обломилась во время ужения, то, кроме удовлетворения, сей факт не вызвал бы никаких других эмоций у рыболова! Ещё бы! Рыбина попалась такая, что не вытянуть! С другой стороны, повезло бы и рыбе.

Потом при скудном свете настольной лампы я сработал две лёгких и прочных бамбуковых шины для чайки. Преодолевая её испуг и сопротивление, почти завернул её в полотенце, оставив одно подбитое крыло. Наложил шины. Виток к витку обмотал их суровой ниткой, смазал клеем. Что я мог ещё сделать?

Удочку вернул тем же способом. Когда оказался на своей лоджии, понял, что немного утомился от этой несложной, но ответственной

операции. Лёг. На тёмном небе, среди звёзд, двигался едва заметно голубой огонёк. Я следил за его полётом. Он поднялся вертикально вверх, опять опустился, описал квадрат. Ночное небо здесь сверкает различными неопознанными объектами. Но их некому наблюдать. Инопланетяне и люди владеют прошлым и настоящим. Боги владеют прошлым и будущим. Я возвращаюсь в один из миров, подвластных богам...

От самой Африки до Индии Александр Македонский и его преемники основали эллинистические государства. Но в самую середину этого эллинистического пояса врезалось Парфянское царство. Оно было основано племенами, пришедшими с севера. Часть этих племён во времена Парфии оставалась на берегах Меотийского озера, то есть Азовского моря. На это есть указания у Страбона. Правда, в те времена Меотидой называли изредка и Аральское море.

В III веке до нашей эры, примерно через сто лет после походов Александра Македонского, скифы двинулись на юг и подчинили себе значительную часть Ирана. Арийские элементы здесь всегда преобладали над греческими, и скифская династия Аршакидов усилила их, подчёркивая свою связь с иранским домом Ахеменидов, задолго до походов Александра Великого создавшего огромную, хотя и непрочную державу — Персию. Скифы — арийцы. Их многочисленные племена населяли Азию до Алтая. Ещё ранее, во втором тысячелетии до нашей эры, арийские племена оставили изображения своих колесниц в Монголии.

Китайский путешественник Чжан Цянь указывал: «От Давани до Аньси, хотя и говорят различно, но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга».

Это значит, что во всей Средней Азии люди говорили, употребляя современную терминологию, на диалектах одного и того же языка. Иначе бы они не понимали в разговоре друг друга.

Это был великий пояс культур, созданных арийцами. Государство Давань располагалось в Фергане и горах Тянь-Шаня. Аньси — это Парфия.

Чжан Цянь оставил нам и типичный портрет этих людей: они, по его словам, «бородатые, выпуклоглазые». Они искусны в торговле и ремесле. Это древние земледельцы и скотоводы, оседлые племена и полукочевые. Самые трудные битвы — Александра Македонского — с

арийцами, бородатыми и выпуклоглазыми людьми, задолго до прихода тюркских племён и монголов освоившими Среднюю Азию, создавшими тут, по сообщению римского историка Трога, тысячу городов. С кушанских и парфяньских фресок и росписей на нас смотрят своими выпуклыми глазами бородатые арийцы, создавшие миф об Асгарде и воплотившие его в одном из арийских государств — в Аньси-Парфии.

Наиболее удалённое к востоку царство Давань вело войны с Китаем. Причиной этих войн были небесные скакуны Давани. Их изображения остались на скалах до сего дня. Искусство виноделия и некоторые ремесла пришли в Китай именно из Давани — раньше китайцы не знали ни винограда, ни виноградного вина.

Чжан Цянь в донесении китайскому императору писал:

«Давань лежит от гуннов на юго-запад, отстоит от Китая почти на 10000 ли прямо на запад. Даваньцы ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргамаков. У этих лошадей кровавый пот, и происходят они от породы небесных лошадей... В Давани до семидесяти больших и малых городов».

Один из китайских историков писал: «Даваньцы любят вино, а их лошади любят траву му-су». Речь здесь идёт о люцерне, которая так же, как и виноград, была совершенно неизвестна в Китае.

О восточных скифах есть также свидетельство Аполлодора. О Давани (Фергане) этот греческий автор говорит:

«Что касается народов, населяющих страны по ту сторону Согдианы (то есть к востоку от этого тоже очень известного среднеазиатского государства), на той же параллели, то, судя по их внешнему облику, можно считать их, вероятно, скифами».

Внешний облик жителей Давани, о котором говорит здесь греческий историк, — тот же, что и у знаменитого китайского путешественника: они выпуклоглазы, бородаты, как все скифы, и по большей части высокорослы и светловолосы.

Нынешние археологи, разумеется, находятся в полном неведении относительно расовой принадлежности основателей городов и государств в Средней Азии, поскольку слово «раса» для одних запрещено, а для других — повод смешать все вместе: пользуясь тем, что у скифов были рабы другой расовой принадлежности, они то

усердно приписывают скифам «смешанный тип», то объявляют их кочевниками непонятного происхождения, то вообще провозглашают белое чёрным и говорят об основателях доэллинистических городов как о предках современного тюркского населения. Ещё немного, и современная Турция — да продлит аллах её дни — будет провозглашена культурной наследницей христианской Византии, а также Эллады и Трои, сами турки и вообще тюрки — потомками эллинов...

Позднее, под натиском Рима, под натиском тюрков даваньцы, родственные полуполюгендарным ванам-венедам, переселились на запад. Их главный город Эрши, он же Урешта — так его называли другие, — как бы воскрес и соединении с именами родственников по происхождению племён и городов. Ведь перевод прост: на всех древних трояно-фракийских и арийских диалектах это имя и этот корень «раш», «рас», «рос», «рус», «раис» означает «царский», а применительно к городу — «царь-град». Точно так же древнюю Трою сами троянцы называли иначе: Таруиса. И это переводится так: Царьград. То же относится к столице Фригии Прусе, к самим троянцам — тросес, то есть «царским», «царскому народу» (сравним царских скифов и роксоланов — царских аланов, фракийские племена). И этот древнейший корень трояно-фракийского и среднеазиатского региона связан с культом «царского зверя» — леопарда, которому девять тысяч лет, ибо он был хороню известен в древнейшем городе Малой Азии Чатал-Гююке седьмого тысячелетия до нашей эры.

* * *

...Утром я снимаю с птичьей лапы медное кольцо в сантиметр шириной. Буквы полустерлись. Одно слово было мне понятно на этом кольце: «Албана». Название города. Или местности. Хотелось верить, что это город Албана. Была когда-то. Кавказская Албания. Каспийское побережье, нынешний Дагестан, часть долины по реке Араке. Память иногда мешает, сбивает с толку. Если, конечно, память абсолютная, как у меня. Допустим, Албана, тогда как бы кольцо предназначалось мне. Я знаю об Албании Кавказской больше, чем написано в книгах. Таинственная страна, меня она давно привлекала.

Я неосторожно проронил несколько слов, и Лёня, он же Леонид Григорьевич, стал допытываться, почему меня интересует такая древность — первое тысячелетие до нашей эры... Я ему ответил, что интересуюсь из чувства протеста. Когда вокруг пасутся разные млекопитающие, иные на автомобилях, иные, по бедности, так, но все сторонятся разных древних историй и мифов и, понукаемые пастырями, тянутся лишь за очередной морковкой, возникает желание разрушить эту иллюзию единения ещё до того, как она будет разрушена сама по себе.

— Что за млекопитающие? — не понял Леонид Григорьевич.

Я объяснил.

Он, кажется, смекнул, начал жаловаться на отсутствие литературы. По образованию он геолог, работал на Волыни ещё тогда, когда там русины говорили на своём языке, а в гимназиях учили польскому. Интеллигент. Чистосердечно расспрашивал об Албании весь вечер. Рассказал ему о тайне. Она в том, что кавказские албанцы — это альвы, герои скандинавских саг. Алванон — так называлась Албания в Византии. Ну а альвы — это друзья и соперники асов. И те и другие — боги. Вернее, стали богами потом, в мифах. Тысячу лет спустя после переселения асов с Кавказа па Днепр, затем в Германию и Скандинавию.

Албаний много. Даже в Риме была Альба Лонга. Но я говорил о Кавказе, о главной Албании, родине богов.

А на следующее утро, рано проснувшись, Леонид Григорьевич открыл застеклённую дверь; я услышал его шаги, учащённое дыхание, затем вскрик. Меня и разбудила его физзарядка и возня.

В просторной лоджии было все же маловато места для некоторых упражнений (рост его сто восемьдесят семь). Да ещё тут же — моя постель. Когда он грубовато, как я полагаю, оттеснил чайку в угол, та ткнула его за ногу, почти до крови. На прощанье, что ли? Ведь это его последний день.

Я досрочно поднялся, стал извиняться. Договорились, что я закажу для него такси и даже оплачу проезд до Симферополя. Дальше, до аэропорта, он доедет сам. (Замечу в скобках, что эти рубли на поездку туда и обратно ох как бы пригодились мне в связи с тем, что за килограмм майской клубники здесь брали мою дневную зарплату.)

В НЕАПОЛЕ СКИФСКОМ

Таксист опоздал на полчаса. Мы сели. Машина понеслась. Море, зеленые взгорья, цветники, белые корпуса, туристы, марширующие по обочине — мимо! Впереди — Чатырдаг, справа — Демерджи. Каменные гребни поворачиваются, изменяют очертания. Демерджи похож на леопарда с острым позвонком, прорвавшим шкуру. Ещё несколько минут — и ясно видна голова женщины.

— Там Долина привидений, сходите, я был там двадцать лет назад, с дочерью. Каменные столбы, башни, колонны, грибы, рядом — настоящий хаос, даже геолог запутается, если начнёт разбираться, как поднимались и опускались тут складки.

Я вижу Леонида Григорьевича в профиль. У него сейчас лицо человека, который задаёт себе вопрос, так ли он прожил жизнь, как надо. Ответа, естественно, нет. Для него подведены итоги ещё одного года. Сколько их впереди? Немного. У него реденькие седоватые волосы, лицо так и осталось бледным, несмотря на солнце. Да и моря он почти не видел. От него не услышишь ничего необычного. Всю жизнь он вычёркивал из памяти случайное, не казавшееся ему важным. Что осталось? Из причудливого узора несколько розовых и чёрных ниточек. Это и есть старческая мудрость. Такого человека нельзя удивить ничем. Мне запомнился один его вопрос:

— Альвы, албанцы эти кавказские, про которых вы рассказывали, это ваша выдумка? Или это учёные доказали?

— Моя, ответил я с чистой совестью. Это я придумал, что асы, то есть скандинавские боги, когда-то жили рядом с албанцами и называли их альвами.

Жму руку, прощаюсь. Такси мчит его дальше — в аэропорт, а я схожу у подошвы холма. На его заливке — бетонная стена, опоясывающая то самое место, где был Неаполь — столица царских скифов. Спрашиваю, что это? Водоочистительная станция. Поднимаюсь. Внизу, как на ладони, Симферополь. Видна долина Салгира. Как это умудрились выбрать для водокачки тот самый холм, на котором высились дома белоснежного города? Больше двух тысяч лет прошло с тех пор, как он основан. Никто не застраивал с тех пор

это место. Обхожу стену, возведённую вокруг безликого сооружения. Сбоку, почти вплотную к ней, двое рабочих неуклюже кладут серые камни — реконструируют Неаполь. Подхожу. Кладка у них такая, какой никогда и быть не могло: вот-вот все развалится. И получается одна квадратная невысокая башня непонятого назначения. Я обошёл остатки фундаментов, зернохранилищ. От Неаполя остался пятачок... Пять других холмов вокруг города будут пустовать. А этот... Кто выбрал его для водоочистительных сооружений, которые и сооружениями нельзя назвать, так они безобразны?

Рабочие не могут ответить ни на один из моих вопросов, они даже не знают, кто руководит ими.

Нахожу кусок белоснежного камня — остаток настоящей, скифской кладки. Спускаюсь по зеленому склону, где трава по пояс.

Разорванный узор руин проступает.

На фоне отвалов.

Здесь прошлого нет, Значит, в будущих книгах Напишут: кончилось настоящее.

Я отпускаю такси, беру внизу ключ от пятидесят девятой комнаты, поднимаюсь на четвёртый этаж, открываю дверь. Первое, что я вижу — это деньги на столе. Он забыл? Ну нет, вряд ли, собирался он при мне и трижды осмотрел комнату — не забыл ли чего ненароком.

Считаю купюры. Их четыре. Двадцать рублей. Соображаю я быстро — примерно столько мне стоила поездка туда (обратно — чуть больше). Объяснить я ничего не могу, просто отмечаю этот факт. А потом открываю дверь в лоджию. Чайки нет. Заглядываю в соседнюю лоджию, перегнувшись через перила. Нет её и там. Осматриваю комнату. Все так, как было, когда мы уезжали. В урне — смятая коробка (он покупал себе кроссовки). Уборщицы не было. Да и час неурочный.

Ещё раз осмотреть лоджию...

Никаких улик. Птица исчезла вместе с цепью из проволоки, которую я так взволнованно, проникновенно мастерил.

Ну, если кому-то понадобилась птица, то при чем тут цепь? Как ни напрягал я фантазию, я не мог представить себе человека, которого могла бы соблазнить моя поделка. Ах вот что!.. Цепь могли выбросить вон туда, на газон, в кусты. Вниз, стремглав вниз!

Обшариваю газон с кустами жасмина и волчьей ягоды, которую две милые женщины приняли за барбарис — история эта получила огласку. Ещё раз. Все. Теперь я бессилен что-либо придумать, остаётся гадать, а лучше просто погулять по набережной.

Зачем мне нужна была птица? Ни за чем. Я не мог отдыхать, когда видел её на пляже. Я по два раза бегал в магазин по тридцатиградусной жаре, чтобы покупать для неё жареную треску или копчёную скумбрию, которую приходилось затем ещё вымачивать, А потом? Иногда я бегал за птицей, чтобы бросить кусок рыбы перед её клювом, иначе она не брала её. Вечером, разбросав всю рыбу, я снова стоял в очереди за треской или хеком. Потом возвращался на пляж, чтобы оставить ей еду на топчане. Но это не спасало меня от мук совести. Она должна была погибнуть. Я уеду, и она протянет самое большее две-три недели, думал я.

Я машинально свернул направо, к горе Кастель. Обычно я шёл по набережной в сторону Алушты, сворачивая влево. Сегодня задумался. На зеленом склоне горы уже залегли глубокие тени, они доползли почти до моря.

ВСТРЕЧА

Под горой — пансионат с небольшими сотами номеров, врезанными в крутой откос. Я миновал их, сел за столик в кафе «Кастель». Рядом с ней.

Мы сидели молча. Я зачем-то полез в бумажник и достал медное кольцо — память о пернатом друге, как пишут в романах. Положил его на столик, чтобы ещё раз прочесть надпись. Албана. И ещё несколько слов — я их не понимал, буквы стёрты.

Она поднялась, взяла заказанное мороженое «Кастель», пластмассовую сиреневую ложечку, снова села. Я машинально повернул кольцо. Она вздрогнула. Или мне показалось? Я не могу начинать разговор первым, если женщина мне очень нравится. Через минуту я понял, что она прочла надпись или, во всяком случае, попыталась это сделать. Эта попытка, сами её глаза, ставшие внимательными на два-три мгновения, не больше (я тоже так умею: сфотографировать слова, потом уж читать их по памяти), поразили меня. Что она могла понять? Ведь я переводчик-профессионал, и перевожу я почти со всех древних языков, включая хеттский, со средней скоростью машинистки.

И тут я спросил. Лучше бы я не спрашивал! Она не просто замялась, она с отсутствующим выражением лица стала выдумывать нечто ординарное. Будто бы она видела такое же кольцо, с такой же надписью. Но что означает надпись? Она не знала этого. Она может переводить с древнегреческого? Немного. Тогда я заявил, что это надпись вовсе не на греческом.

— Да-да, я это и хотела сказать! — воскликнула она. — Это надпись нашими буквами на другом языке, и я знаю, на каком!

— На каком же?

— На языке светлых альвов!

Если бы она сказала, что прилетела с другой планеты и представила тому доказательства, я был бы поражён не больше, чем после этих светлых альвов, слетевших с её губ.

У неё светло-карие большие глаза (я не всегда могу читать в таких). В серых или голубых женских глазах для меня нет секретов.

На ней была сиреневая юбка, белая блузка. Её лицо, руки, ноги казались золотыми в лучах солнца. Но стоило ей сесть за столик, куда уже доползла вечерняя тень, как золотистое свечение угасло и кожа её стала светло-оливкового цвета. Острые носки её светлых туфель касались границы тени, когда она стояла, а теперь ноги её нырнули в полумрак, подобно дельфинам, ушедшим в волну.

Меня не озадачило её появление, более того, круглое, юное лицо её казалось знакомым. Я где-то видел эту рослую женщину. В толпе на набережной? Нет. В Симферополе! Сегодня. Я вышел из такси, пожелал доброго пути Леониду Григорьевичу и увидел её на другой стороне улицы. Даже не лицо её больше всего запомнилось в то мгновение, а эта сиреневая юбка, матовая позолота её ног. Тут же она свернула в переулок, а я поднялся на зелёный холм.

— Светлые альвы обликом своим прекраснее солнца! — прочёл я по памяти строчку из «Эдды», записанной некогда Снорри Стурлусоном.

Она не откликнулась на это.

Если это был розыгрыш, она просто обязана выйти с честью из затруднительного положения. Ведь я знал, знал, кто такие белые альвы! Были ещё и тёмные альвы, они жили в земле и черны, как смола. Но Альвхейм — жилище светлых альвов — расположен на небе. Стоило ли шутить на серьёзную тему так непосредственно, как это сделала она? Вряд ли. Во всяком случае, не со мной. Только я знал, что альвы — не легенда и Альвхейм действительно существовал на небе. И на Земле. Это Албания.

Но она этого не могла знать. И я ещё не опубликовал об этом ни строчки, даже в комментариях к моим переводам, когда мне давали каких-то жалких сто строк и я должен был за тридцатку объяснить читателям, что такое «Старшая Эдда», что такое «Младшая Эдда» и «Круг земной» и сообщить все о двенадцати богах-асах, их спутниках, замках, где они жили, битвах, в которых они участвовали, и мирах, где они странствовали.

Я ещё раз повторил сказанное об альвах, как бы про себя, и добавил, уже громче, что альвы живут на третьем небе, называется оно Видблаин, что означает «Широкосинее», и это одно из небес скандинавских саг.

— Скандинавских саг? — переспросила она осторожно, словно проснувшись.

— Вы говорите, что светлые альвы вам известны? Значит, это не выдумка?

— Что — выдумка? — воскликнул я. О светлых альвах записано в мифах. И нигде больше. Судите сами, выдумка это или нет. Но, судя по всему, вы об этом в первый раз слышите? Так?

— Да, — сказала она насторожённо.

— Но вам ведь известно это слово: альвы?

— Я слышала его много раз. Но я почти ничего не знаю толком. Объясните мне, кто они, наконец, эти альвы?

— Я могу рассказать, во всяком случае, могу сделать попытку. Но как стало ясно, именно вы знаете, что надпись на кольце сделана на языке светлых альвов. Стало быть, вам известен другой источник сведений об этом небесном народе?

— Нет... Понимаю вас. Просто слышала слово: альвы, альвы.

— Ну а я гораздо чаще слышал об инопланетянах. Спросите наугад тысячу встречных в столице, кто такие альвы, и никто не ответит, разве что перепутают их с эльфами. Никто. Ни один из тысячи!

— Да? — спросила она с каким-то неестественным изумлением. — А я думала, что многие знают или слышали про это. А как же я?

— Вы? Я и хочу докопаться, откуда тянется нить Ариадны, извините меня за мифологические сравнения... У меня сегодня такой день: был в Неаполе скифском, там устроили водокачку, на месте городища возводят нелепейшую башню, каких не было никогда. Потом — вы. Да, ещё была чайка! Была, но исчезла.

— Чайка?

В её глазах проплыло тёмное облачко. Она молчала. Я встал, принёс ещё две порции мороженого «Кастель». Было очень тепло. Над берегом летали чайки. Я молча показал ей, как они садились на фонари, потом другие птицы их сгоняли с плафонов и, в свою очередь, уступали место. Я положил свою руку на столик ладонью вверх, потом взял её запястье другой рукой и поместил его на раскрытую ладонь. И мы оба смотрели на её золотую, скорее золотистую руку на фоне моей

раскрытой ладони. Я поступил так, словно выдумал ритуал, а она вдруг приняла его.

— Вы заблудились? — спросил я осторожно.

— Как вам сказать... не совсем. Я знаю этот берег, это кафе, эту дорогу. Здесь я даже купалась и загорала. Но, понимаете, я сюда приходила иногда...

— Понимаю.

Мы шли по набережной под крутым и тёмным восточным склоном горы Кастель. Я предложил пройти к пансионату «Кристалл». Она согласилась. Там старая каменная лестница и узкая дорога, выложенная квадратами, а над ней — ветви алычи, тёмные лапы сосен, ниже — цветы дрока и жёлтого донника. Так мы оказались на танцевальной площадке пансионата, где ревел магнитофон и танцевали дети. Под окнами двухэтажных домиков сушилось бельё. Мы повернули назад. С мыса видны были все пики Демерджи, ещё освещённые низким солнцем. В противоположной стороне бурый крутой берег окаймлял лукоморье, тянувшееся до Аюдага — неровный, вытянутый к морю купол горы был сейчас тёмным, даже хмур.

Что можно было ожидать от красивой молодой женщины? Её сверстницы никогда не слышали имён Одина, его жены Фригг, бога Тора, Бальдра, никто не знал названия города богов Асгарда. Да что здесь! Даже в Москве журналисты, филологи, лингвисты, историки с кандидатскими степенями не могли припомнить ни одного из этих достойнейших представителей северных народных мифов и сказаний, как не могли зачастую понять, о чем идёт речь при слове «Асгард». Что делать! Я привык. Это, правда, мешало мне дружить, понимать, даже знакомиться — мешала излишняя моя осведомлённость, граничащая с невоспитанностью. И вот я встретил женщину, которая уверенно произносит эти до сих пор удивлявшие меня звуки — из них складывается почти волшебное слово «альвы»!

Удивится ли читатель, если узнает, что я весь вечер был в приподнятом настроении, что меня ничто другое не интересовало, и я рассказывал ей о неслыханном деле — походе асов из Азии? Они покинули Асгард, свою столицу в Азии, услышав пророчество о нашествии сынов Муспелля, жаркой неведомой страны на юге. Эту страну защищал в то время Сурт, державший в руках огненный,

пылающий меч. Имя переводится с исландского так: «чёрный». Но я переводил более точно: «черт».

Люди Муспелля владели кораблём, который называется Нагльфар, сделан он из ногтей мертвецов. У главного бога асов Одина был корабль Скидбладнир — лучший из кораблей, самый лёгкий и удобный, он миг складываться, как книга. И вот, судя по всему, асы удалились с побережья (конечно же, с Каспийского!), альвы остались. И когда потомки асов вспоминали о них, своих соседях и друзьях, то отводили им место на третьем небе — Видблаин. И все небеса остались на юге, они стали сказкой. И только северное, спокойное, почти призрачное, невысокое небо укрыло переселенцев с далёкого юга. Холмы, горы, фиорды, озера стали повой родиной древних племён, услышавших пророчество.

Она спокойно задавала вопросы. Многие из них удивляли меня наивностью.

Она знала, бесспорно, больше, чем полагалось в её возрасте, и она, несомненно, не стеснялась задавать любые вопросы. Это льстит. Забыв про саги, я провожал её. Куда? В памяти моей — провал.

Мы вернулись в район Алушты, зашли в кафе, сидели в полутьме за столиком, потом вышли к розарию, обошли его дважды, и... вернулись в кафе.

Это первая женщина, с которой я мог бы подружиться, несмотря на её обаяние и красоту, осложнявшие, на мой взгляд, такие отношения. Аналогия с хрупкой антикварной вещью: нажми — и треснет. Но это моя точка зрения, личная. Зовут её Вера.

В полутьме кафе, под резкие аккорды, доносившиеся из телевизионного приёмника, она рассказала все без моих деликатных напоминаний и намёков.

Брусникин Александр Николаевич. Так звали се родного дядю. Он был одинок. Она ездила к нему в гости ещё школьницей, помогала, иногда читала его книги. Он показывал ей свои записи, дневники, словно предчувствуя неладное. От него она узнала об Асгарде и альвах. Она увидела меня, услышала и сразу поняла; я похож на её дядю, даже очень, и внешне тоже. Почти копия. Редкостное совпадение.

— У меня было такое ощущение, что это он говорит, понимаете? — Так она выразила эту мысль, и мне стало не по себе уже

через несколько минут.

Потому что человека этого нет.

Брусникин погиб во время перестрелки с рецидивистами. Его машина оказалась между ними и патрулём. И когда патрульная машина стала настигать их, они открыли пальбу. События происходили вечером.

— Понимаете, он наклонился, щекой прижался к рулевому колесу, и пуля прошила его, и вышла в пластмассу сигнальной кнопки, в самую середину её. А он мне рассказывал, что рулевое колесо его машины необычное. Он заказал его по своему эскизу. Оно сделано было в форме кельтского креста. Это круг и четыре луча особой формы. Он объяснял, зачем это, но я плохо помню... Не то амулет, не то память о каком-то событии, связанном с таким крестом. Ну вот. Я не хотела говорить этого, но почему-то решилась. Это важно для вас?

— Не знаю, не знаю, что и сказать. Когда это произошло?

— В семьдесят третьем.

— А месяц помните?

— Да. В сентябре.

— В сентябре! — невольно воскликнул я. — В конце месяца?

— Да, пожалуй, а точнее, во второй половине. Если это так важно, могу назвать число: девятнадцатого сентября. Вы чем-то взволнованы?..

— Да, простите меня, ради бога. Я сам заставил вас рассказать об этом... но ещё один вопрос, когда, во сколько часов вечера это случилось?

— По-моему, около восьми часов вечера. А может быть, около девяти, точно сказать не могу.

— Видите ли, сказал я, в том же году, и в тот же день того же месяца, разве лишь тремя часами раньше мне было очень плохо. Очень!

Она молча кивнула, словно ждала от меня именно этого странного признания, и я рассказал ей, как тонул у дикого пляжа, как прощался с жизнью, как перенёсся в другой мир, в Город света. Ну и как после этого у меня и на Земле пошло все иначе: асы, альвы, ваны, древо мира, роща Гласир... Это все, равно, что жить внутри сказки, и конца этому не предвидится.

— Он тоже был таким. Рассказывал мне о Шамбале, о шамбалитах, об Агартти, столице Шамбалы. Он повторял, что Агартти — это и есть другое название Асгарда. Скандинавские мифы говорят о самой таинственной стране нашей планеты — Шамбале, а страна эта где-то в горах Тибета. Она помнила, что Брусникин рассказывал о немецком инженере и его супруге, с которыми приключилось вот что: они прогуливались, как вдруг налетела буря с мокрым снегом, в тридцати метрах от них появился четырехметровый светящийся шар, он приблизился и окутал их. Они оказались внутри этого шара, в облаке яркого света, но не ощущали тепла.

— Он считал это проявлением сил Шамбалы. Это не летающий объект и не шаровая молния. Воплощение света Агартти.

— В Асгарде свет золотистый. А в этом облаке?

— Да, я вспоминаю: тёплый золотистый свет, и эта немецкая чета как бы ожидала тепла, но его не было. Помню, когда это случилось — в тысяча девятьсот четвёртом году. Очень давно. Вы верите в Шамбалу?

— Милая Вера, я не могу, к сожалению, верить во все сразу. Туда, далеко в горы, бежали от всяких нашествий или просто переселялись потомки парфян и древних иранцев, то есть ариев. Они принесли с собой сказания. Так Асгард стал называться Агартти. Обещаю как-нибудь рассказать вам об этом подробнее.

Сегодня утром, перед отъездом в Симферополь, она проходила мимо моей временной обители и услышала громкий разговор двух бабушек:

— Уехал сегодня один, так надо же, оставил привязанную птицу на балконе, меня уборщица зовёт, я как увидела, ну, думаю, надо её освободить. Пошла, а это чайка, здоровущая, злая такая, не подступишься.

— Ну и что же?

— Ничего. С ним второй жилец, уехал тоже, но, поди, вернётся. Только сосед сказал: уберите эту птицу, у меня жена больная, давление, а она кричит, крыльями хлопает, что делать, Степановна?

Вера подошла к ним, сказала:

— Я птицу могу взять к себе.

Они поднялись на этаж. Там ещё была уборщица, которая показала открытую дверь номера и назвала чайку хулиганкой. Странно

вела себя чайка. Как только Вера подошла к балкону в сопровождении уборщицы, она притихла. Вера отогнула звено проволочной цепи и так, на цепи, повела чайку через холл на улицу. Почему эти женщины объявили чайку собственностью уехавшего Леонида? Да потому, что она была привязана на его половине лоджии. А на другой половине я размещал для ночлега свой матрац! Может быть, он упоминал о чайке в холле в их присутствии? Не берусь судить. Я остался за кадром этой истории, получившей огласку. Удивительно, что они мне даже не сказали ни слова после моего возвращения из Симферополя. Скорее всего, я внушал им уважение, которое несовместимо, конечно же, с хулиганившей и отбившейся от рук птицей.

— Где она сейчас?

— Птица? Я все поняла, увидела шины из бамбука и сразу же доставила её в пионерский лагерь, который, представьте себе, называется «Чайка». Это рядом. Там обещали вызвать ветеринара и вообще помочь птице. Её поместили в отдельной комнате. Вы бы видели, какой восторг вызвала чайка у всех! Расскажите об Албании!

— От Албаны ничего не осталось. Когда-то в окрестностях Дербента, где она должна была находиться, по сообщениям греческих историков, я исходил все окрестности. Но, конечно же, ничего не смог там найти. Я был молод, почти юн и прошёл тогда много километров, увидел южные базары Шамхора и Баку, Дагестан, Каспий, горы и скалы, которые в эддических исландских песнях сравниваются с костями ящеров и драконов — это те самые горы, как я надеюсь, возможно, и Крымские тоже. Ведь и по здешним перевалам пролегли пути сарматов, скифов, албанских племён, готов.

Я прочитал ей мои стихи о прошлом.

Пророки Библии грозили Своему грешному народу:

Позовут-де народ другой Ему в наказание, вызовут народ, Языка которого он не знает и Не будет понимать, наведут на Израиль Народ древний, народ сильный Колчан его как открытый гроб, Люди его храбры.

Съедят они жатву твою, Израиль, Поработят дочерей твоих и сыновей, Съедят волов и овец, Виноград и смоквы.

Слово древних пророков Готовило наказание.

Ныне же вызови их дух, Вдохни жизнь в слова те снова, Оживи страх — и услышишь то же.

Грозный народ, владевший Палестиной, скифы с колчанами, открытыми, как гроб.

Израиль, будь настороже!

Скифы могут вернуться, Повинуйся слову.

За что же грозил Господь Израилю устами пророков? Да все за то же: за поклонение иноземным богам, за предание забвению своего прошлого, за его поругание.

В Асгарде земном, в Копетдаге, своих предков и государей чтили как богов. И вот с тем же, на том же, так же становились на ноги государства. Было бы самым невероятным делом, если хоть одно государство, в котором все поставлено с ног на голову, смогло бы устоять. Будущее вырастает только из прошлого. Отсюда — понятное желание иных деятелей кастрировать именно прошлое, потому что непосредственно будущее им недоступно.

Она легко пожала мне руку, кивнула, как будто мы давным-давно знакомы, и быстро пошла по набережной. Мне даже показалось, что наша завтрашняя встреча состоится на том же месте. И только когда я вошёл в кафе, чтобы от нечего делать выпить ещё одну, двойную чашку кофе, мной овладели сомнения. Я нарочно использую выражение из старых длинных романов, чтобы прояснить ситуацию. Даже не сразу овладели, а постепенно. Два-три глотка, и я встрепенулся: мы что, договорились с ней о завтрашнем дне? Нет! Кажется, нет! Ещё глоток, я толкнул столик и услышал слово «бегемот». Это по моему адресу. Странно, правда, что сказала это верзила с такими плечами, что они загоразживали от меня соседний столик.

Я не стал отвечать. Ещё два глотка, и, ожегши губы, я выскочил из кафе к розарию. Было уже темно. Вприпрыжку, стараясь не задеть прогуливающиеся парочки, поскакал я наподобие серой лошадки на ипподроме, которую ждёт приз. Только на этот раз все ставки плакали бы: сто, двести, четыреста, шестьсот метров в возрастающем темпе, а золотоглазой, золотоволосой знакомой моей не было. Куда же я устремился после этого? За поворот? Туда, где набережная взбегает на горку и ведёт в город? Ничуть не бывало. Я повернул назад и медленно добрался до злополучного кафе. Там ещё сидел широкоплечий верзила, который вдруг подмигнул мне, как хорошему своему знакомому. Я глотнул снова жидкого горячего южного напитка по цене

бразильского кофе. И заметил ненароком, что верзила ухмыльнулся. Припомнился обидный эпизод с бегемотом. Я старше и дал бы ему в ухо, если бы он вёл себя сейчас так же непристойно; к тому же я был расстроен.

И вот, бывает же, я понял, что совершил ошибку: мне нужно было все же подняться по набережной, взять такси, даже просто так называемую кооперативную машину по тройной цене или, на худой конец, автобус — за наличные. Все, что угодно, но не останавливаться у поворота. Теперь было уж поздно!

В дверях я обернулся. Здоровенный парень смотрел мне вслед с явным удовлетворением и с издёвкой. Я вернулся в свой тусклый номер, где гремело радио, но пока было пусто, плюхнулся на койку. Потом поднялся, вырубил радио и задумался. Задумался прочно, глубоко. Зажёг бра.

Я догадался, достал кольцо. Надпись на кольце означала скорее всего: «Албена». Это курортный город в Болгарии. Побережье. Ясно, что экология там во главе угла. Куда оттуда могли летать чайки? Ну конечно, в соседние страны. Отсюда кольцо на птичьей лапе. Просто.

Мне легко было извинить себя за возможную неточность в прочтении, тем более что именно ошибка дала мне возможность познакомиться с Верой.

Албана. Был когда-то такой город. Что касается Албены, то я хорошо помню её корпуса в виде пирамид, широкие пляжи, цветущие сливы и персиковые деревья, потому что я был там в семьдесят седьмом.

СХВАТКА В НОМЕРЕ

Было около полуночи. Небо ясное. По нему разбрелись звезды. В дверь постучали. Я насторожился. После всех происшествий сегодняшнего дня даже простой стук в дверь воспринимался как нечто неординарное. Я подошёл к двери, прислушался. Разговаривали. Я повернул ключ, и сразу же дверь распахнулась. Ко мне пожаловал новый отдыхающий, на место Леонида Григорьевича, отбившего восвояси. Круглолицый малый с гитарой в руках, в ковбойке и светлых, так называемых белёных джинсах, с огромной вещевой сумкой через плечо, и на том же плече у него повисли две девицы.

Поздоровались.

Я сел и молча резал зеленые яблоки тоненькими ломтями — здесь на досуге я изобрёл новое блюдо на завтрак. Тонко нарезанные незрелые яблоки или алычу с косточками поместить на ночь в банку, наполненную холодной водой, туда же добавить две столовые ложки мёда. Утром яблочная или алычовая вода готова, у неё неповторимый вкус и аромат, можно выпить два или три стакана подряд. Завтрак отменяется вообще или заменяется чашкой взбитых сливок. Ну а они расселись на его постели. Девица брэнчала на гитаре нечто несусветное и несостоятельное, он курил, разговаривая сразу с обеими спутницами, потом они вышли на лоджию, пинали ногами пустую банку, пока она не разбилась, осколки уронили кому-то на голову, ругались, опять брэнчали на гитаре. Сосед прикрикнул на них, был отбой. Это не смутило компанию, для которой уже давно не существовало ни отбоев, ни подъёмов, ни проблем в окружающем их пространстве.

Так вместе мы провели часть ночи, я лёг, накрылся одеялом. Они снова гремели чем-то, накурили так, что сквозь дым едва проглядывали звезды. Спать мне не захотелось бы и без них. Но часа в три я поменялся с ними. Они ушли с лоджии, а я туда вернулся.

Так я снова стал ночным узником лоджии.

Я разговаривал со звёздами на «ты», гора Кастель дышала мне в лицо ароматами южных трав, потом я уснул. Последней отчётливой и странной мыслью была мысль о чайке. Будто бы я снова ловил её, и

она удивлялась этому. Кто-то даже произнёс вполголоса за кадром, что чайку поймать невозможно. И вся лента промелькнула снова, как быстрое документальное кино. Сначала так, как сказано: поймать я её не мог. Потом я постепенно перешёл из состояния «альфа» в состояние «бета». Терминология моя, а суть в том, что во втором состоянии как бы возрастают способности, быстрота, сила. Объяснить это нельзя. Я же сам чаще всего вижу вместо действительной картины другую. Я ловил чайку, а мне виделась рыба. Серебристая такая, медлительная, с золотыми плавниками. И я нырнул с крутой скалы — и за ней. Инерция разгона была так велика, что я даже не работал руками, тело моё несло, как торпеда, я срезал повороты, и рыбине некуда было деться. Она медлительная. Я только управлял своим движением под водой. Прижал рыбу к песчаному дну. Плавники её били меня по рукам. Но это уже не плавники, а крылья — белые крылья чайки. И снова я на пляже, в руках птица, я пеленаю её полотенцем. Я был в состоянии «бета», пока преследовал рыбу. Но как только я поймал её и она превратилась в птицу, я перешёл в другую ипостась под буквой «альфа». Это самое обычное моё состояние, я ещё называю его замедленным.

Видение промелькнуло, потускнело. А может, я уже спал.

Едва рассвело, меня разбудили анемичные аккорды гитары и низкий уставший голос: «Алёша жарил на бая-ане, шумел-гремел посудю шалма-ан!» Я вскочил, как ужаленный. Было жаль парня, но это пришло потом, а сначала я крикнул: «Кончай, и побыстрее!» Однако он оказался из тех, кто больше всего на свете любит подобострастное к нему отношение и, конечно же, вежливость, беспредельную, самоуничижительную вежливость. Это послужило причиной конфликта.

Он повелительно взмахнул гитарой, даже не удостоив меня ответом. Я подошёл, мы сцепились. Я одолел его так, без перехода в состояние «бета». Связал полотенцем руки. Стал медленно умываться, потом перенёс постель снова в комнату, лёг поверх одеяла, стал листать путеводители по Крыму и Кавказу. Можно было бы махнуть в Новороссийск, а оттуда... там виднее.

— Дай хоть закурить! — пробасил связанный сосед. Я протянул ему сигарету, из его пачки. На ней остался след губной номады. Наверное, одна из девиц накурилась до одури и не осилила её, вернула

в пачку. Он закурил, попросил развязать руки. Я выполнил его просьбу. Он представился:

— Меня зовут Толик. Толик Половодов. А тебя?

— Володя.

— Не обращай внимания, Володя. Я хороший. Так, бывает... А здоров, не думал, что ты меня так упакуешь. Борьбой занимался?

— Никогда борьбой не занимался. Некогда.

— Кто же ты по специальности?

— Переводчик, можно так назвать.

— Да-а...неопределённо протянул Толик. — А что, есть такая специальность?

— Как не быть? Книжки и статьи пишут на разных языках, а читать хочется всем, вот и перевожу.

— В институте сидишь?

— Сидел. Сейчас чаще беру заказы и работаю в библиотеках.

— Силён, переводчик!

— И ты не слабак, Толя!

— Да я, если вправду, троих могу под настроение раскидать, может, повторим?

— Не надо!

— Боишься?

— Нет. Ну а если боюсь, то за тебя, понял?

— Понял... переводчик. А я вот простой электрик, из Москвы.

— Пора завтракать, давай стакан! — Я плеснул ему в стакан яблочно-медовой, и он выпил до дна, но поскольку мне досталась только половина моей обычной порции, то мы вместе пошли в столовую.

Он выше меня, примерно метр восемьдесят пять. Пока шли, косился на меня, наконец заявил:

— Это я тебя проверить хотел, извини уж, так получилось. К кому, думаю, в комнату попал...

— Проверить? — Я расхохотался, ко мне вернулось нормальное настроение, и я сразу понял, с кем имею дело. Толик был не просто электриком, а инженером, слегка хипповал и в таком виде любил, пользуясь своим превосходством в силе, ставить над людьми психологические опыты. У Толика чистые, зеленые, нагловатые глаза, впрочем, их выражение говорит о склонности к искренности.

ЕЁ ИМЯ: ЗОЛOTOBOЛОСАЯ СИВ

После завтрака мне вспомнилось это слово «проверить», и я даже вздрогнул. Что во мне такого, что вызывало бы желание проверить? Я ведь не в первый раз с этим встречаюсь. Проверить...

Вечером на пляже я кормил чаек сочниками, которые продавали девушки на пустынной набережной. Продавали. Но их никто не покупал, кроме меня. Я разламывал их, бросал на галечную россыпь, и птицы слетались, сбегались, громко требовали ещё. Чаек здесь два вида: рыжеватые с тёмными клювами и голубовато-серые. Я впервые видел, что и здоровые, нормальные чайки после ужина, который я им устроил, подходили к самому берегу и пили морскую воду, плескались. Кажется, и до угощения некоторые из них занимались тем же.

Потом я увидел, что у парапета Толик выделял невысказанные па. Ещё мгновение, и я понял, что он поворачивался как винт вокруг собственной оси, все время теряя высоту, и наконец приземлился на обочине. Поднявшись, он поспешил ретироваться. Оглянулся. Но меня не заметил. А у парапета я рассмотрел это чудо природы в блузке цвета морской волны и светлой юбке. Подошёл, поздоровался. Она любезно ответила, даже кивнула. От ресниц её — тени, необыкновенная вечерняя глубина её глаз.

— Только что...начал я, и она меня оборвала:

— Он вполне это заслужил.

— Да, Толик экспансивный молодой человек.

— Вы его знаете?

— Немного. Со вчерашнего дня он мой сосед по номеру или по палате, как угодно.

— Проводите меня.

— Хорошо.

— У вас есть время?

— Странный вопрос. Время, которое мы тратим всю свою жизнь на всевозможные дела, потом, по зрелом размышлении, оказывается выброшенным на ветер.

— Не вполне удачная острова, — заметила она хмуро.

Я покорно кивнул.

Склон дикий, и на нем дикие кусты шиповника и дрока, а среди них — дорожка и кое-где старый камень, обросший чёрным лишайником: не то бывшие ступени, не то втоптаные в почву плиты. Она ещё вздрагивала. Я знал, почему. Разумеется, я хотел её кое о чем расспросить, но сейчас это было бы неуместно. И вот, когда мы поднимались к девятиэтажному корпусу с антеннами на плоской крыше (я почему-то знал, что именно туда её надо проводить), становилось все проще и проще.

— Вы очень похожи на левитатора, уже мягче сказала она.

— На левитатора? Это что, от слова «летать», что ли? — Да. Брусникин говорил, что иногда рождаются люди со свободным полётом мысли, то есть левитаторы.

Корпус. Кажется, пансионат. Но не уверен. Мы вошли. В холле женщина с книгой. Столик, два-три кресла. Зачем-то мы сели в эти кресла. Потом подошли к лифту. Она нажала кнопку. Двери лифта раскрылись, и, когда мы оказались внутри, она предоставила мне право угадать этаж. Так я понял её неподвижность. Но она ещё и добавила вполголоса: «Ну!» Я прошёлся безмянным пальцем по белым квадратикам, как по клавишам, остановился на одном, потом на другом, потом на третьем. Машина заработала. Тут только я поймал себя на том, что и эта моя шутка неудачная. А она хоть бы что! Значит, левитатор угадал. Мы вышли из лифта. Стекла, вьющиеся растения, кисти сизого винограда, под ногами — темно-малиновый ковёр. В стекло напротив лифта заглядывал край заходившего солнца. Уже здесь, в холле, я задавал себе вопрос: как это отсюда можно видеть закат солнца, если мы поднимались по восточному склону горы Кастель? Могли ли мы оказаться на западном склоне? А потом — дуга широкого коридора, который непонятно как вписался в этот девятиэтажный корпус.

Дверь. Я едва успел заметить ключ в её длинных, проворных пальцах. Он был бронзового цвета, а может быть, цвета её загара. Там были две смежные комнаты.

Она усадила меня в глубокое кресло. Я потонул в нем. Мягкий коричневый ворс накидки щекотал затылок, шею, появилось неожиданное ощущение уюта. И не было жарко, несмотря на двадцать семь на улице. Она подвинула столик к самому креслу, вышла и

принесла вазу с яблоками и черешней, потом — кофе. Едва я глотнул кофе, как почувствовал лёгкое головокружение.

— Бразильский? — спросил я.

— Да.

Но когда чашка опустела, в голове прояснилось.

— Это пансионат? — спросил я.

— Да, это можно назвать пансионатом.

— Расскажите о левитаторах.

— Как вам сказать... Все люди разные. То есть интеллект бывает разный. Измеряется он в стандартных единицах. Бывает сто двадцать единиц, бывает сто восемьдесят, это очень много. А иногда достигает двухсот. Правда, очень редко. На миллион случаев один, не больше. Ну, и есть ещё цифра триста, это почти тайна. Такого не бывает. Разве только в виде редчайшего исключения. Это и есть левитатор. Ну, теперь поделитесь секретом. Как это вам удалось поймать чайку?

— Это нетрудно объяснить. Есть второе состояние, я называю его греческой буквой «бета». Когда я пытаюсь добиться результата, я перехожу именно в это состояние и нахожу ответ, решение. Интуиция — лишь преддверие этого состояния... понимаете?

— Понимаю. Левитатор живёт в мире осознанной интуиции. Это мир образов, который не только заменяет логику, но и даёт мгновенные ответы. В Болгарии живёт Ванга, прорицательница. Ей этот мир знаком очень хорошо. Но она даёт ответы только на узкий круг вопросов. Собственно, это не от неё зависит, её спрашивают, она отвечает. У кого-то пропали золотые часы, и она называет имя укравшего. У кого-то будет пожар, и она называет день. Кто-то заболел, и она предостерегает. Но вы ловили чайку на пляже из других побуждений. С птицей, поверьте, все в порядке. Я интересовалась.

— Скажите, можно вас звать Сив? Или Сибиллой, если полностью?

— Почему так?

— Потому что так звали жену бога Тора, Сибилла, или Сив Золотоволосая дева, — из северных краёв. Так записано в сагах.

— Хорошо, пусть Сив. Я запомню своё новое имя.

Я подошёл к окну. Склон горы был весь укрыт тёмной листвой деревьев. Вдали высились три белых корпуса дома отдыха «Дубна». Я

узнал их: Она подошла, положила руку на моё плечо, подала картонный прямоугольник, на котором было написано: «Золотоволосая Сив. Московский телефон 151-39-89». Я кивнул.

НАХОДКА

На следующий день я проводил её до такси, и когда дверца захлопнулась и машина рванула с места так, что меня обдало ветром, пришла тоска. Накрапывал дождь. Потом проглядывало солнце. Снова моросило. Я брёл туда, откуда вчера впервые увидел, это девятиэтажное здание. Машинально, не отдавая себе отчёта.

От асфальта шёл пар. Я повернул назад, к себе.

Поднялся на четвёртый этаж. Сосед-эксцентрик пил чай с одной из двух девиц. Пригласили меня вполне учтиво, я согласился. Даже рассказал им анекдот об одной супружеской паре: вернулся муж домой поздно, то и дело просыпался, подбегал к холодильнику на кухне и выкрикивал: «Шеф, в Чертаново подкинешь?» У жены эта картина выбывала, естественно, отчуждение. Утром дома не оказалось ни мужа, ни холодильника.

Достоверная и непритязательная история развеселила обоих. И в ту же минуту постучали. Дверь открылась. На пороге стояла женщина-администратор. Пришла отселять от меня Толика. Почему? Решение главного врача Мищенко. Обжалованию не подлежит. Толя быстро собрал пожитки, прихватил постель. Тут же явилась горничная и застелила порыжелый выдавший виды матрас на его кровати белоснежной простыней, одеялом из верблюжьей шерсти в накрахмаленном пододеяльнике, взбила подушку, на которую легли синеватые тени. И даже предложила мне взять себе эту постель, причём сделала это с такой неподдельной любезностью, что я весьма удивился.

Вообще с этого дня все как-то поменялось. Чувствовалось внимание. В столовой санатория, где даже в праздничные дни скупо распределяли хвосты от скумбрии (раньше я относил их чайке), теперь на столах возникали апельсины, ломти осетрины, горбуши, кеты. А ведь не так давно здесь любили говаривать, что ждать особенно нечего — за три рубля, полагавшиеся в сутки на каждого отдыхающего, можно войти в любую городскую столовую и выйти, не успев, по существу, пообедать (мне все время хотелось возразить, что ведь три

рубля — это дневная заработная плата техника, медсестры или кассира, как же быть?).

Итак, все поменялось. Но я стал замечать внимание и к моей персоне. Оно было ненавязчивым, едва заметным, но получалось иногда так комично, что я покатывался со смеху. По вечерам заходили предлагать чай, кофе. Но такой чай, а также растворимый кофе я не пил; стали заносить лимонад, как только я сделал соответствующее заявление, да ещё уверяли, что это входит в обязанности персонала! Проныра Толик при встрече в столовой сообщил мне, что я являюсь членом ревизионной комиссии и они меня боятся. Поскольку я твёрдо знал, что никогда не был и не буду членом ревизионной и никакой другой комиссии, то опровергать слухов не стал, но спросил, откуда он это узнал. Из телеграммы, которая лежала на столе в регистратуре. Необыкновенная история. Однако всем жилось лучше.

Тот же Толик, впрочем, опроверг этот слух и себя самого: никакой телеграммы не было. Ошибся, мол. А мне раньше хотелось уехать отсюда досрочно, но вдруг мне стало нравиться, я привык, я реже вспоминал мой город и моих знакомых, которым, полагаю, порядком надоели мои причуды. Во-первых, левитатор может ошибаться. Во-вторых, контакт с ним затруднён. Я размышлял обо всем этом со дня отъезда Сив. Мои недостатки не ощущались, когда я был один. Ещё лучше, если я был погружён в себя и прокладывал мысленно маршруты из Асгарда в Скандинавию. У меня были кое-какие сдвиги. Я нашёл все пути племён ванов.

Направился как-то в знакомое кафе, что под горой Кастель. Опять мороженое, коктейль, немного клубники, немного морского ветра со стороны мыса, где пансионат «Кристалл». Потом — вверх, вверх, туда, где я однажды побывал. Та же тропа. Те же камни. Куртина горной лаванды. Дрок и шиповник в цвету. Поворот. Крутой склон. Ещё минута-две, и я увидел бы этот корпус, если бы не досадное обстоятельство. Раздался собачий лай. Из зарослей выскочила сразу целая свора. Злобные, голодные псы, злобные, завистливые дворняги. Настоящая собачья свадьба. Такого я никогда не встречал в своей жизни. Но для юга это, пожалуй, не так уж и удивительно. Барбосы, безродные пегие полканы и просто жучки загородили мне дорогу. Я не мог обойти их стороной — шиповник в человеческий рост непроходим. Злобный, протяжный, какой-то особенный рык — я

был тому причиной. Моё присутствие им не нравилось. Они показывали мне зубы. Я замер. Стал отступать. Если бы я повернулся спиной, они бросились бы па меня всем скопом. Три пса были уже готовы это сделать, но я отступал очень медленно, не спуская с них глаз, как это ни трудно на склоне.

Они следовали за мной метров сто, потом оставили меня. Настроение было испорчено. Очаровательное воспоминание точно испарилось. У меня не осталось никаких желаний на остаток вечера. Я сел за столик уже в другом кафе и слушал записи — в десятый раз одно и то же. Потом подошёл к художнику, который тут же, на площади, рисовал портреты с помощью оптической системы — и он взялся за карандаш. Под портретом он по моей просьбе написал: «Портрет левитатора. Май 1988 года». Поставил свою подпись и протянул руку за червонцем.

Памятуя о собачьей своре, я в один прекрасный день обошёл это место по другому склону горы, поднялся мимо дома отдыха «Дубна» к едва знакомому месту, и мне показалось, что корпуса нет, не существует. Густой воздух, настоянный на травах и цветах. Марево над горой, а корпуса нет. Такого, разумеется, не могло быть. Ни ремонта, изменившего внешний вид до неузнаваемости, ни сноса дома строители предпринять не смогли бы, даже если за перевыполнение плана полагалась бы премия, равная годовому окладу.

И я, проплутав минуты две в зарослях, выбрался на скалу и увидел корпус. В холле сидела женщина. Она не обратила на меня внимания. Я подошёл к лифту и вспомнил, как угадал тогда этаж. Но сейчас цифра выветрилась из головы: я ведь тогда прошёлся пальцами по белым кнопкам как левитатор, не обращая на это особого внимания. Я вошёл в кабину. Нажал наугад. Ещё раз. Пришёлся пальцем по всем кнопкам. Никакого результата. Мигнули лампочки, зелёный огонь вспыхнул и погас. Я вышел из кабины, оглядел холл. Должна была быть лестница для пешеходов. Мой рассеянный взгляд скользнул по дверям лифта, и тогда я смутился. Увидел табличку, извещающую, что лифт не работает.

Я нашёл наконец лестницу, стал подниматься. Заходил в гостинные этажей. Ничего похожего не было на ту, где мне запомнились виноград, и лианы, и солнце в окне. Готов поклясться, что я добрался таким образом до последнего девятого этажа и почти упёрся лбом в

решётку над пожарной лестницей. Но когда я спускался вниз, крепко призадумавшись, опустив голову, что-то подтолкнуло меня. Туда, вправо! Стеклянная дверь, гостиная. Виноград и лианы. Все по-прежнему. Я осторожно ступил на малиновый ковёр, устлавший помещение. Ни души вокруг. Ну и на других этажах — тоже пустынно. Все уехали? Но так бывает очень редко. Или никогда. Я повернул туда, к её номеру. Постучал. Это любопытство. Пусть меня извинят. Ни звука. Зелень, зелень, немного синего неба. Повернул к площадке, где был лифт. Мы тогда выходили из кабины вместе... Белый маленький прямоугольник на ковре бросился в глаза. Что это? Нагнулся, поднял. Повернул другой стороной. Там было выведено чернилом: «Золотоволосая Сив. Московский телефон 151-39-89». Я оставил её визитку здесь! Нужна сосредоточенность... Итак, я вышел тогда от неё. Направился к лифту. Достал из карманчика рубашки расчёску. Да, расчёску. Визитка, вероятно, выпала.

Она пролежала на ковре несколько дней! Что это значит? Здесь никого не было с тех пор, что ли? А уборщицы? В этом пансионате их что же, нет? Но если здесь больше не живут, то почему вход свободен?

Не вполне свободен, не вполне! Вспомним хотя бы собак.

Что ж, пожалуй, она права. Я левитатор. Меня тянуло сюда, в этот корпус.

И я тоже прав. Она и вправду золотоволосая Сив.

Это поступок богини — помочь найти утерянную визитку.

Боги проходят по городам невидимыми. Они склонны менять свой облик. Аполлон являлся то как волк, то как мышь, в образе ворона указал, где надо строить город, превратившись в лебедя Кикна, он обратил в бегство Геракла. Владыка моря Посейдон, во время Троянской войны поддерживавший ахейцев, явился к ним в образе предсказателя Калхаса и поддержал их.

Философы-стоики собирали имена и прозвища древних богов, чтобы установить их подлинное значение. Им это, конечно, не удалось. А мудрец Эвгемер ещё в IV веке до нашей эры написал книгу путешествий «Священная запись». Якобы он побывал на неведомом острове, куда ветер пригнал его корабль от аравийского берега. Посередине острова (расположен он в Индийском океане) возвышался храм, и в нем находилась золотая колонна с иероглифами. По просьбе Эвгемера жрецы перевели ему надписи. Это была подлинная история

богов. Эвгемер так правдоподобно описал жизнь богов, бывших сначала людьми, что ему веришь. Может, он и вправду побывал на этом острове? Оказывается, Зевс был царём-завоевателем, который требовал прямо-таки божеских почестей. Разве не знаем мы таких правителей, живших спустя столетия и тысячелетия? А вот Кронос был добряком, и родные сыновья свергли его с трона. Уран, признанный после своей смерти богом неба, был при жизни царевичем, который увлекался астрономией.

Грань условна. Сегодня человек, завтра бог или богиня.

А разве боги не сохранили чисто человеческие черты? Разве не отягощены они завистью? Разве не проявляют они порой сострадания?.. Девочка шла с кувшином по воду. Была засуха, дорога была дальней, девочка измучилась и, обессиленная, заснула под огромным деревом. Треснула ветка. Девочка обрадовалась, выпустила стрелу из своего маленького лука. Ей привиделся олень, последняя надежда на спасение от голода. Но руки её были слабы, и стрела пролетела мимо, попала же она в спящего сатира. Раненое лесное чудовище бросилось вслед за убегающей девочкой. И вот она воззвала о помощи к Посейдону. Он тотчас появился и метнул свой трезубец. Железо пронзило сатира и вошло в скалу, Посейдон спросил, что она делает здесь, в этой безлюдной местности. Девочка ответила, что ищет воду. Бог сказал ей, чтобы она вытащила его трезубец из камня. Когда она подошла к скале и сделала это, из углубления забила холодная прозрачная струя родника.

...Утром — письмо от Леонида Григорьевича. Это все же он забыл двадцать рублей на столе. Отложил на такси, не доверяя мне. Мне остаётся поздравить его с находкой. Ещё немного — и я укатил бы в Гурзуф, будучи вынужден присвоить себе чужую двадцатку.

НИЩАЯ НОРНА

Что там, в Гурзуфе, меня может ожидать?.. Маленькая пристань, ветер, такие же, как в Алуште, широкие пляжи. На набережных пустынно, вверху на горе — две маленькие кофейни, сначала заходишь в одну, потом в другую. Возвращаешься на пляж, где видишь рыжеволосую красавицу лет двадцати двух, редкие группы картёжников, рэкетиров, амнистированных и сбежавших уголовников, депутатов и аппаратчиков, приехавших по путёвкам отдыхать и готовиться к очередному туру борьбы за всеобщее счастье, бедных армян, купающих дома и посёлки от Гурзуфа до Краснодара.

В море снуют спасательные катера, набитые разгорячённой молодёжью.

Запоминаешь причёску, блеск и свечение волос, цепочку с подвеской, профиль. Возвращаешься в корпус, где твой друг забронировал себе и тебе места. Вечером на танцевальной веранде начинающие рэкетеры и их подружки, спасатели и их компании, кооператоры в белёных джинсах, неприятных и всем доступных за три месячные зарплаты, просто девочки слушали музыку в перерывах между танцевальными пируэтами, обсуждали и осуждали окружающую среду, безденежную и частично загрязнённую. Рядом — знакомый профиль, и копна огненных волос, и подвеска. И ты удивляешься, что она сразу и с улыбкой даёт себя пригласить. А потом даже не возвращаешься с ней на скамейку, остаёшься почти в середине круга и белых брюках и полуботинках марки «Саламандра», изъятых из шкафа перед отъездом в очередной отпуск на правах музейного экспоната. К тому же ей нужен слушатель. Пусть это я. Выдержать можно. Она изъясняется на курортном жаргоне, в который я обычно вхожу с головой в первый же день. Она рассказывает, что на пляжах здесь бьют москвичей, вспоминает известные ей истории про местных рэкетиров, милиционеров, как всегда, своим молчаливым и деликатным присутствием ободряющих начинающих и ещё очень застенчивых уголовников.

В двенадцатом часу я провожаю её на центральную площадь к автобусу. Выясняется, что ей до Ялты. Там она живёт у подруги. А

сюда ездит на пляж, который ей нравится. Автобуса нет. На площади драка. На этот раз бьют одессита. Она уводит меня в переулок, объясняет, что опасно. Звонит подруге. Я предлагаю ей вернуться на набережную, подняться в наш дом отдыха и занять в пустом номере любую из коек. Предложение принято. Так мы устраиваемся с ней в номере, который и после этого кажется пустым: потолок здесь высотой три с половиной метра, третья койка остаётся незанятой, я жду приезда всемогущего Вити Васильева, по чьей брони и милости я здесь. Витя опаздывает, он автогонщик, и его носит где-то по трассам пробегов.

В свою очередь, я рассказываю ей кое-что из новостей двухтысячелетней давности:

— В четвёртой книге своих «Записок о галльской войны» Гай Юлий Цезарь писал, что галлам невозможно порой доверяться, потому что они слабохарактерны, скоры на решения, склонны ко всякого рода переменам. «У галлов есть привычка, — записал Цезарь, — останавливать путешественников даже против их воли и расспрашивать их, что они о том или ином слышали или узнали; точно так же в городах народ окружает купцов и заставляет их рассказывать, из каких они стран и что они там узнали. Под впечатлением всех этих слухов и пустой болтовни они часто принимают решения по самым важным делам и, конечно, немедленно в них раскаиваются, так как верят неопределённым слухам, и большинство сообщают в угоду им прямые выдумки».

— Что бы написал Цезарь сейчас? О нас, например?

Я обязан ответить ей, как историк.

— Галлы пришли на территорию Франции из Фракии, так же, как этруски пришли оттуда же в Италию, а русы пришли из Фракии на Днепр. Этрусков уничтожили римляне, пользуясь их бесхарактерностью. Ассимилировали, лишили земельных участков, частично вывезли в Рим, который когда-то этруски построили для римлян. Что стало с русами? За две тысячи лет? Русы сейчас так же бесхарактерны, как две с лишним тысячи лет назад. Они слушают путешественников, верят вздору заезжих купцов, которые поумнели; они просто грабят русов, пока те слушают их, развесив уши. Русы слабохарактерны, как этруски, они предпочитают строить города для других, но не для себя, сами же живут в нищете и ныне уже не могут

рожать и содержать детей по бедности, одновременно поддерживая своих врагов — националистов. С упорством лишённых разума, они проявляют остатки характера лишь в одном — в деле самоуничтожения. Их экономикой управляют так называемые политики и экономисты, которые их вконец разорили, их торговля в руках так называемых интернационалистов и аферистов, которые торгуют с другими народами так, что вывозят из их страны только то, в чем она сама остро нуждается, а ввозимые товары и оборудование выгоднее было бы вообще уничтожить на самой границе. Вместо армии у них поголовная повинность, они не понимают, что от этого лишь увеличиваются потери во время войн, искусство и театр они превратили сначала в форму расхваливания особенно негодных и преступных дел, а потом в форму оплевывания самих себя и своей истории, чего никогда не делали ни галлы, ни тем более германцы. В отличие от них русы и через две тысячи лет не просто склонны быстро менять решения, но меняют эти решения так, чтобы нанести себе наибольший ущерб в самое короткое время. Вот подлинные слова Цезаря.

— Bravo, Гай Юлий Цезарь!

Не так уж часто можно было встретить такую собеседницу. Я проснулся с ясной головой и чистым сердцем. Правда ещё существовала. Её негромкий голос ещё пробивался тогда, когда уже нечего было терять.

Мы пошли в столовую, где я усадил её на место Вити Васильева. Когда мы пошли на берег, я подумал, что она чувствует и настоящее и будущее и потому похожа на вторую норну. Но я удержался. Я не стал рассказывать ей об Асгарде. Заветное моё желание — отдохнуть от него — воплощалось в жизнь. Зачем ей мои рассказы, если она норна? В славянских песнях, особенно в южных, тоже есть норны, им верили, в народе жила о них память, пока этой памяти не отрезали крылья. Но их называли наречницами. Слово почти то же. Ведь асы и ваны

— родственники по происхождению.

Она показывала мне рукопись, которую она носила в своей сумке. Это рассказ о Крыме, о его природе, о его осени, лесах, долинах, морских лагунах, дельфинах Феодосии, крепости Алустон-Алуште, обо всем невыразимо прекрасном или таинственном. Я впитывал лучи солнца, знал, что в этот день к вечеру моя кожа будет ощущать тепло,

идущее изнутри. Это излечивает от хандры, усталости, пессимизма и оптимизма.

Мы поворачивали лежаки, следя за солнцем.

Мы входили в холодную воду, даже плавали по минуте.

Изредка вскрикивали чайки. Что со мной? Отчего я все время помню ту чайку? Оттого, что у неё было перебито крыло. Это несправедливо, что жизнь лишает крыльев птиц и людей.

Мы говорили с ней о том, что административная или приказная демократия является противоположностью демократического администрирования и что отменить администрирование, оставив администрацию, значит превратить её в банду рецидивистов очень крупного масштаба, не подлежащую, разумеется, никакому контролю. Она приводила примеры, но главным примером была её жизнь. Кончив факультет журналистики, она, естественно, не могла найти никакой работы в так называемых демократических органах печати, что касается партийной печати, то её зарплаты младшего редактора хватало бы на то, чтобы купить в день на выбор только триста граммов мёда, или колготки, или двести граммов клюквы в сахарной пудре, или стакан водки. Работать целый день для того, чтобы купить плохие колготки, она не могла, потому что, кроме колготок, нужно ещё завтракать, обедать и ужинать или хотя бы только обедать, платить за комнату, покупать мыло, ездить на метро, стоять в очереди за дешёвой одеждой. Поэтому у неё оставался один выход — если уж нельзя ничего вообще купить на среднюю зарплату женщины, кроме колготок, то нужно отказаться и от них. Для этого нужно постоянно жить на юге, в Крыму. В её походной сумке на двух ремнях, которую она носила за плечами, был кусочек мыла, запасная юбка и что-то ещё. Здесь, в Крыму, она проводила дни на пляже, ночью укрывалась у подруги.

Я никогда не встречал более уравновешенной, спокойной и, как пишется в характеристиках, морально устойчивой женщины. Это потому, что она замечала происходящее, смотрела на него со стороны, а не изнутри. Те, кто внутри машины, не понимают, что их заставляют возводить сначала изгороди и заборы концлагерей, которые в деревнях располагались прямо по месту жительства, а затем — подмости для приказной демократии и дачи для новых хозяев этой демократии,

совершенно аналогичные тем, которые строились в эпоху самого справедливого и абсолютно демократического общества.

Между тем по набережной расхаживает некая женщина в сером, указывая рукой на пляжи:

— Вот они, посмотрите на них, люди добрые! Каждый из них был инструктором, столоначальником, секретарём, сначала поднимал сельское хозяйство, потом промышленность, потом ускорял и перестраивался. Смотрите на них, вот они все перед вами! Сегодня он крупный специалист по повышению урожайности, завтра — по идеологии, послезавтра нет уже ни того, ни другого, даже простого хлеба нет! Вот они, люди добрые! Женщина за всю дневную зарплату может теперь купить десяток яиц или двести граммов мяса на рынке. Выбирайте, люди добрые, что купить: двести граммов мяса или десяток яиц!

Очень странно, но женщина эта оказалась пророчицей, ясновидящей.

Мне кажется, и нищая норна Галя ей сродни.

ТОСКА ПО КРЫЛЬЯМ

На второй день — поразительное зрелище: море слилось с небом, и катер, казалось, летел, а за ним тянулся белый шлейф. Так же повисла в небе лодка. И по воздуху же летел теплоход. К вечеру над горой Аюдаг возникло из ничего облако, потом оно опустилось на крутую спину горы. А две девицы в баре вспомнили местную примету: не жди завтра погоды, если Аюдаг в облаках. Здесь была музыка, я сидел со стаканом «Золотого шара», так называется коктейль, бесцельно крутил в пальцах пластиковую соломинку, по наитию вмешался в разговор девиц за соседним столиком. Сказал, что если они скучают, то скоро это пройдет.

— Почему? — спросила одна.

— Потому что скоро придет мой хороший знакомый Витя Васильев.

— Вы уверены? — спросила вторая.

— Уверен.

— А кто он?

— Автогонщик.

— Это интересно.

— И журналист.

— О чем пишет?

— О том, о чем не пишут многие другие, об автогонках, авариях, а также о борьбе с ними. О спорте, о сексе.

— Специалист?

— О да.

— Ещё в чем ваш друг специалист?

— Вы заставляете меня заниматься скучным перечислением, хотя ради очень красивых женщин я готов и на это.

— Это комплимент?

— Нет, правда.

— У кого научились, у Вити Васильева?

— Нет. У Вити Васильева нельзя научиться.

— Как это?

— Так. Нельзя же научиться у Марадоны быть Марадоной, а у президента быть президентом.

— Логично. Станцуем?

— Здесь?

— Ну да. И сейчас.

— Если вы имеете в виду танец в буквальном значении этого слова, я готов.

— А в каком другом значении этого слова вы можете понимать сказанное?

— Ну... мне почему-то пришло в голову, что вы хотели пригласить меня на ритуальную пляску, хотя это тоже танец. Не знаю, но мне почудился подтекст.

— Когда чудится или видится что-то не то, креститесь, как учила нас обеих одна бабушка. Научить?

— Умею, но редко пользуюсь. Помогает?

— Помогает. Ещё как. Выбирайте: танцы или два коктейля.

— Выбираю и то и другое.

И мы пошли танцевать. Две рослые девицы лет двадцати и левитатор. На асфальтовом пяточке левитатор показал подготовку, девушки сказали за это, как в Одессе, что неплохо. Снова принялись за коктейли, потом — за танцы, потом — за обсуждение проблем выживания, возникших в связи с ростом благосостояния. Они пришли к выводу, что это логично: сначала программа строительства коммунизма, потом продовольственная программа, потом программа борьбы с алкоголизмом и, наконец, программа выживания. Пошли на набережную. Начали знакомиться. Их зовут Ира и Оля. Приятно говорить с неглупыми девушками. Я рассказал, что смотрел вчера здесь по телевизору фильм о полётах бабочек, стрекоз, жуков, мух.

— Хорошо летают?

— В умении двигаться и летать им не откажешь, но представьте себе, в каком положении они оказались бы, если бы их сызмальства начали учить летать в нашей средней школе, потом — в высшей.

— В каком положении оказались бы эти невинные существа?

— В незавидном. Человек ещё не знает, почему они летают и как построить аппарат с машущим крылом, мускулолёт.

— А вы знаете?

— Да, вчера вечером я бродил вот по этой набережной, на это ушла и часть ночи. В уме рассчитал аппарат для полёта человека на принципе крыла бабочки, крыла стрекозы.

— Махолёт?

— Да.

— И на это у вас ушло целых три или четыре часа? При вашем-то интеллекте?

— Каюсь, был не в форме, устал.

— Левитатор — и устал?

— Как ни странно.

(Я успел-таки раскрыть секрет полишинеля, что левитатор и я — одно и то же лицо.)

— Не верится. Что вы ещё успели открыть или изобрести за вчерашний вечер и часть ночи?

— Придумал название для этой набережной. Набережная махолётов.

— В честь вашего будущего полёта?

— Нет, пока только в честь открытия принципов машущего полёта. Я открыл главный закон такого полёта. Крылья должны быть гибкими, движения похожи на движения рыбы-вьюна, я назвал это волновым движителем.

— В махолёт вам придётся впрягать бабочек и стрекоз, не так ли?

— Нет, мне нужны бамбук от удочек, кожа, резина, замша, дома валяется старая дублёнка.

— Нет-нет, не делайте этого! Старая дублёнка после перестройки пойдёт по цене новой!

— Хорошо. Заменю другими упругими материалами.

— На сэкономленные деньги мы сможем здесь заглядывать почаще в бар. Логично?

— Да. Начнём реализацию этих средств хоть с завтрашнего дня!

— Так долго ждать?

— Простите, я хотел сказать: с сегодняшнего дня.

— Так и быть, принимаем приглашение, возвращаемся в бар. Вы сможете подробнее рассказать там о принципах полёта чаек и голубей, это нас тоже очень интересует. Почему они летают, а?

Мне стало не по себе. Это могло быть случайностью, Но... неужели они знали о той чайке? Видели меня тогда на пляже в

Алуште? Пауза. Я не знал, что сказать. Не может же левитатор так опростоволоситься, что примет язвительную насмешку за серьёзный вопрос да ещё начнёт рассказывать о крыльях чаек. Что подумает публика?

Ну, я выразился почти математически, они не совсем так среагировали, как это было бы, если б знали про чайку. Сели за столик. Вдруг опять: как летают чайки?

— Может быть, начать с рябчиков, глухарей?

— Нет, с чаек.

— Какое совпадение, я думал о чайке, вы спросили о том же, об этой самой птице. Случайность? Телепатия?

— Да, мы читаем мысли. Обе очень хорошие телепатки. Вам это на руку, освобождает от необходимости все объяснять.

— Как здорово! Есть вещи, которые трудно объяснить необычным девушкам.

— Я сделал усилие и ушёл от темы чайки, мне было бы сейчас неприятно, если нашёлся бы человек, который оказался в роли наблюдателя. Не люблю, когда за мной наблюдают, а я нет.

ПОЯВЛЕНИЕ ВАСИЛЬЕВА

Витя Васильев явился на следующий день, явился без помпы, буднично, его глаз был оттенён синяком — саданулся на гонках.

Мы ждали их в кафетерии за столиком, я сидел лицом к раскрытой двери, чтобы увидеть и пригласить их. Кофе остыл, но их не было. Мы прошли на крохотный базар, где осталась лишь самая отважная бабуся, пытавшаяся продать даже последний килограмм клубники за восемь рублей — это две дневные зарплаты инспектора, инженера или молодого рабочего.

Мы вернулись на пяточок у магазинов. Две элегантные дамы ждали нас. Не сразу их можно было узнать: удивительные сочетания цветов их кофт, блузок, юбок, гетр тому причина да ещё туфли с французским каблуком, делавшие их ещё выше ростом и потому красивее, небеснее.

Слева подрулил таксист и за левую же цену согласился доставить нас в Ялту. Мы как бы поплыли между небом и морем в мягких сиденьях, на поворотах нас легко качало, сквозь дождевое низкое облако мы пролетели в одну минуту. Зелёный склон справа опять золотило солнце, стало весело, легко, пока мы не врезались — так мне показалось — в ялтинские лабиринты улиц. Магазины. Постовые на углах, на других углах — парни со спиртным, цена — два номинала. Бродячие фотографы, муравейники площадей, сами муравьи и муравьиши. Вроде нас. Мидгард. Средний мир, где живут люди или делают вид, что живут.

Балаганчик. На закат от площади. Это шашлычная. Восточная. Узбекские блюда в исполнении вновь появившихся здесь крымских татар. Это единственный шанс. Пивные залы так грязны, что входить туда нашим дамам можно лишь в тёмных очках и противогазах. Как везде, конечно. Ничего другого нет на морскую милю в округности. Обычные хлопоты, уговариваю продлить рабочий день балаганчика за мой счёт. Заказ принят! Вдруг вспоминаю: магазин с удочками закрывается через полчаса. Это важнее всего для меня сейчас. Если какой-нибудь мудрец вот сейчас, под руку, скажет мне, что эти удочки через месяц будут валяться в сарае моего друга под Москвой, я без

труда опровергну его построения. Но есть выход. Подхожу к одному из парней у мангала. Объясняю. Ещё раз. Ответ: столько удочек не дадут. Это меня не убеждает.

Потом вспоминаются Куприн и его персонаж из «Поединка», денщик, доводящий до сведения офицера с некоторым акцентом: «Буфенчик папиросов не даваит».

Нужно что-то предпринять. Я порылся в карманах, извлёк какой-то московский рецепт, вероятно, поликлиники Литфонда, на нем огрызком карандаша, который тут же охотно подарила мне Оля, жирно написал: «Один татарин, два аула, сто десять удочек». Я вручил ему этот рецепт с напутственным словом:

— Беги, дружище Ахмет, вот деньги, прочитай там, этим, нашу с тобой визитку. Пусть попробуют не дать. Ты понял?.. Тогда в путь. Надеюсь, ты вернёшься с удочками. Буду ждать здесь. Ну а если исчезнешь, дружище, то потом не узнаешь это замечательное кафе, ведь мне приходилось на лету перебивать кирпич пополам ребром ладони. В путь, дружище, в путь!

— Сумасшедший! — воскликнула Оля, когда Ахмет растаял в облаке выхлопных газов трейлера.

— Почему?

— Он исчезнет.

— Э, нет, не исчезнет. Если бы я был здесь во время войны, то не допустил бы, Хельга, всех этих безобразий с эскадронам смерти.

— Но ты тогда ещё не успел родиться!

— Успел, Хельга.

— Да? Ты такой пожилой?

— Похож на пожилого?

— Бросьте молот чепуху, — воскликнула Ира. — А этот аттракцион с удочками вам, первооткрыватель Асгарда и создатель первого в мире махолёта, даром не пройдёт, вот увидите.

— Готов держать пари на семь поцелуев на центральной набережной Ялты или всего на три на вечерней набережной Гурзуфа.

— Я присоединяюсь, — меланхолично заметил Виктор.

— Готов заказ! — донеслось из балаганчика. — Кто будет сервировать?

— Разумеется, я буду сервировать.

Через три минуты я вернулся к столику с, бумажными тарелками.

Исполняя эти почётные обязанности, я услышал ласкающий слух вопрос:

— А ты правда перебиваешь кирпич пополам ребром ладони, да ещё на лету?

— Разумеется, это правда. — В этих случаях нужно проявлять твёрдость даже в интонации, и женщина обязательно поверит, смотря, конечно, кто говорит.

— Не верится.

— А я верю, — почти воскликнула Ира.

— Стол накрыт, — я мгновенным движением извлёк из чёрного пластмассового пакета портвейн, купленный с рук в центре города, движение моей руки было не замечено, и потому я заработал аплодисмент.

— Bravo!

— Бис!

На «бис» я достал так же стремительно второй сосуд.

— Вторая амфора с нектаром!

— Расскажите об Асгарде!

— Ещё чего!.. — остановил я этот небольшой коллектив. — Асгард — это серьёзно, лучше поговорим о махолётах, мне пришло в голову, что испытывать эту птицу мы будем на стадионе регби, и я прыгну с верхней трибуны, чтобы подняться ещё выше, но не так высоко, как Икар. Идёт?

— Идёт! А хватит у вас денег, чтобы завершить постройку?

— У человека, открывшего Асгард, не может не хватить денег на такую мелочь, как первый в мире махолёт! — внятно и громко парировал за меня Виктор, овладевший в совершенстве нашей общей аргументацией.

— Это правда, — сказал я. — Я был счастлив в ту ночь, когда бродил по набережной, названной мной в честь проекта Набережной махолётов, до утра все основные расчёты были готовы, а главное, я открыл закон машущего полёта, который верен для птиц, бабочек, стрекоз, жуков, комаров, божьих коровок...

— И женщин! — подхватил Виктор не очень удачно и не был поощрён. Витя предал меня. Они узнали об Асгарде. Можно было представить себе, что он им порассказал. Хоть стой, хоть падай. Такие

дела. Я даже побледнел, Они этого не заметили. Ну как можно отказать Ире, если она спрашивает о том самом тоннеле?..

— Ладно. Дал слово забыть здесь все это, но не получается. Ну, тоннель, совсем круглый, в начале не совсем светло, а на противоположном конце яркие лучи, зарево.

— А потом?

— Райская роща. Точнее, роща Гласир. Пурпурные яркие листья, кроны как будто охвачены огнём. Стена. Дворцы, малиновые внизу, белые вверху. Может быть, это вообще такой воздух, внизу как бы один свет, вверху другой.

— Это там, в Асгарде?

— Там. Свет разный, внизу и вверху, что же удивительного в этом? Это же не пляж дома отдыха «Гурзуф». Почему там не может быть двух ярусов, по-разному освещённых?

— Что такое этот круглый тоннель? — спросила Оля. — Непонятно.

— По нему летят души в рай. Что же тут такого удивительного?

— Да? — почти воскликнула Ира. — Это как? Души — в рай?

— О чем я вам говорил! — С отчаянием, картинно заломив руки, возгласил Витя Васильев. — Все поняли, кроме самого главного! Говорил же, что роща Гласир — это райская роща, что Асгард — это и есть город-сад, или, проще, рай.

— Как же так... — растерянно пробормотала Оля. — И откуда там тоннель? Это что, линия метро на небо, да?

— Почему обязательно на небо? — возразил я. — Никто не знает куда, скорее всего ещё дальше нашего неба, к которому мы привыкли. Но это не метро, хотя похоже. Тоннель идеально круглый и большой, просторный. Но никакое электричество не идёт в сравнение с его освещением.

— Ну так что это, просим человеческого объяснения!

— Человеческого объяснения этому не существует!

— Тогда просим объяснения левитатора! И об этом Витя осведомил их, то есть что объяснение я все-таки нашёл. Но если оно не воспринимается даже им, человеком, привыкшим к крутым виражам и гонкам на всех марках автомобилей, то как это будет выглядеть, если начать рассказ для двух обаятельных девушек, и удастся ли его когда-нибудь закончить?

Сухо, тоном радиодиктора я проинформировал их, что тоннель — это свёрнутое в трубу пространство. Что инопланетные корабли перелетают из одного мира в другой, сворачивая пространство. И обгоняют свет. Возникает свечение. Такое, как райское. Физикам известен эффект Черенкова. Это когда электрон влетает в среду, где обгоняет свет, потому что скорость фотонов там ниже, чем в вакууме. И за ним тянется световой конус — свечение Черенкова. Если скорость электрона очень большая, то конус похож на трубу, на тоннель. Такой же тоннель открывается перед межзвёздными кораблями инопланетян. Я видел его, потому что души летят с очень большой скоростью, как и звездолёты.

— Откуда известно об их скорости? Кто измерял её?

— Я измерял. Косвенно. Читал Платона и запомнил его сравнение душ с метеорами. Но Платон не знал, что такое метеоры, и не знал их скорость. Для него это были падающие звезды или просто свет. Чем не свидетельство очень высокой скорости душ, летящих в рай, а точнее, в Асгард?

— А как же свёрнутое пространство? Его видно, да?

— Видно. Я нашёл такое пространство на картине Хиеронимуса ван Босха. Был такой средневековый художник. Внизу на его картине души, готовые вознестись в рай, изображены они как люди. Над ними тучи, облака. Ещё выше это обычное пространство переходит в плоскость, как бы в стену, уже двухмерную. В этой стене — тоннель, и яркий свет на другом его конце, за этой стеной. Эта стена и тоннель — свёрнутое пространство, по которому путешествуют души. Понятно?

— Нет. Ещё вопрос: если души — это люди с телом, то что остаётся на земле?

— Остаётся тело. Но душ у человека не одна, а три, одна из них — копия человека, внешне, конечно. Древние египтяне это хорошо знали, потому и бальзамировали тела фараонов и не только фараонов, чтобы эта улетающая душа вернулась к своему владельцу.

— Обычное дело! — вставил Витя словцо.

— А ещё кто видел этот тоннель?

— Многие. Потому что возвращались оттуда, как я. Он даже в пословицу вошёл и очень давно. Тот свет как маков цвет. Это старинная русская пословица. Учёным невдомёк, что о том свете говорят неспроста.

— Свет! И правда — именно свет, хотя должна быть тёмная могила, и всё, ничего больше. А эффект Черенкова? Это ведь известно?

— Можно считать, что неизвестно. Наблюдали электроны. Ни о чем другом и не думали. Да и кто может знать, что Черенков открыл дорогу на тот свет? Говорю об этом, откровенно упрощая.

— Душа и электрон. Как странно! Душа ведь похожа па самого человека. И вдруг — электрон! Тоже неясно.

— Душа лёгкая. В самом деле чуть тяжелее электрона. Она полупрозрачная, что ли. Как пунш «Северное сияние» в нашем баре.

— Левитатор изволит шутить, устал, что ли, отвечать на вопросы?

— Нет, не устал. Просто боюсь более сложных вопросов.

— Хорошо, не будем!

— Нет, будем! А если это левитатор только с нами так говорит, а сможет ли говорить об этом с учёными, с настоящими? Ну?

— Сможет. Нужно все написать на их языке, со ссылками, с цитатами. Нудная работа. Но дальше оттягивать некуда, вернусь в Москву, придётся отключить телефон и горбиться над столом.

— А если я позвоню? — сказала Ира.

— А если я? — сказала тут же Оля.

— Я услышу. Даже при отключённом телефоне.

— Как это?

— Так. Приобрёл такую способность после того, как побывал в тоннеле.

— Розыгрыш?

— Наполовину. Иногда действительно слышу.

— Если звонят с той стороны тоннеля, — добавил Витя.

— Да, мальчики, с вами не соскучишься!

— Лично я мальчиком стал недавно, — сказал Витя.

— Ну да, здесь, с нами, — произнесла нараспев Оля. — Рад?

— Ещё бы!

— И этот тоже рад, мальчик... — Ира фамильярно запустила свои длинные красивые наманикюренные пальцы и мою посветлевшую и даже выгоревшую на солнце шевелюру и ласково потаскала меня за волосы, потом запустила и вторую руку, подтянулась на обеих руках, согнула ноги в коленях и повисла на мне.

— Пойдём, а то здесь прохожие, — сказала Оля.

— Я согласна идти только так, — ответила Ира. — И никак иначе.

— В тоннеле ему тоже было неплохо, — меланхолично заметил Витя.

— Ахмет!..

— Удочки!..

Я сгрёб товар в охапку...

...Кто бы подумал, что с вязанкой удочек на плече я увижу в свой последний день здесь нищую норну Галю, женщину-бомжа. И она будет идти по набережной быстрой походкой, с заплечной сумкой, идти так стремительно, словно ей открылось то, чего не знают другие.

ПРОЩАЙ, НАБЕРЕЖНАЯ МАХОЛЁТОВ

Добираемся до Симферополя, я показываю Вите Неаполь скифский, преобразованный в водокачку любознательными предприимчивыми потомками. Базар. Черешня, немного клубники — все, пора!

В самолёте — происшествие. Оно внутреннее, невидимое другим пассажирам. Такое уже было однажды со мной. Я почти задремал, но из головы моей не выходила та самая задача о пространстве с его измерениями. Я знал, что эфир — не миф, что он, служит средой для распространения колебаний, волн. Фотон — это возбуждённый участок эфира, или пространства, передающий возбуждение дальше. Я знал, что частицы, и электроны в том числе, прогибают наше пространство, искривляют его. Электроны образуют лунки, а вместе с ядрами атомов создают настоящие узоры. Когда электрон освобождает лунку — она и возбуждает эфир, как мембрана.

И так далее. Такое бесследно не проходит. Не удивительно, что от одной картины возбуждения пространства этими лунками я захотел спать. Уже на грани сна я припомнил светящиеся объекты, наверное, похожие на электронные лунки. О них сейчас пишут в газетах, но никто ничего не понимает. У меня нет оригинальной точки зрения на происхождение этих объектов, и я согласен с инопланетной версией. И опять, как давным-давно, я вздрогнул, потому что одновременно с мыслью о светящихся шарах и летающих блюдцах я мысленно увидел круглый белый экран. Я рассматривал его, не открывая глаз. Он был как воображаемый. Но это не так, не так! Я знал: На этом экране я видел человека. Плечи. Голова. Шея, артерия пульсирует едва заметно. Тёмные сосуды, кости, мозг. И это был я сам.

Как рентген. Дремота исчезла. Но я и не бодрствовал в точном значении этого слова. Состояние неуправляемости, что ли, когда нельзя пошевелить ни рукой, ни ногой, нельзя даже открыть глаза. Но все понятно.

За мной наблюдали. Экран — поле этого наблюдения. Вот куда я угодил после неосторожных воспоминаний о летающих объектах. Я захотел увидеть один из них. И тотчас по экрану пробежали россыпью

искры. Он потемнел. Я открыл глаза. На стекле иллюминатора я увидел объект. Шарик. И лепестки, тоже светящиеся. Как цветок.

Когда-то я не знал назначения этих лепестков. Говорил о них с Феликсом Зигелем, знавшим о посадках объектов, в том числе под Москвой, в Шараповой Охоте. Там он нащупал эти лепестки с помощью рамки. Лозоходцы обнаруживают их на местах посадки, хотя они невидимы. Круг — как круг ведьм из средневековых сказаний. И лепестки. Круг иногда виден — примята или выжжена трава. Так вот шарик совершил посадку на стекло иллюминатора! И все было по-настоящему — и круг, и лепестки. Он полз, пока я приветствовал его посадку. Сполз к краю иллюминатора и пропал. Но я успел загадать желание. Это моё открытие

— загадывать, что хочешь, если рядом привидение или объект.

В полудрёме я думал, как несправедливы слова о наивности древних египтян, знавших о загробном существовании. И какими глубокими казались мне теперь их представления о душе, даже о трех душах — Ах, Ба и Ка. То есть именно то, что вызывало и вызывает насмешки. Буду искренен: я не мог рассказать все Ире и Оле. Не потому, что дал священную клятву хранить тайны египетских пирамид. А потому, что сложно и трудно объяснить, что такое Ах, что такое Ба и как представить сущность Ка. Нет данных. Никто не может рассказать об этом. Я подозревал, что все написанное на эту тему имеет мало общего с действительностью, да и с загробным миром тоже.

Ба — это дух, чистый дух, который свободно передвигался.

Ах — то, что теснее связано с телом, быть может, посредник между Ба и телом.

Ка — это второе «я» человека, духовный двойник с его характером и жизненной силой, индивидуальность, судьба.

К этим трём выводам я пришёл, читая древние тексты и комментарии. Но во многом я расходился с другими. Расхождения начинались с того момента, когда субстанция Ба покидала тело. За ней следовала душа Ах, Ба перелетала в другое пространство. Для неё нет преград, она и вызывала появление светящегося туннеля. Как электрон, попадая в другую среду, даёт светлую трубку или конус.

Они проносились по тоннелю, попадали в иной мир, в другие измерения.

Но я не рискую подтвердить свою точку зрения даже самой беспомощной ссылкой или просто намёком. Я ничего похожего не нашёл в книгах. Только в Ведах есть указание на незначительную массу души умершего, но что дальше, после смерти? Нет ответа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
ЗАКОНЫ МАГИИ

ПЕРЕСТРЕЛКА НА ШОССЕ

В отличие от многих своих коллег-историков Михаил Иванович Шуйский изучал магию. Искал свой подход к зарождению культуры. Было время, мы встречались с ним только для споров об Асгарде. Мне кажется, из-за этого он в конце концов укатил на месяц в Исландию. Когда вернулся, сказал:

— Ну что ж, мы квиты.

— Не совсем понимаю ход мысли уважаемого мной профессора.

— Друг мой, вы побывали в Асгарде, а я в Рейкьявике. Я видел пещеру Сурта, того самого Сурта, который сожжёт мир во время битвы с богами. Прогуливался по улицам Тора и Фрейи, переулку Локи, площади Одина, заглядывал в велосипедную мастерскую Бальдр», исключительно из-за её божественного названия, видел вывеску курсов иностранных языков «Мимир», запросто заходил в кафе того же Тора. Так что все эти и другие имена богов-асов и героев саг мне известны не понаслышке.

— Выходит, столица Исландии почти копия небесного города богов?

— В некотором роде. На уровне, так сказать, этимологии, имён и отдельных слов.

Слова. Имена богов остались в названиях кафе, улиц, площадей. Все остальное там, в Исландии, другое, не такое, как в Асгарде. Я украдкой разглядывал профессора, ожидая, что он сейчас докурит сигарету, извлечённую из пачки явно со скандинавской этикеткой, и продолжит в том же духе. Вот он оставил недокуренную сигарету в нефритовой пепельнице, которая предназначена для почётных гостей, а таковыми являются для меня только те, кто знает имена двенадцати асов или хотя бы первых трех; вот он расстегнул пуговицу вельветового пиджака песочного цвета. Но тут в его серых глазах метнулась искра, и он без всякого перехода спросил:

— Скажите, друг мой (это обращение «друг мой» он освоил после Рейкьявика, и я уже привыкал к нему), скажите, не ощущали ли вы противодействия, когда искали город богов?

— Противодействия? Ощущал, и сколько угодно. Это и собственная лень, и рассеянность, и вообще. Ну что можно сказать о человеке, который нашёл город богов, а первую статью об этом написал только в восемьдесят восьмом, несколько лет спустя?

— Да нет, я не о том. Я говорю о магическом противодействии. О врагах, о случайностях, о происшествиях, срывах, причины которых вам неизвестны. Обо всем необъяснимом. Понятно?

— Кажется, да. Но при чем тут магия? (Тут я постарался придать моему тону некоторую наивность — пусть уж говорит попроще.) После нескольких реплик, примерно таких же по тону, я стал свидетелем любопытной сцены: профессор, крупный, в меру бородатый, чем-то похожий на моего польского знакомого Конрада Фиалковского, тоже профессора, но и писателя, — так вот, мой профессор нащупал не глядя пальцами правой руки все ещё дымившуюся в пепельнице из нефрита сигарету и скомкал её, скатал из неё этакий серый шарик, а затем щелчком направил этот шарик в противоположную стену комнаты и попал прямо в голову чёрной птицы па латунной индийской тарелке, висевшей там. Великолепный результат. Думаю, что это действие лучше разъяснений профессора иллюстрировало силу практической магии, к которой я относился уважительно ещё ранее. Он встал, прошёлся по комнате, вернее, попытался это сделать, как будто бы не знал, что любое измерение жилища его друга не больше пяти шагов.

Вынужденная остановка у окна. Он показывает на мой амулет, висящий над стеклом.

— Что это?

— Это крест.

— Я вижу, что крест.

— И ещё окружность. Кельтский символ.

— Он вам так нравится, что вы решили сделать его и своим символом?

— Нет, он помог мне решить одну загадку. Этот крест в круге означал у разных племён не то Солнце, не то Землю. Чаще всего его считали солярным, солнечным знаком. Так что же это такое, Михаил Иванович?.. Ну вот, и я не мог ответить на этот вопрос. Пока не присмотрелся к древнейшим фракийским знакам. Там были крест и

целых три окружности. И я вдруг понял: это, же план столицы атлантов.

— Атлантов? Не слишком ли далеко от Фракии?

— Далеко. Атлантида, по Платону, была в Атлантике. Даже если считать, что древняя культура Средиземноморья, то есть Фракии и Трои, Крита и побережья, создана потомками атлантов-колонистов, когда-то высадившихся на кораблях или лодках далеко на востоке от своей родины, то тоже далекоовато. Другая эпоха. Потомков и атлантов разделяют тысячи лет. Но это как раз придало мне смелости. Трудные задачи интересней. Представьте, столица атлантов, по Платону, была окружена водными кольцами каналов, а два канала пересекли её крест-накрест. Это ведь та же фигура! И вот я понял, что это чертёж небесного города вообще. Правители восточных стран старались строить небесные города на Земле. Так была построена Экбатана. Именно на территории нынешнего Ирана. Но ей больше трех тысяч лет. Ныне это Хамадан. Конечно, от небесного прообраза уже ничего давно не осталось, но когда-то были те же кольца. Валы, укрепления, каналы, просто рвы — и нечто вроде перекрестия улиц или набережных. Чертёж небесного города, коллега, универсален!

— Далеко от темы, друг мой. От вашей темы.

— Нет! Лагерь викингов Треллеборг в Дании создали по тому же чертежу. И укрепление Фюркат, и лагерь Аггерсборг, и даже знаменитое кольцо-ринг аварского каганата на Дунае, в Паннонии, и кольцевые укрепления славян тоже. И однажды я с интересом прочитал у одного автора, что прототипом датских лагерей была Валгалла, обитель избранных воинов. Ну а это главный дом в Асгарде. А прототип один — небесный. Я видел его, видел! Только я не хочу обвинять тех, кто считает крест в круге знаком земным, и знаете, почему? Да потому, что на небе, как на земле. Это самый древний закон. Сейчас он забыт. Но раньше, в древности... тогда знали эту связь. И боги приходили на помощь потому же! И столица Атлантиды дала начало кельтскому кресту, или, точнее, у них один образец — на небе! А тот город в Копетдаге не совсем похож на идеал. Линии стёрты жизнью, как всегда. Даже скандинавские мифы не сохранили их в чистоте, ведь у Валгаллы пятьсот сорок дверей, из каждой на битву с врагами выйдут восемьсот воинов. Но значение чисел ускользает от меня.

— Друг мой, примерно столько же воинов было в древней Персии у царя Дария, даже больше. Об этом сообщает Геродот. А Дарий воевал со скифами, но не смог их покорить. Не смог — с семисоттысячным войском, превосходящим всю мощь Асгарда! Зато позднее скифы овладели именно землёй древней Персии и построили Асгард.

— Это интересно: даже численность войска осталась у исландцев той же, что в древней Персии, эта почти сказочная цифра понравилась скифам. И дошла до Исландии.

Было два часа ночи, когда я проводил профессора до стоянки такси. Зачастил мелкий дождь. Он молодецкато вспрыгнул на сиденье машины. Я возвращался домой. Пахло сырой землёй. Плечи мои стали мокрыми. Дома я сжал голову ладонями и вспоминал все, что я мог бы рассказать Шумскому в ответ на вопрос о магии, — но так и не сказал ни слова. Проявил осторожность? Нет, не так. Пусть это останется пока со мной. Я ещё не во всем разобрался. Такой был настрой.

Ключ к нерассказанному — кельтский крест. Просто так я не повесил бы его у самого окна. Повинуясь неожиданному импульсу, я снял телефонную трубку. Набрал номер. Он был уже дома. Во мне что-то изменилось.

— Я позвонил вам не только для того, чтобы узнать, как вы добрались.

— Спасибо. Спать не хочется. Расскажите что-нибудь такое, о чем я даже догадаться не смогу.

— Одну минуту. Мне не хотелось... об этом, но так и быть, пусть это вам будет сниться в ваших магических снах. Я раскрыл большую тетрадь с моими записями и вырезками из газет. Дождь освежил меня. Так я объяснил возникший импульс. Я прочитал ему для начала кое-что из дорожной хроники. Вот это:

«Наша патрульная машина возвращалась после рабочего дня. Вдруг откуда ни возьмись выскочил „опель“ и через сплошную осевую пошёл на обгон. Его скорость ошеломила нас. Подрезая путь другим машинам, он едва не столкнул в кювет встречный „Москвич“.

— Да что тут происходит! — вырвалось у моего напарника, и он тут же прибавил газ, включил маячок и сирену. — Это или опасный преступник, или пьяный.

Мы оба понимали это.

Мотор нашей патрульной «канарейки» надсадно завыл, но «опель» как хищная птица нёсся, казалось, не касаясь колёсами шоссе. Он с каждым мгновением уходил все дальше. Разрыв между машинами так увеличился, что и номер рассмотреть не удалось. Я связался по рации с ближайшим постом. Треск, шипение, отдельные слова. В общем, сплошной шум. Нас не поняли. Настойчивый мой напарник продолжал преследование, хотя машина уже скрылась из виду. Наш расчёт строился на новом сеансе связи — с любым из окрестных постов. Вот наконец это удалось. Волнуясь, сообщаю о своих впечатлениях, довольно незаурядных способностях нарушителя, высказываю догадку, что это очень опасный рецидивист. Чуть ли не приписываю ему способность заглушать радиопередачу в нашем канале с помощью контрабандной аппаратуры. Напарник разворачивает машину, останавливает меня: «Хватит, мы сделали своё дело! Я выключаю рацию».

— Интересно, — слышу я в трубке голос Шумского. — Что же дальше?

— Почему вы не спросите, когда это произошло?

— В год открытия Асгарда, разумеется.

— Не совсем так. В год смерти.

— ...несостоявшейся, к счастью.

— Нет, состоявшейся. В том году, то есть в семьдесят третьем, погиб один человек. И случилось это в тот же день и в тот же почти час, когда я увидел небесный город. И у него, представьте, рулевое колесо машины было в виде кельтского креста. Он сам сделал его, точнее, оно было изготовлено по его чертежам. Вы, профессор, со свойственной вам проницательностью можете тут же предположить, что он верил древним предсказаниям, гороскопу друидов, которые были хранителями кельтской мудрости и вообще магии. И будете правы. Помимо этого, он верил также в Атлантиду, в то, что она погибла в срок, названный египетскими жрецами и с их слов Платоном, а также в то, что двенадцать тысяч лет, прошедшие с тех пор, это магический срок, когда события могут повторяться. Какие события — могу пояснить. Они связаны с поверьями древних этрусков. Действительно они утверждали, что все возвращается как бы к истоку, и мера этого цикла — именно двенадцать тысяч лет. Ну вот, человек этот знал, что столица атлантов планом своим сходна с

магической фигурой кельтов. Жрецы египетского города Саиса рассказали когда-то, что главный город Атлантиды был уничтожен небесным огнём. Это, конечно, астероид или очень крупный метеорит. Тут и разгадка. Двенадцать тысяч лет назад небесный огонь поразил город. А в семьдесят третьем пуля попала почти в самый центр рулевого колёса, выполненного в виде той же магической фигуры. Но вот тот человек, зная в общем-то законы повторения событий, не мог, разумеется, допустить и мысли, что этот повтор будет буквальным, по всей форме, и произойдёт это с его машиной и с ним самим. Ведь он во время перестрелки прижался лицом именно к рулевому колесу, словно ища защиты. И был убит.

— Это трагедия. Я верю. И причина мне ясна. Пуля была лишь уменьшенной копией метеорита, угодившего тогда в творение рук атлантов. События повторились. Но почему он?

— Он единственный, кто верил. И доказал эту веру. Колесо и крест. Но если бы даже ему кто-нибудь предсказал бы такой конец, он, вероятнее всего, улыбнулся бы в ответ. Так ведь не бывает. Но в тот раз это было. Было!

— И вы, разумеется, не зря прочитали мне отчёт о дорожном происшествии...

— Не зря. Машина преступников ушла от первой погони, но не ушла от второй. На шоссе завязалась перестрелка. Этот человек попал, образно говоря, между двух огней. Пуля рецидивистов оказалась смертельной. Произошло это ближе к вечеру, в тот осенний день, когда далеко-далеко море не пускало меня к берегу. Но потом все же само вынесло на гальку, перебросив через камень. Что это? Подумайте. Жду вашего анализа случившегося. Не спешите. Это магия, о которой вы спрашивали. Если, конечно, вы не считаете сам Асгард имеющим отношение к той же магии. А может быть, на ваш взгляд, и он тоже имеет к ней отношение?

— Теперь моя очередь, друг мой, сообщить нечто подобное. Молодой Шаляпин жил на чердаке в каморке. Ни он сам, ни его знакомые не смогли бы даже предположить, что он будет великим певцом. Это и присниться не могло. Тогда будущий король оперной сцены ещё не спел ни одной арии даже во сне. Более того, он вообще не пробовал ещё петь. На хлеб он зарабатывал рассказами и сказками в трактирах. Да читал по памяти сказки. Все. Однажды шёл мимо

магазина, в витрине которого красовалось позолоченное кресло. И вот, неожиданно для себя, на немногие свои рубли Шаляпин покупает это кресло, пристраивает его на своём чердаке. И по ночам — по ночам! — пробуждаясь ото сна, садится в кресло, и ему кажется, что он в театре, ему рукоплещут и звучит музыка. Магия. Конкретно: симпатическая магия, подобное вызывает своё подобие к жизни. А вот трагедия, о деталях которой мало кто знает. Молодой писатель Вампилов на лодочной прогулке у истока Ангары, берущей начало, как известно, в Байкале. В лодке с ним приятель. Приятель снимает сибирского писателя кинокамерой. Но только переворачивает камеру так, что на будущих кадрах и лодка, и Вампилов тоже переворачиваются. Молодому сибирскому писателю эта шутка приятеля правится. Он улыбается. Несчастье происходит в следующий раз. Камеры уже нет. Но есть лодка и Байкал. Лодка переворачивается — теперь уже без камеры. Саша Вампилов тонет. Магия. Конечно, это моя точка зрения, друг мой. Была и реальная причина — бревно, оставшееся после сплава, топляк. Но это лишь видимое, поверхностное... На самом деле и топляк, на который наткнулась лодка, и камера — только звенья одной цепи. Главный закон магии сформулировал я. Он звучит так: чудес не бывает, по крайней мере, с точки зрения объективного наблюдателя.

ШАМАНИЙ КАМЕНЬ

К истории с Вампиловым я добавил бы мои личные впечатления. В восемьдесят четвёртом я летел в Иркутск с Владимиром Тендряковым. Мы сидели рядом, в салоне, даже хлебнули по двести пятьдесят граммов водки. Я рассказывал ему об этрусках, об их трояно-фракийской первой родине, о том, как они и венецы пришли в Италию, но не все, а только их часть, а другая часть дала начало русам и славянам.

В Иркутске бродили вечерами по берегу Ангары. Тендряков рассказывал о войне, о замысле фантастической повести: на Венере люди и роботы строили линии связи, в конце концов доходя до противостояния. Это была последняя в его жизни весна.

В погожий день нас повезли, как гостей, в ресторан на сопке, над Байкалом. Там недалеко исток Ангары, огромная полынья не замерзает, потому что река тянет воду и из глубин озера подходят вместо неё довольно тёплые струи. Тут зимуют десять тысяч уток.

— Что это? — спросил я, увидев чёрную глыбу посреди полыньи.

— Шаманий камень, — был ответ сопровождавшего нас сотрудника этнографического музея.

Владимир Тендряков подарил, помнится, ему свою книгу.

Я же невольно оглядывался на эту глыбу, с которой связаны поверья, и невольно потом, особенно после разговора с профессором, задавал себе вопрос: уж не магия ли в самом деле повинна в гибели писателя Вампилова, не Шаманий ли камень превратил поворот кинокамеры в трагедию?

Не знаю, не знаю... Зато остались воспоминания о том, что произошло в семьдесят третьем. Именно в разговорах с Шумским складывалась цельная картина. Даже для меня самого интересно понять все снова, в целом.

И как всегда в таких случаях — сон не приходил сразу. Я лежал с открытыми глазами. Боялся бодрых громких голосов на заре, шума машин. Снова, как некогда, я видел золотой свет над рощей Гласир. Она занимала все пространство моего воображения, и в фокусе его, кроме пурпура крон, я видел малиновые, уходящие в неизвестность

волшебные стены сказочного мира. Я нередко думал: это все равно легенда. Точно такое на земле не создать. Хотя можно, конечно, построить дворцы и чертоги, поставить статуи богов, даже вырастить золотые деревья.

Валгалла — палаты Одина. Валькирии переносили туда души павших воинов. Но не только. Почему-то там оказываются и другие мёртвые. Такие, как я... Значит, Асгард — город для всех.

Голову сжало невидимым обручем. Меня обожгло тогда, как будто горячий луч пересёк мой правый висок. И тут же — левый. Сначала — образ.

Женщина. Но тогда я ещё не был знаком с ней и вообще видел впервые: я шёл, спешил к тому берегу, и она шла навстречу. Запомнилась она в тот день сразу: её светлый жакет был расстегнут, и ветер, поднимавший волны на море, срывал с её плеч жакет в ту минуту, когда я увидел её. За её плечами как будто бились два светлых крыла. Я оглянулся ей вслед. Кажется, она остановилась. А я пошёл туда, откуда отправился в мой заоблачный город и чуть было не остался в нем. Что ещё там было? А, хижина по дороге на дикий пляж... Низкая, как помыслы подлецов, если говорить языком персидских поэтов, и узкая, как глаза тюрков, лачуга эта была сплетена из лозняка и обмазана глиной, дверь её была открыта, словно взор прямодушного человека, а единственное окно было чистым, как помыслы праведных мужей. Но это слова, которые мне пришли в голову позднее. Сначала там, рядом с лачугой, я подумал: уж не из неё ли вышла эта женщина?

Или, скорее всего, вылетела на светлых своих крыльях цвета зеленоватого серебра.

Так вот, это все очень важно для меня сейчас, спустя годы. Пусть она — просто красивая женщина. Но я встретил её одну, незадолго до того моего купания! И она поэтому — крылатая валькирия. Непонятно, что мешало мне раньше, до рассказов Шумского, узнать истину. Узнать валькирию, посланную за мной. Эти вдохновенные прекрасные девы переносили умерших к Одину. Для пира, для молодецких забав и турниров с оружием в руках. Закономерно: там продолжалась та жизнь, которая считалась достойной и на земле. Вот только я был там безоружен, и могу поклясться, что там не было ни одного викинга с копьём, мечом или хотя бы кинжалом. Ничего не

было, кроме удивительного пейзажа с червонными кронами и слабо прочерченных стен и кровель. Это для меня! Другие, быть может, встречали там и храбрых воинов, и оруженосцев, и даже виночерпиев. Каждый видит там своё. Даже валькирии разные. Моя была такой: тёмная волна волос, тёмные тонкие брови, прозрачные, как чёрный хрусталь, глаза, два бьющихся крыла серебристого жакета.

Я вспоминал до утра.

Что там было на берегу тогда? Лачуга. А ведь её потом не стало. Через год, два, три и позднее я навевался в эти края, но хитрой этой хибарки не встречал. Выходит, и берег тот был для меня одного в тот день? Может, снова попади в ту осень на тот же дикий пляж, я увидел бы хижину, но только желания купаться там у меня так и не появилось до конца отпуска — я уходил совсем в другую сторону. С валькирией вместе. Но это уже другая история. Да, я и не знал тогда, кто она.

И когда я свыкся с мыслью, что женщина эта — валькирия, несмотря на вполне земное имя, когда успел привыкнуть к утреннему шуму за окном и снова прилёг с тайной надеждой уснуть, раздался телефонный звонок. Шумский Михаил Иванович изволил или рано проснуться, или совсем не почивать, как и я нынешней ночью. Уточнять я не стал. Он потребовал объяснений по поводу убийства человека в автомобиле с рулевым колесом в виде кельтского креста. А начал разговор с разоблачения. Разоблачал меня, называл дилетантом. Это относилось к моим якобы неправильным представлениям о столице Атлантиды.

— Вы хоть читали, друг мой, книгу Зайдлера в переводе с польского? — стараясь быть корректным, спрашивал меня Шумский. — И если читали, почему не обратили внимания на рисунок, выполненный по описанию Платона? Там изображена эта самая столица атлантов, которая не давала мне спать в последнюю ночь. Но это не кельтский крест, как вы изволили выразиться. И даже не простой крест. Ничего общего, вы правильно меня поняли? Ничего общего с крестами всех видов и эпох нет у столицы атлантов!

— Профессор, — обратился я к нему с подчеркнутой учтивостью, — вы разговариваете с человеком, у которого нет докторской степени, но позвольте заметить, что в отличие от докторов и магистров истории, отечественных и зарубежных, я не только прочитал все книги Страбона, но ещё и девять книг Геродота, чего не

сделал ни один из тридцати опрошенных мной историков, считающих, отмечу во имя справедливости, Геродота отцом их науки. Но если я прочитал эти начальные двадцать шесть книг и даже понял их, в отличие от тех же наших коллег, то неужели вы думаете, что я не разобрался всего лишь в двух диалогах Платона, где описана Атлантида?

— Ну, я не совсем так выразился, — смягчился Шумский. — Но все же, в чем дело? Я вдруг обнаружил на своей полке книжку Зайдлера. И там — схема. Что это?..

— Отвечу вам по памяти, коллега. В популярной книге Зайдлера, польского атлантолога, действительно изображена схема столицы атлантов. И автор ссылается на Платона. На самом деле ничего общего между описанием Платона и схемой Зайдлера нет, если не считать кольцевых каналов, окружающих царский дворец атлантов и центр города. А Платон писал, между прочим, о мостах, переброшенных через эти кольца каналов. Их нет у Зайдлера. И старый грек не забыл о радиальных каналах, которые, по его словам, то ли примыкали к этим мостам, то ли шли под ними. Скорее всего, верно второе, потому что он сообщает, как земляные валы между кольцевыми каналами прорезали именно для того, чтобы провести водные радиусы. Вы понимаете меня? Ничего этого у Зайдлера нет, он даже не вспоминает о радиусах, кроме одного, который описан Платоном особо. Ну а теперь нужно разобраться, что имел в виду Платон. Уж если он пишет о нескольких радиусах, то будьте уверены: их четыре. Четыре луча у схемы этрусских городов, они образуют направления юг — север, запад — восток. Так же обстояло дело у инков по ту сторону океана. А это возможные преемники культуры атлантов. Так что «С добрым утром!» и забудем о бессонной ночи. Идёт?

— Идёт. Второе... помните? О человеке?

— Помню. Об этом человеке в автомобиле я узнал после событий, узнал случайно. Рассказал вам все. Вы же хотели магии?

— Благодарю.

ЛЮБОВЬ К ВАЛЬКИРИИ

У валькирии был довольно растерянный вид, когда я встретил её во второй раз. Это было тоже на берегу. Я спросил её имя. Она не назвала его. И улыбнулась. Улыбка была тоже растерянная какая-то и потому неожиданная. Что-то во мне озадачило её. Валькирия не могла иначе. Нами руководила внешняя сила. Все изучают знаки Зодиака и верят. Но есть ещё знак встречи с неизвестностью. Именно так. Я не знал, что она валькирия. Если бы я жил три тысячелетия назад, может быть, я стал бы первым, кто на основе древнейших преданий возродил к жизни этот мифологический образ. Я опоздал. Но у меня есть все основания завершить параллель между Лидией и валькирией. Особенно сейчас, когда калачакра — волшебное колесо древних — повернулась на некоторый угол.

Лицом к лицу лица не увидеть. Поэт прав.

В этом одна из главных тайн калачакры.

Я шёл за ней следом. Догнал. Куда-то приглашал — сразу в четыре места, наверное. Это-то уж объясняется не калачакрой, а смущением. Простительно. Меня бы поняли, если бы её увидели тогда, семнадцать лет назад. Не уверен, правда, относительно литературных критиков. Нашли бы изъяны. Более уверен в критиках от искусства: у них шире диапазон восприятия. Прошло восемь дней со дня моего возвращения из Асгарда. Конечно, я ещё не знал этого. Галлюцинации — и все, ничего другого для меня тогда не существовало.

Только теперь вот я обобщаю: уж не та ли самая воля в образе валькирии перенесла меня туда с берега, а потом раздумала и вернула?

Какая разница в уровнях восприятия сейчас и тогда!..

Когда мы оказались на пляже рядом, валькирия спросила:

— Откуда эти шрамы и ссадины? Я ответил. Купался, мол, не совсем осторожно. Сейчас остался всего один заметный шрам и два поменьше. Это когда меня перебросило через камень. Я видел кровь на гальке, мои ноги кровоточили. Думаю, на камне были прикрепившиеся мидии. Их раковины очень острые. Судя по всему, на этих раковинах были какие-то полипы, я их видел много раз: белые маленькие

ракушки поверх чёрной мантии мидий. Может быть, они помогли мне — шрамы были не такими глубокими.

Откуда она? Только читая «Старшую Эдду», я нашёл похожее. Прорицательница вёльва рассказывает: «Видела дом, далёкий от солнца, на Берегу Мёртвых, дверью на север; падали капли яда сквозь дымник, из змей живых сплетён этот дом».

Дверь той хижины действительно выходила на север. Что касается змей, то на них вполне похожи хворостины плетня, жёлтые и коричневые, иногда с крапинами и полосками. И потом, если бы дом не был сплетён из змей, которые расползлись, то как объяснить его исчезновение? Конечно, остаётся лазейка для острословов: это не дом, а хибарка, и её снесли. Да будет им известно, что на Черноморском побережье тогда лачуг не сносили. Остаётся все же неясность, которая на удивление точно повторяет неясность с текстом «Старшей Эдды», ибо никому достоверно не известно, что за дом имела в виду вёльва и почему он исчезает в других текстах и песнях о богах и героях.

Раньше я этого не знал. Не обратил внимания и, на поразительное совпадение. В моем столе с тех давних пор хранится большой нож, который я купил в ларьке, справа по дороге на городской пляж. Дело в том, что в «Песне о Хельги, сыне Хьёрварда» мимо кургана скакали девять валькирий, и одна из них, самая статная, обратилась к Хельги: «Поздно ты, Хельги, воин могучий, казной завладеешь и Редульсвеллиром, — орёл кричит рано, коль будешь молчать; пусть даже мужество, Хельги, проявишь!»

В этих строках не все гладко с точки зрения стиля, но таковы особенности поэтических текстов того времени.

...И тут же красавица валькирия сообщает Хельги:

«Мечи лежат на Сигарсхольме, четырьмя там меньше пяти десятков, и есть один, лучший из лучших, золотом убран, — гибель для вражеских копий. С кольцом рукоять, храбрость в клинке, страх в острие помогут тому, чьим он станет. На лезвие змей окровавленный лёг, другой же обвил хвостом рукоять».

Меч для Хельги, возлюбленного валькирии.

Нож для меня. Тоже подарок валькирии. Это ведь Лидия подвела меня к ларьку, который мне тогда не напомнил ни о местечке Сигарсхольм, ни о необходимости завладеть казной и Редульсвеллиром, то есть прекрасной землёй. Два змея на мече —

рисунки, украшающие его лезвие и рукоять. На моем ноже именно два завитка. И я не без изумления обнаружил позднее, что их надо понимать как стилизованные изображения змей. Мечей было сорок шесть. И в коробке было примерно столько же ножей. Сейчас я бы пересчитал их, это очень важно. А осталось только воспоминание: груды ножей в коробке. Один из них стал моим.

Помог ли мне подарок валькирии?

Конечно, нож пригодился. Но разве сам по себе факт совпадения с мотивом героической песни не даёт оснований считать, что это и есть лучшая помощь, о какой только можно мечтать и наших условиях, когда казной владеют в силу родственных связей, да и Редульсвеллиром тоже. У меня же с этим очень, очень плохо.

Мы плескались в море под крутым берегом на всех диких пляжах даже после заката. И когда возвращались, то был уже голубой час, и нас ждали кофе и ужин (тогда в кафе ещё кормили). Удивительное явление с точки зрения благосостояния: даже вечером можно было купить вино, сухой херес, мадеру, не говоря уже о хороших конфетах или мускатном винограде.

Валькирии не только в жизни, но и в древних сказаниях могут прекрасно совмещать свои небесные заботы с любовью. Совмещают же в самом справедливом обществе женщины свои земные дела и любовь, умудряясь иногда ещё и рожать детей. А ведь это общество — тоже копия небесного, что подтверждается вековой мудростью, поскольку все началось с «Города солнца» Кампанеллы и «Утопии» Томаса Мора.

Итак, в древнем сказании о Хельги можно найти валькирию, открыто покровительствующую герою. Она же его возлюбленная.

Подчиняются валькирии Одину, участвуют в присуждении побед и распределении смертей в битвах. И не только переносят воинов в Валгаллу, но ещё и подносят им питьё, следят за пиршественным столом. Одну из валькирий верховный ас примерно наказал за то, что она отдала победу не тому, кому следовало. Это страшное наказание для валькирии: она больше не могла участвовать в битвах и обязательно должна была выйти замуж.

Их имена: Хильд — «битва», Херфьётур — «пути войска», Хлёкк — «шум битвы», Христ — «потрясающая», Мист — «туманная», Труд — «сила». Несколько имён скандинавистам понять и перевести не

удалось до сих пор: Скёгуль, Гель, Скеггьельд, Гейрелуль (Гейрахёд), Радгрид и Рангрид, Регинлейв.

Лидии соответствуют имена: Христ, Труд, Мист. Больше всего идёт ей первое имя. Я назвал ей это имя в переводе на русский. Думаю, серебряная фигурка валькирии с острова Эланд в Швеции, хранящаяся в музее Стокгольма, даёт представление о цвете того жакета, который напомнил мне о всех двенадцати или тринадцати девах (с Лидией — четырнадцать).

Но в музейных запасниках Ашхабада и Москвы я нашёл крылатых дев, изображённых на монетах и печатях Парфии. Они женственнее, красивее, их крылья похожи на крылья ангелов.

...В ней самой были странности. Моей проницательности не хватало, чтобы понять её сразу. Даже если бы я тогда же, в первые дни знакомства на юге, разгадал её, то не смог бы освободиться от чар. Она себе самой казалась живой статуей из мрамора. Но ни капли кокетства. Отстраненно наблюдая за мной в первый день нашего знакомства, она вовсе не думала отстраняться от известных всем нам знаков внимания к чарующе красивым женщинам. Казалось, что этих знаков мало и мне и ей. Мы оказались на дальней галечной полосе, где иногда появлялись первые робкие нудисты. Как только она узнала об этом — от меня же, — то немедленно предложила последовать их примеру. Помню мою нерешительность, которую я скрывал от неё. Она была первой нудисткой, которую я видел рядом. Её бюст, вся она казалась вдвое больше, чем в платье. Широкие плечи, широкие бедра, округлые глыбы голубоватого мрамора, чуть выше середины — треугольный кусок сверкающей смальты. Это тоже взгляд со стороны, не более того. Но что случилось потом! Поздним вечером я не мог отделаться от воспоминаний!..

Её бюст занимал половину ширины гостиничного номера: и когда я понял, что это почти так без всяких прикрас, то последовала пауза, я замер на целую минуту, а спокойное выражение её лица не изменилось, она даже подняла грудь, как бы не понимая меня. Ну и оказалось, что она готова к покровительству, откровенности, пониманию того, что моя застенчивость закономерна. Не вообще, а тогда, когда её антрацитово-блестящий бюстгальтер упал мне на плечи, съехал на руки, и я почему-то неумело, машинально складывал его, а она с лёгкой улыбкой заметила:

— Только мнѐшь, уже поздно проявлять заботу по этой части. И это не складывается.

— Бывают исключения.

* * *

Движение калачакры передавалось нам. В один прекрасный день нас — меня и валькирию — можно было увидеть в парке Покровское-Стрешнево на лугу с белыми цветами, что в лощине за сосновой рощей. Тонкие стрекозы-стрелки садились на её раскинутые руки, на тѐмные волосы с сапфировым отливом. Справа от нас склон плотины, у водохранилища, казался голубым и далѐким. Сочившаяся оттуда вода собиралась в ручей, над которым порхали белянки, а внизу, на зеркалах-плѐсах, метались их отражения.

Начиналась жизнь или уже близилась к завершению?

В тот день я не мог ответить на этот вопрос даже с её помощью, потому что ответа быть не могло. Я лишь высказал свою гипотезу: в каждом дне повторяется прошлое, несколько других дней из десятиили двадцатилетней давности, из детства, из юности, даже из предыдущей жизни души. К ним добавляется новое, немного из вчерашнего и сегодняшнего дня. Все это смешивается, окрашивая настроение. И так проходит загадочная, непонятная и непонятая жизнь. Но она подчиняется звѐздам. Из прошлого приходят тени, призраки, мысли, настроение — так, как записано в звѐздной книге. Если человек очень сильный, он ломает этот порядок, он не отдаѐтся течению, ему кажется, что он победил, что он сам делает свою жизнь. Это потому, что тонкий мир звѐздных теней и полутеней гибок, иногда призрачен, невесом и почти всегда незаметен для тех, кто не хочет его замечать. Человек заслоняется от него, отвергает его, и это напоминает перегораживание реки плотиной, той, которая все равно сочтется струями и родниками. А паводок сносит её бесследно. На Земле как на небе.

Вечером мы гуляли в роще. Лѐгкий запах нагретой смолы, жѐлто-голубое облако, похожее на камень халцедон, застывшие под ним вершины сосен, косые лучи солнца... Облако стало таять на наших

глазах, обещая новый солнечный день — для тех, кто сменит нас
завтра.

СМЕРТЬ И ПЛАМЯ

Позвонила женщина и спросила Александра Николаевича. Я сказал: таких нет.

— Как нет? — удивилась она.

— Александра Николаевича Брусникина нет? Тогда кто же есть?

Я назвал своё имя. Она повторила вопрос с настойчивостью женщин, заслуживающих эмансипации со всеми её последствиями:

— Где же Брусникин?

— Таких вообще нет.

— Что вы мне говорите чепуху! Как это вообще нет?

— Так.

— Нет, вы подумайте, Брусникина нет! И этот человек говорит, что Брусникина нет! Да вы отдаёте себе отчёт в том, что говорите?

— Отдаю, — сказал я и положил трубку.

Тщетны были мои надежды на то, что слова несут хоть какую-то смысловую нагрузку и потому могут быть поняты. Это не так. Повторный звонок. Я вскочил с тахты, рванул трубку, внутри аппарата запищала невидимая электронная мышь.

— Можно Брусникина?

— Нет, нельзя.

— Это опять вы?

— Да. Все, что угодно, кроме Брусникина. Таких нет.

Сцена начала повторяться. С вариациями, конечно. И вот, когда я стукнул трубкой по аппарату и та же электронная мышь запищала уже не своим голосом, до меня дошло: это запомнится, я не забуду. Но что бы это значило? Роковой этот вопрос прозвучал в моей голове уже тогда, в минуту завершения содержательной беседы с дамочкой, как я съязвил (она тут же назвала меня крокодиллом, думая меня обидеть, но я подтвердил правильность её догадки и только тогда шмякнул трубкой по аппарату).

— Кажется, я знаю, кто эта настойчивая женщина! — воскликнула Вера, когда я позвонил ей, надеясь на её божественные разъяснения.

— Сверхнастойчивая, — поправил я. — Дважды звонила. Ещё одно доказательство, что меня связывала с Брусникиным какая-то нить, или, если угодно, цепочка. То есть, скорее всего, если бы я остался в море или в Асгарде, то он был бы жив. Это не служит доказательством моей вины. Просто это судьба или зодиак. Чем он занимался?

— Геохимик. Работал в геологических партиях. Потом в институте, в одном, во втором, в третьем. Нигде особенно не нравилось. Вся эта поэзия обязательных собраний, где говорят или, точнее, лгут одно и то же, вся эта технология написания диссертаций, в которых все списано и нет ни одной мысли, да и списано не диссертантом, а его сотоварищами-подчинёнными, была ему не по нутру. Да и сейчас она была бы для него хуже ада, останься он жить.

— Вы так говорите, как будто он искал смерти.

— Не искал, но и не бежал от неё, уверена в этом. Он не раз говорил, что можно свихнуться от бесконечных статей о чёрных бриллиантах, о подкрашивании драгоценных камней в ядерных реакторах. А нужна была всего-навсего одна таблица.

— Что такое чёрные бриллианты?

— Прозрачные камни становятся чёрными в реакторе, когда их бомбардируют частицы. Вообще окраска камней изменяется... У дяди были высокие требования к жизни. Его интересовало только новое. С его мерками многое можно было забраковать. Надеюсь, вы легче относитесь к окружающему?

— Отнюдь. Окружающее для меня — это главная и нерешаемая проблема. Я ещё не разобрался, что я сделаю с окружающим. Понимаете, Вера?

— Понимаю, но не разделяю. Вам не позавидуешь.

— Только так! Всегда так, и не иначе. Бежать, плыть, шагать до горизонта, потом — дальше. А главное — не кормиться крохами, оставлять их птицам — воробьям, воронам, галкам, щеглам.

— Расскажите лучше про Албану, как на юге.

— Когда географы и историки, сами почти легендарные личности, всего лишь упоминают полуполигандарные города, тут невольно призадуматься: было или не было? Наверное, было. Город был близ Дербентского прохода. Нам с вами это мало что говорит, потому что никаких проходов ныне не существует, могут убить и на открытом

месте, но тогда, как, впрочем, и в другие эпохи, само слово «проход» определяло необходимость создания города-крепости. Птолемей говорил о проходе между морем и горами. Кавказ круто спускает к морю, к Каспию, своё каменистое плечо. Поставьте стену, несколько башен — и вы закроете всякое сообщение между югом и севером. Такая стена и крепость были созданы. С шестого века до нашей эры окрестность входила в Кавказскую Албанию. Сейчас это Дагестан и Азербайджан. Интересно, что названия менялись. Греки и римляне говорили и писали так: Аланские, Албанские или Каспийские ворота, армянские авторы дали другое имя тем же воротам — Чога, Чора, Джора, грузинские звали их Дзгвис-Кари (морские ворота) и Дарубанд, византийцы, словно игнорируя местные названия, упоминают Цур, арабы — Баб-эль-Абваб (главные ворота) и Баб-эль-Хадид (железные ворота), турки — Демир-Капыси, тоже железные ворота, русские — Железные ворота, Дербень. А сейчас город-крепость называется Дербент, это от персов, первая часть названия «дёр» — это «дверь», ведь у персов и славян много родственных слов, вторая часть, «бенд», это «затвор», «застава», «преградам. Были сооружены две параллельные стены от цитадели, то есть крепости на холме, уходившие в море так далеко, что обойти их было уже нельзя ни пешему, ни конному воину. Одновременно эти две стены образовывали гавань для судов, думаю, среди кораблей были и боевые, на тот случай, если кому-то вздумалось бы попробовать вплавь обогнуть знаменитые Албанские ворота. Сооружение стен приписывается Александру Македонскому. Только он не доходил до Албаны. Сложены поэмы и легенды о его битвах с русами. Они хорошо известны литературоведам, но совершенно не известны историкам-славистам. Добавить к известному я могу вот что: имя страны Албании производится обычно от слова „белый“, но в исландском языке, самом заповедном и сохранившем многое из глубокой древности, так же звучит слово „лебедь“, и я думаю, не от него ли имя страны? Судите сами, Лебедией называлась земля в низовьях Дона. Это позднее. Но было великое переселение народов, и аланы ушли на север от своих ворот. Значит, Лебедия — это более поздняя Албания, одна из предшественниц Руси. И потом, ваны, асы и альвы — соседи. Так можно думать, читая о них в соседних строках „Эдды“. Если ваны в низовьях Дона, если асы — восточнее Дона, то

альвы могли жить, скажем, западнее Дона, а сначала — южнее своих ворот. Так же и асы были в Парфии, но тут надо помнить, что в начале начал асы — это скифы, завоевавшие будущую Парфию. Другая моя версия: скифы, пришедшие из Приазовья, сохранили древние иранские традиции, созвучные и очень близкие их собственным. Скорее всего это так и было. Но в этой профессии главное остановиться.

— В какой это профессии?

— В какой из моих профессий? Так нужно поставить этот вопрос. В молодости я читал лекции, нередко передо мной выпускали гипнотизёра-неудачника, который исповедовал другой принцип: в профессии гипнотизёра главное — вовремя смыться. А вообще, милая Вера, в каждой профессии есть свои секреты. Ну и после выходил я, читал публике, это все долго, особенно ответы на вопросы, представьте, однажды женщина, довольно пожилая, все порывалась спросить об Атлантиде, стала кричать: «Да дайте же наконец человеку рассказать об удивительной Атлантиде!» По-моему, мне так и не дали ответить на все вопросы, в том числе и на этот, да, честно говоря, я тогда и не в состоянии был удовлетворить любопытство этой женщины. Она все кричала, кого-то задела, потом с ней случилась истерика, её вынесли. И все на моей совести. Я замкнулся, отвечал отказом на предложения о двойной оплате. Ездить в другие города? Ну нет. Согласитесь, если можно избежать ответов на вопросы об Атлантиде, то уж ни за что не удастся уйти от объяснений, почему ни в одном из русских городов тогда нельзя было купить мяса, масла, сыра, сметаны, колбасы, крупы, а также других продуктов, не говоря уже о таких деликатесах, как сосиски, сардельки или баранки. Зная по источникам исторические и даже доисторические эпохи, я вынужден был честно говорить, что ни в одной из эпох лично не был и сравнивать не могу.

Я испытывал к Вере почтительное уважение. Только ей я доверил тайну повторения событий. Это довольно хрупкое детище левитатора, его можно разбить с помощью так называемого исторического анализа, впрочем, как и любую другую систему, потому что фактов всегда меньше, чем контраргументов (им несть числа).

Итак, пусть был конец мира, предсказанный пророчицей-вельвой. Но что потом? Во Вторую мировую войну? Не та же ли это битва богов и чудовищ? На первый взгляд асы пошли походом на ванов. Если

считать Германию второй родиной асов и если считать Россию второй родиной валов. Асы потерпели поражение. Главная битва была на Дону, как когда-то в дни первой в мире войны Одина против ванов. Сам исход битвы — тот же, в пользу ванов. Война началась так же — только полетело не копьё Одина, а боевые самолёты. Это вполне современный аналог копья Одина. Похоже. Ведь в ночь на двадцать второе июня сорок первого сотни самолётов рейха бомбили Киев и другие города, уничтожали на земле, на аэродромах воздушный флот ванов, их вооружение, их корабли в гаванях. Это начало. Первый бросок копья Одина! Киев — мать городов русских, вторая столица фракийцев, объединившихся с извечными соперниками асов ванами.

Так началось. Асы наступали. С ними наступали венгры, итальянцы, финны, румыны, австрийцы, половина Европы. Другая половина Европы готовила оружие для асов, плавала металл для них, кормила их, подчинившись им. Нынешняя Европа это, разумеется, отрицает. Япония стояла на страже, топила корабли ванов в Тихом океане, на всех морях. Тюрки выжидали, чтобы нанести смертельный удар с юга и востока. Со скандинавских аэродромов, из скандинавских портов спешила смерть, погибель ванов. Насторожился Иран, древняя родина асов, готовилась к прыжку на север его пятая колонна.

Исход войны был предreshён. Так думали все, весь мир. Кроме разве самих ванов, некогда именно в союзе с асами основавших Москву. За спиной их осталась узкая полоска русской земли, а за ней — холодные, студёные края, почти необитаемые. Полюс холода. И голода.

Битва под Москвой. Первая трудная победа ванов, почти безоружных (часто на троих одна винтовка, почти без патронов). Отсрочка их гибели. Так думали все. Литовский легион убивал русских женщин, детей, оставшихся на их земле. Эстонская «Эрна», латыши-националисты соединялись с немцами, учили нацистские гимны и песни на улицах и площадях. Тоже убивали. Литовский легион вошёл в историю. Как и крымско-татарский легион смерти. Никто не уничтожил больше их русских женщин и детей. На душу населения, конечно.

Но никто, и сами ваны, не знал истины. Никто не умел предсказывать, разве что именем вождя. Между тем война изменила характер. Все стало иным. Словно невинно убиенные попали в

небесный Город света, в светлый Асгард, и тот Асгард на небе, сияющий, но грозный, содрогнулся. Удар копья асов был смертелен. Весь воздушный флот ванов был уничтожен (около тысячи самолётов). Больше десяти тысяч танков ванов были захвачены или уничтожены. Несколько миллионов ванов были пленены, и больше половины из них в один или два месяца немцы уморили голодом. Женщины ванов угнаны в Германию, в рабство. Дети умерли от голода в лагерях или убиты националистами в приграничных республиках.

Жалкая возня ванов, растерзанных и наполовину уничтоженных, вызывала лишь сочувствие. Но судьбы записаны на небе. Небесный Асгард вздрогнул. Для него нет партий, народов, лозунгов, но есть правда, истина, свершения, ибо он знает: слова лживы.

Уже под Москвой война изменила своё лицо. Она стала ещё более жестокой. Ещё более кровавой. Ещё более тотальной. Но воевали уже не асы. Немцы, германцы, финны, но не асы. Ваны же сохранили своё героическое лицо, несмотря ни на что. Прошла первая военная зима. Летом горе-полководцы (Тимошенко и другие) загнали войска ванов в очередную ловушку под Харьковом. Но ваны не дрогнули на Дону и под Сталинградом. Развернулась битва в междуречье Волги и Дона. Ваны были к этому времени вооружены уральским оружием. Они выиграли битву. Как в первую войну тысячи лет назад.

Что случилось с асами? Их главарь, словно по иронии судьбы, называет свои ставки в Восточной Европе так: Вольфшанце. Вервольф. Это значит: Волчье логово, Волк-оборотень. Возвращение к мифологии. Но с какой стороны! С обратной. Ведь Мировой Волк — враг асов, а не союзник их.

Ставка фюрера на подводный флот. Шноркили немецких подводных лодок морщат воду на всех морях, топят мирные корабли, транспорты. Это Мировой Змей. Ёрмунганд. Союзник фюрера по всем законам мистики. Но опять враг асов, злейший враг. Великан Тор, сильнейший из асов, должен выйти на борьбу с Ёрмунгандом. Один, мудрейший из асов, выйдет на борьбу с волком Фенриром. Волк проглотит его. Но сын Одина Видар разорвёт волку пасть. Таковы объективные законы.

Фюрер не только не знал их, но, не ведая того, сам объявил войну Москве

— второму Асгарду. В тылу у Москвы был первый Асгард — Ниса, засыпанная песками, созданная руками великих скифов-арийцев.

Фюрер, исповедуя арийскую доктрину, развязал войну против самой могущественной группировки арийцев — против славян, наследников Асгарда. Первая, главная, роковая ошибка фюрера.

Но где же помощь истощённым ванам? Вот она. Вскипает кровь древних асов, некогда соединившихся с ванами после битв. В жилах тех, кто называет себя русами или русскими, течёт кровь подлинных асов вместе с кровью древних ванов. Это кровь богов. Москва — второй Асгард, созданный богами на земле. Её защищают асы и ваны.

На подступах к ней и асы и ваны уже бьются с чудовищами. Против них Ёрмунганд, Фенрир, Сурт. Сурт-Чёрный. Это чёрные мундиры эсэсовцев. Опять просчёт. Все наоборот. Пусть по крови даже асы, но наряжённые чудовищами! Случайностей, однако, в истории не бывает. Все идёт так, как надо по законам неба. И оно посылает знаки, чтобы знающие поняли: это Сурт!

Древние асы, словно вторично, соединились с ванами под Москвой.

Битва идёт, как и в мифах, на огромной равнине Вигрид, по сто переходов в каждую сторону.

Приходит помощь. Повар Андхримнир варит неиссякающее мясо вепря Сэхримнира в котле Эльдхримнир. Америка, друг ванов, шлёт продовольствие. Свинину в банках. Её называют вторым фронтом в окопах ванов и асов. Идёт борьба с чудовищами! Картина войны все время в движении, кровь заливает половину планеты. Апокалипсис. Ещё точнее: конец мира. Сумерки богов. Рагнарок. Но боги одолевают чудищ. Лодка Тора выходит на поединок с Ёрмунгандом. Один схватился с Фенриром. Боги преградили дорогу Сурту, сжигающему и ветви, и дома.

Кровавый рассвет. Земля ванов и асов опустошена. На Идавелль-поле у Нисы вскоре должны собраться асы младшего поколения — Видар и Вали, Мод и Магни с молотом Тора. Там буду с ними и я.

Будущее станет похоже на прошлое, а время — на волшебное вращающееся колесо, калачакру.

Как ни странно, Вера не возражала. Похоже было, что она принимала это так же доверчиво, как и своё мифологическое имя — золотоволосая Сив.

А вот Одина звали «ужасным», «грозным», «переодетым», «скрывающимся под маской». Он бог мудрости вместе с тем. Во время войны он ведёт беседу с черепом Мимира — погибшего аса, заложника. «Эдда» обвиняет устами своих героев мудрейшего из мудрых в том, что он изредка сам убивает своих любимцев. Он не принимает чаще всего участия в битвах; он только руководит; учит своих любимцев добиваться победы скорее хитростью, чем силой; пирует с ними.

Но кто сохранил череп Мимира и беседовал с ним и в каком мавзолее находился этот череп? Кто был и мудрейшим и ужасным — на нашей памяти? Кто нередко убивал своих бывших соратников? Кто на земле русов и ванов был равен богу Одину? У кого было, подобно Одину, несколько имён? И какой закон лингвистики позволяет объяснить почти буквальное совпадение его имени с именем бога, если принять во внимание неизбежный переход звуков один в другой за минувшие тысячелетия?

ДВЕНАДЦАТЬ ПРОСТРАНСТВ

Быть может, я заменил ей Брусникина. Мне предстояло отвечать на вопросы о земле и небе.

— А где же, по-вашему, располагается этот город? Я говорю о небесном городе.

— Ну... это непросто представить себе. Думаю, двенадцать асов олицетворяют изначально двенадцать пространств Вселенной, тридцать шесть её измерений. В «Эдде» это утрачено, там остались образы. Но... — И я рассказал ей о моей теории двенадцати пространств, которые попарно сопряжены друг с другом.

— Неужели вы верите во все эти измерения?

— Верю ли я? Да мне как раз трудно поверить в плоский мир, который размещается на листе бумаги, и в трехмерный мир, в котором ничего нет, он пуст для меня, каким бы хламом его ни набила цивилизация. Если серьезно, то со мной был случай... Я тогда ещё не открывал небесных городов. А был в совхозе. Трудовая повинность, вы знаете. Это все раньше знали, да и сейчас многие... Чтобы яснее было последующее, а именно, чтобы вы легче представили мою тоску по другим пространствам, скажу: это как раз относительная трудовая повинность, ведь нам выводили зарплату в городе, по месту работы, и даже что-то платили в совхозе. Настоящая трудовая повинность существовала и существует как раз для тех, кто живёт на селе. Раньше они ничего не получали вообще, сейчас местный шофёр совхоза зарабатывает в месяц суций мизер, а приезжий такой же шофёр получает от совхоза чуть больше. Вообще же всегда раньше и сейчас выводят многим местным случайную сумму. Потому что по тарифу платить нельзя: он анекдотичен.

Ну и вот, иду я по деревенской улице, останавливаюсь, спрашиваю об этих самых тарифных ставках, потому что нет ничего фантастичнее рассказов тех, кто ещё остался жить в деревне. Мне нужен автобус — в райцентр. Недалеко от остановки меня догоняет легковая машина «Москвич». Открывается дверца, меня приглашают в машину. Я машинально махнул рукой, сказал «спасибо», остался на остановке. Идёт мой автобус. Сажусь. Выезжаем за

околицу, там грязь, навоз с фермы расплзается от обочины до обочины. Автобус прибавляет скорость, словно шофёру неприятно созерцать все это. Я на втором сиденье, у стекла. Вздрагиваю. Справа от дороги вижу перевернувшийся «Москвича. Тот самый. Рядом люди, возятся в грязи, помогают шофёру. Жертв, кажется, нет. Автобус проносится мимо. Вдруг моя правая рука ощущает липкое пятно. Смотрю — на моих брюках асфальтовое пятно грязи с чайное блюдце. Его не было. Вообще не было, понимаете? Оно появилось внезапно, словно из-под колёса перевернувшегося „Москвича“. Это очень серьёзно. У меня почти абсолютная память, я всегда дохожу до мелочей, до сути, меня не остановит никакая сила, и я не могу быть равнодушным даже к маленьким неувязкам. Все должно быть объяснено, продумано, взвешено. И тогда так же было. Из-за такого пустяка, как грязь, прилипшая ко мне, я не спал ночь. Она перешла на меня невидимо, от „Москвича“. Была причинная связь: ведь я почти поехал с ними, в этом злополучном „Москвиче“, почти был там, что ли, и отсюда — остался след, грязь эта. Как объяснить? Тогда я не смог. Но когда понял, сколько небес над нами, сколько небес в „Эдде“... В общем, невидимые перемещения происходят через сопряжённое с нами пространство. Я был свидетелем, как на Чёрном море сел на воду неопознанный объект, шар метров тридцати в поперечнике, он покачивался, как будто ничего не весил. Серебристый такой, почти белый. Было ощущение страха. Но я пошёл к берегу, ближе к нему. И он пропал. Как будто до этого был свет, который его освещал изнутри, и свет погас, и ничего не осталось. Ничего, только вода и небо. Опять я не спал ночь. Придумал объяснение: они маскируют шар, делают его как бы прозрачным, для этого включают маленькие элементы на его поверхности, вроде точек телеэкрана. И дают изображение, которое повторяет пейзаж за объектом. Он невидим, тут же, рядом с вами. Этот телевизионный метод маскировки я описал сначала в рассказе, потом пытался объяснить его в анкете фантастов, в „Литературке“, но остановили, сказали, что это серьёзно и это уже не фантастика. Позднее я опроверг себя. Это была не маскировка, не электронный камуфляж. Шар сделал бы это раньше. Шар перешёл в сопряжённое пространство! Потому что сами полёты таких объектов выгоднее производить с помощью переходов из одного

пространства в другое, с возвращением в исходное пространство. Не знаю, интересно ли вам?.. О пространствах?

— Интересно. Но поверить не могу. Не могу представить другое пространство.

— А я смог. Корабли-призраки, битвы в небе, фигуры людей, иногда едва очерченные, тоже в небе и даже рядом с наблюдателем, массовые видения, которые называют галлюцинациями или психозом — так удобнее объяснять. Но сопряжённый мир рядом. Не мне принадлежит идея параллельного пространства. Это говорили до меня. Фантасты, безумцы, простолюдины, мечтатели, многие... Я лишь дал точное название: сопряжённое пространство, оно одно у нас, в него легче переходить, чем в другие десять пространств. Переход в третье или, скажем, восьмое пространство недостижим сейчас даже для неопознанных объектов. Так мне кажется. Это другой уровень, уровень богов, они же ещё не боги. Ну, и я верю ещё в десять пространств, в этом я никого не повторяю. Ясно я выразился?..

— Да, вполне. Но по сравнению с нами они все же боги, если они существуют.

— Они существуют. По сравнению с нами... пожалуй. Если быть честным, меня сейчас переход в сопряжённое пространство интересует больше, чем сам Асгард. Но я не могу рассказать вам об этом переходе, хотя я близок к решению... это нужно показать!

— Как же быть с физиками? Неужели вы надеетесь, что они вас поддержат? Их-то Асгардом не заинтересуешь. Им надо показать именно переход в сопряжённое пространство. Иначе ни гугу! Понимаете?

— Понимаю, Вера, понимаю... Вот именно ни гугу. Однажды я имел честь говорить с настоящим крупным физиком. Как только идём по его текстам, статьям, выводам, он молодцом, как переходим на тему о пространствах — он на глазах вянет, точно гладиолус без полива.

— Что-нибудь доказать удалось?

— Доказать? Вы так спрашиваете, что я ловлю себя на тоске по прошлому. Тогда, в прошлом, я должен был что-то доказать ему, ну хоть самую малость. А вот появись он сейчас — я бы завял быстрее его. Потому что невозможно. Я этому физику самым деликатным образом, чтобы он не почуял подвоха, задал вопрос, который якобы мучил меня с детства. Можно ли с помощью увеличительного стекла

рассматривать отражённый в зеркале кончик собственного носа? Не улыбайтесь, Вера, вопрос был для него роковым испытанием. Как я это понимаю, конечно. Представьте себе, он не смог на него ответить! Тёр и надувал щеки старый квантовый волк, а понять ситуацию с зеркалом не смог. Стал таким серьёзным, бледным, сказал что-то о длине носа, но я тут же дал возможность ему решить другую задачу: все то же, увеличительное стекло, зеркало, но вместо носа нужно рассмотреть получше родинку на собственной щеке. Опять молчок. Мы сухо распрощались.

— Можно рассмотреть родинку, а?

— Можно. Дело ведь не в этом, а в том, что видный физик даже не смог в уме построить схему этого несложного опыта. Плавал, как студент. Это не злорадство, Верочка, ни-ни! Я это спрашивал после его вопросов о квантовых джунглях и тоннельных переходах. Но на его вопросы мне удалось ответить. Кстати, о родинках... В Индии никто не делает секрета из таких происшествий. Совсем недавно пятилетний Торан, деревенский мальчуган, заявил своим родителям: «Я — Суреш Варма, владелец магазина радиотоваров в Агре. Мою жену зовут Ума, у нас двое детей!

Однажды я возвращался из магазина на автомобиле, — продолжал Торан. — Подъехав к дому, я дал гудок, чтобы Ума открыла ворота. Вдруг появились двое с пистолетами. Они бежали к моей машине. Раздались выстрелы, одна из пуль попала мне в голову...»

Родители съездили в Агру. От их деревни до Агры тринадцать километров. Там выяснилось, что Суреш Варма действительно погиб пять лет назад. Его убили точно так, как рассказал мальчик, и его вдову действительно зовут Ума. На её руках осталось двое детей. Понятен интерес Умы к Торану. Вместе с родителями погибшего Суреша Вармы она посетила деревню. Торан узнал гостей. Спросил, где его «фиат». Был огорчён тем, что автомобиль продан. В Делийском университете нашли рубец на правом виске Торана. Именно в это место угодила пуля, когда грабители стреляли в Суреша Варму. Это стало ясно после ознакомления с результатами вскрытия тела покойного. Выяснилось почти экзотическое обстоятельство: пуля прошла в мозг, рикошетируя от черепной коробки и снова вышла наружу над правым ухом. Именно здесь, над правым ухом, у Торана была родинка. Итак, родимые пятна — не случайность. Мне пришло в

голову, что если это так, то опасно их трогать, сводить и вообще обращаться с ними легкомысленно. Не все они, правда, обязаны своим происхождением таким вот случаям.

— Вы знаете, как люди строили высокую башню и творец рассыпал и смешал языки?

— Наслышан.

— Ну а мне кажется, что это истина рассыпана, как Вавилонская башня. Остались её осколки, кусочки, крошки, рассеянные по разным местам. В каждом учении — частица её, одна крошка или осколок.

— Потому-то любое учение не объясняет и даже не пытается объяснить большую часть известных фактов. Просто отрицает. Одно учение или теория вычёркивает девять десятых того, о чем писали и говорили люди разных эпох и стран, другая система оставляет другие десять процентов, третья — всего пять. Остальное объявляется случайностью. Но пользуются и традиционной формулой: кто думает иначе, тот умалишённый. О бессмертии души говорили всегда. Рослые длинноголовые кроманьонцы Европы, первые разумные люди планеты, превосходившие современного человека ростом и объёмом мозга, создавшие письменность, искусство, музыку и музыкальные инструменты, погребали своих умерших предков так, что нет сомнений: они знали о вечности души. Фракийцы, от которых греки переняли множество мифов, верили в то, что казалось простым фактом кроманьонцам. Основу некоторых римских легионов составляли как раз фракийцы

— против них было трудно воевать из-за особенностей их веры. Арии Средней Азии примыкали к ним по своим убеждениям. Но вера эта ослаблялась. С ней произошла та же история: она рассыпалась в конце концов. Остались крохи, осколки, на которых танцуют победный танец иные динозавры-академики, каждый день оповещая мир о том, что сырая вода вредна, человек смертен, а дважды два — четыре. На самом же деле человек бессмертен, но ему самому не дано это заметить. Бывают счастливцы. Американист Кейс вспомнил как-то при свидетелях эпизод из прошлой жизни своей души: во время войны с индейцами он сидел на берегу реки с каким-то молодым солдатом, они были голодны, и солдат поделился с ним едой. И вот в парикмахерской города Вирджиния-Бич незнакомый пятилетний мальчик забрался на колени к Кейсу, когда тот был в парикмахерской. Отец мальчика

удивился, «Оставь чужого дядю в покое!» Мальчик возразил: «Но я хорошо знаю его, мы вместе сидели голодными у реки!» Это я читал, Вера, в книге Кейса.

— Надеюсь, вы помните не одну историю, а много. Ведь аргументы против почти неисчислимы...

— Уж конечно не одну. Я хорошо помню имя этой девочки, родившейся в Дели в 1926 году: Шанти Деви. В три года она вспомнила город Мутру, расположенный в восьмидесяти милях от Дели, вспомнила, что жила там, и её звали тогда Лугли. Там же она родилась... за двадцать четыре года до своего рождения в Дели! Её мужем был Кеддар Нат, коммерсант, у них был сын, который умер грудным ребёнком. В 1935 году родители девочки, к их собственному изумлению, установили, что Кеддар Нат — не миф, он действительно живёт в Мутре. Его пригласили. Девятилетняя девочка узнала его и его родственника. Поехали в Мутру. Там Шанти Деви заявила, что, будучи Лугли, она припрятала часть своих денег в доме, где жила с мужем. Нашлись любопытные и свидетели, которые искали эти деньги под руководством девочки. Денег не нашли. Но Кеддар Нат сделал важное признание: после смерти своей жены Лугли он случайно обнаружил эти деньги, в тех самых купюрах, о которых говорила девочка — духовный двойник Лугли. Созвали комиссию. Слушали рассказ Шанти Деви. На членов комиссии произвело впечатление ещё одно немаловажное обстоятельство: девочка говорила на местном диалекте. Все так и было, так и есть. Но слепота — это болезнь, её нужно лечить, Вера!

ШАМБАЛА, ЗЕМЛЯ БОГОВ. ИЗ ТЕТРАДИ БРУСНИКИНА

Троя, Вавилонская башня, лабиринты дворцов па Крите — легенда. И одновременно — реальность. Они были! Мост между мифом и жизнью перебросили Шлиман, Эванс, их сподвижники. Ещё один миф — Шамбала, земля тайн, живых богов, знаний и мудрости. Её главный центр Агарты. Город света созвучен своим названием Асгарду. В языке людей, населявших древний Иран, а затем пришедших в Индию, звук «з» и даже «с» переходил в более глухой «г» или «х». Гима — это зима. В германских языках «зал» звучит примерно так: «хал». Исландское «хвит» по смыслу означает «свет», «белизна», а «хум» — это сумерки (х-с). Агарты — это — Азарты, город света, или тот же Асгард.

Скандинавские мифы, я считаю, светят отражённым светом Шамбалы.

Ну и Куа, китайские Адам и Ева, родились далеко от собственно Китая, в горах Куньлунь. Там же находился азиатский Олимп во главе с Богиней — Матерью Запада. В древних китайских книгах не объясняется, почему страна богов так далеко расположена от Китая. Памир как бы продолжает хребет Куньлунь. Для древних китайцев эти области были почти недостижимы. Девятиэтажный дворец Матери Запада построен из нефрита. Рядом — персиковая роща. Но персики в ней зреют не простые. Они дают бессмертие. Бессмертные могут путешествовать по всей Вселенной, иногда они достигают отдалённых звёзд. В архивах Ватикана остались свидетельства о депутациях, которые посылали китайские императоры к мудрецам гор. Небесные горы назывались также Куньлунь.

Озарённые души направлялись по воле богов в тот же Куньлунь, ибо здесь находился и рай. Это страна радости. Обычный физический мир соединяется там с обителью богов. А те, кто там обитает, находятся как бы в двух мирах одновременно.

Эти китайские хроники могут поразить того, кто знаком с описаниями Асгарда. На другом конце земного шара скандинавы верили, что в Асгарде расположен чертог радости. У Асгарда два

адреса — земной и небесный, так же, как у всей страны Куньлунь. Чудесная роща Гласир в Асгарде похожа на волшебный сад Матери Запада. Если бы ещё доказать, что в роще Гласир росли именно персиковые деревья!.. Китайские императоры посылали экспедиции в страну богов. Но и скандинавский правитель Свейгдир собственной персоной держал путь в страну Одина и других асов. А страна эта располагалась далеко на Востоке.

Наверное, в эту преображённую фантазией разных народов землю богов с разных сторон света прокладывали дорогу и китайцы и скандинавы. Кто знает точное её местоположение? Пока никто.

Писали разное. Индусы ждут нового спасителя из области Арья варша, что к северу от западного Тибета. В Индии же верят в Белый Остров. Там жили величайшие из йогов. Другие источники дополняют: этот остров был в море, дно которого поднялось и превратилось в пустыню Гоби. Ещё один остров так и называется — Шамбала. Только он расположен посреди нектарного озера. Попасть туда можно, не заботясь о маршруте, нужно лишь заручиться помощью золотой птицы, которая переносит туда путешественников на своих сияющих крыльях. Два европейских миссионера в разное время — в XVI и XVII веках — написали документальные сообщения о Шамбале. Их вывод: это не на территории Китая. А по данным ещё одного европейца, четыре года проведшего в буддийском монастыре в Тибете уже в XIX веке, Шамбала расположена севернее реки Сырдарьи. В начале же нашего века немецкий филолог доктор Франк побывал в Азии и сетовал на то, что проводники его нередко отказывались идти намеченным маршрутом, боясь пересечь запретную границу Терра инкогнита — Шамбалы. Наш соотечественник Пржевальский упоминает эту удивительную страну, которую помещает на острове согласно одной из концепций. Он особо отмечает её природные богатства: золото, реки, почвы, на которых пшеница достигает удивительной высоты. По его словам, молоко и мёд текут в Шамбале. На древних тибетских знамёнах мы видим город Шамбалу в оазисе, окружённом снежными вершинами. На этих же знамёнах показаны водные просторы озера или большой реки. Не потому ли затем местонахождение Шамбалы связывали с морем?

В бестселлере XIII века «Дороги Шамбалы», написанном собственноручно тибетским Панчен-ламой, Шамбала также помещена

в гористом районе, и снежные пики окружают её почти со всех сторон. Без приглашения учителей Шамбалы никто не проникнет туда. Приглашение посылается телепатически. Смельчаки, отважившиеся отправиться в долгий путь сами по себе, встречали пропасти, обвалившиеся своды пещер, лавины, срывающиеся со склонов и перегораживавшие долины своими наносами так, что ни пройти ни проехать. Тех же, кого посвящённые и люди Шамбалы захотят видеть, они принимают на её границах. Это страна великих магов, учителей мира. Монголы и тибетцы видели на заснеженных склонах белых людей высокого роста. В горах Каракорум есть пещеры, где собраны доисторические сокровища. Неизвестные всадники на удивительных лошадях, непохожих на местные породы, на глазах у тибетцев скакали по долинам, затем исчезали в подземных проходах и пещерах. Тибетский лама говорил Николаю Рериху, что народ Шамбалы иногда появляется в мире, давая знаки и вручая отличия и подарки. Когда в конце прошлого века в восточномонгольском монастыре появился глава Шамбалы Ригден Джапо, его немедленно узнали по сияющему лицу. В таких редких случаях все свечи зажигаются сами собой.

Прошло тридцать лет. В двадцатом году нашего века польский учёный Оссендовский, бежавший из России, посетил этот же восточномонгольский храм и беседовал с ламой. Тот сказал ему: «Я знаю, что вы беспокоитесь о своих близких, и хочу за них помолиться. Смотрите на тёмное пространство за статуей Будды, и вы увидите родных вам людей». Поляк оставил в России свою семью и очень беспокоился за неё. Вдруг в струях дыма от курений он увидел свою жену и других родственников на улице далёкого города, где они укрылись от ужасов того времени.

В Тибете известны небесный конь и волшебный камень, который он принёс на своей спине людям. Частица этого камня была передана одному из царей Атлантиды Тамлаву. Все, что рассказано о камне, несомненно, представляет наполовину позднейшие наслоения, то есть легенду. Есть ли рациональное зерно? Не знаю. А есть ли зерно в сообщениях о небесном коне?

В Тибете верят, что с неба упал магический жезл и другие предметы. Это очень похоже на скифские предания. Магический жезл золотой, на каждом его конце — бутон лотоса. Из него вырываются лучи света во время торжественных процессий.

Загадка русской сказки о Беловодье — это загадка Шамбалы. Беловодье расположено на востоке. Но на востоке, по-моему, были племена, названия которых включали в себя слово «белый». Кажется, к ним можно отнести роксоланов. Недалеко от Беловодья, по русским преданиям, есть озеро Лопон. Созвучно имени озера Лобнор к северу от хребта Куньлунь. И поверхность озера покрыта частично лёгкими кристалликами белоснежной соли. Все совпадает. Маршрут немногих паломников шёл через Тянь-Шань. С севера на юг.

История Беловодья, Белых Вод искажена в устных рассказах. Не могло быть иначе. Это древняя легенда. Сохранились свидетельства, что она была хорошо известна на территории Греции ещё в IX веке нашей эры, тысячу лет назад. Живший в византийском монастыре славянин по имени Сергей читал древнюю рукопись о Беловодье, потом вернулся на Русь и рассказал князю Владимиру о неизвестной земле добродетели и справедливости. Это было накануне решения вопроса о будущей религии Киевской державы. И вот в 987 году он дал монаху Сергию людей и послал его искать страну праведных. С нетерпением ждал князь возвращения Сергия. По его подсчётам, чтобы достичь Беловодья и вернуться в Киев, нужно было три года. Но вестей не было ни через три года, ни через пять лет. Спустя двадцать шесть лет в Китае появился старец, назвавший себя монахом Сергием. Только семеро людей в столетие могли войти в пределы чудесной обители мудрых и справедливых, рассказал он китайцам и иноземным купцам, путь которых пролегал затем и через Византию, близкую Руси по новой принятой религии христианства. Шестеро из этих принятых там людей возвращались обратно в мир. Седьмой оставался с праведниками, не старея благодаря потаённым секретам.

Сергий рассказывал удивлённым слушателям, что из Киева они шли два года, добрались до пустынной местности, усеянной скелетами людей и лошадей, а также верблюдов и мулов. Участники экспедиции отказались идти дальше, настолько пугало всех это зрелище. Только двое пошли с Сергием.

Ещё через год они остались в крохотной деревне из-за плохого здоровья. Сам Сергей княжеское поручение ставил превыше всего, и лишь смерть помешала бы ему выполнить это поручение. Он пошёл дальше. Один из проводников убедил его, что знает это царство, имя

которому Земля Белых Вод и Высоких Гор, другие имена: Охранная Земля, Земля Живого Огня, Страна Чудес, Земля Живых Богов.

Три тяжёлых месяца — и они достигли Беловодья. На границе проводник покинул его, говоря о страхе перед стражами снежных вершин.

Измученный тяжёлой дорогой и переживаниями, Сергей остаётся в одиночестве, но продолжает путь. Внезапно на привале появились два незнакомца. Они говорили на своём языке, но Сергей понимал их. Сергия отвели в село. Он отдыхал несколько дней. Потом ему дали работу. Ему показали другое селение, где он был принят как брат. Проходили годы. Он узнал этих людей, терпеливых и добросердечных. Они помогли ему собраться в обратный путь. Решение пришло разумное — отправиться сначала в Китай, где можно было пристать к торговому каравану. В одиночку идти на запад, в Киев, было равносильно смерти. Конец истории неизвестен. Удалось ли Сергию вернуться домой?..

На средневековых картах можно найти царство пресвитера Иоанна. Располагалось оно, по мнению составителей карт, где-то в Центральной Азии, по слухам, сам пресвитер говорил о море песка недалеко от его владений. Ему писали письма, например, папа Александр III. Доктор Филипп должен был доставить это письмо в конце XII века Иоанну. Неизвестно, существует ли хоть одно письмо самого владыки этого загадочного царства на Востоке или это слухи. Как всегда, легенды и устная молва, им помогающая, рисуют сказочную картину: таинственный монарх владел изумрудным скипетром, магическим зеркалом и фонтаном вечной молодости. Сам Иоанн прожил якобы 562 года. Американец Холл писал: «Прежде всего, империя пресвитера Иоанна помещается в пустыне Гоби, где он живёт посреди гор в заколдованном замке. Если вы попросите посвящённых описать этот рай, то они ответят, что он находился в сердце пустыни. В песках Древнего моря расположен храм невидимого правительства мира».

* * *

В тетради Брусникина я нашёл удивительные слова о будущем и мысль о катаклизме: «Звезды показывают новую эволюцию. Вновь к Земле приближается космический огонь. Вновь человечество будет подвергнуто испытанию, чтобы видеть, достаточно ли развился дух». Так или примерно так передавал Рерих мировидение лам. Но ведь о том же, о периодическом истреблении жизни на нашей планете небесным огнём (астероидами, крупными метеоритами), говорили, по словам Платона, древнеегипетские жрецы из города Саиса больше двух тысячелетий назад.

Это вернуло меня к происшедшему с самим Брусникиным. Пуля — лишь копия метеорита. Он, конечно, из породы магов и кудесников. Если бы не редкостное стечение обстоятельств...

А за мной наблюдали большие глаза, их выражение менялось, словно она сдерживала себя, не хотела проявить весь свой интерес к таинственной земле пресвитера Иоанна, являвшейся Шамбалой — чем же ещё?

— Кофе?

— Да. От кофе я никогда не мог отказаться, даже если мне предлагали четвёртую чашку, но я прошу вас ограничиться одной-двумя. Со мной произошла даже маленькая история, подмочившая мою репутацию любителя-археолога. Из-за кофе. Спросили, люблю ли я кофе, потом, как я отношусь к белой стене. На первый вопрос я ответил, что очень люблю. На второй — что к упомянутой стене безразличен. Оказалось — тест из французского журнала. Кофе — секс, стена — смерть. Понятно.

— Белая стена — смерть? Я не знала.

СТЕНА, ДВЕРЬ... ИЛИ ТОННЕЛЬ?

Белую стену замечали давно. Как магический объект. Я призвал в союзники Герберта Уэллса с его рассказом «Дверь в стене».

«Я увидел перед собой листья дикого винограда, освещённые ярким полуденным солнцем, темно-красные на фоне белой стены. Я внезапно их заметил, хотя и не помню, в какой момент это случилось... На чистом тротуаре, перед зеленой дверью лежали листья дикого каштана. Они были жёлтые с зелёными прожилками... Должно быть, это был октябрь. Я каждый год люблю, как падают листья дикого каштана, и хорошо знаю, когда это бывает».

В этом отрывке меня поразило упоминание стены и темно-красных листьев. Почему? Да потому что белое — не от мира сего. Это цвет смерти у многих народов и племён древности.

А темно-красные листья означают то же, как ни странно это на первый взгляд. Красной охрой красили кроманьонцы места погребения. Красный цвет остался на костях погребённых. Красным метили потом гробницы, мавзолеи, погребальные камеры, ниши, склепы, мир усопших. В общем, тот свет, что маков цвет. Короче не скажешь.

И вот я листал давно читанный рассказ. Понимал его я теперь не хуже автора. Придавал ли Уэллс значение сочетанию цветов, красок, знал ли закон трех миров — земного, небесного и подземного, мира мёртвых? Или нет? Не берусь судить. Ведь он биолог, ученик Гексли, автор популярного в своё время учебника в этой области. Откуда же пришли в рассказ приметы неземного?

Вот герой рассказа Уоллес открывает зеленую дверь. Он решается на этот поступок, поборов колебания. «Каким-то совершенно непостижимым образом ему было известно, что отец крепко рассердится, если он войдёт в эту дверь». Вдруг он решается, бежит назад, к двери, мимо которой прошёл, отворяет её, входит, и дверь за ним захлопывается! Он очутился в саду, который потом вспоминал всю жизнь...

«Это был совсем иной мир, озарённый тёплым, мягким ласковым светом; тихая ясная радость была разлита в воздухе, а в небесной

синеве плыли лёгкие, пронизанные солнцем облака. Длинная широкая дорожка, но обеим сторонам которой росли великолепные, никем не охраняемые цветы, бежала передо мной и заманивала все дальше, и со мной шли две большие пантеры. Я бесстрашно положил свои маленькие руки на их пушистые спины, гладил их круглые уши, чувствительное местечко за ушами, и играл с ними. Казалось, они приветствовали моё возвращение на родину. Все время мной владело незабываемое чувство, что я наконец вернулся домой. И когда на дорожке появилась высокая прекрасная девушка, с улыбкой подошла ко мне, сказала: „Вот и ты!“, подняла, расцеловала, опустила на землю и повела за руку, — это не вызвало во мне ни малейшего удивления, но лишь радостное сознание, что так все и должно быть, и воспоминание о чем-то счастливом, что странным образом выпало из памяти. Я вспоминаю широкие красные ступени, видневшиеся между стеблями дельфиниума; мы поднялись по ним на уходившую вдаль аллею, по сторонам которой росли старые-престарые тенистые деревья. Вдоль этой аллеи, среди красноватых, изборождённых трещинами стволов, стояли торжественно мраморные скамьи и статуи, а на песке бродили ручные, очень ласковые, белые голуби».

Читая этот отрывок, я вздрогнул. Опять красный цвет коры деревьев и красные ступени. Как в моем городе. И свет, такой же, наверное, золотистый. Мне казалось: если внимательно читать, то можно найти и описание города с красными стенами дворцов. И я читал. Я нашёл широкую тенистую колоннаду, просторный прохладный дворец, фонтаны. Все это увидел мальчик Уоллес. Потом он играл с новыми товарищами — там было много людей, которые рады были его видеть, были и сверстники. Игры с ровесниками он не запомнил. Его лишь преследовало неповторимое воспоминание о счастье и видение площадки, зеленой травы и солнечных часов — именно там они играли.

До сих пор рассказчик говорил о мечте, о мимолётном счастье ребёнка, рано оставшегося без матери. И мы всем сердцем желали мальчику хотя бы ещё несколько светлых минут в волшебном саду. Но недаром назван инструмент, отмеряющий и время, и счастье — солнечные часы на площадке для игр, обрамлённые цветами.

Появляется строгая женщина с серьёзным лицом. Она манит маленького Уоллеса к себе и уводит его на галерею. Товарищи по

играм кричат ему: «Возвращайся к нам. Возвращайся скорее!»

Женщина открывает книгу, которую она держит на коленях. Женщина сидит на скамье. Мальчик стоит рядом. Он изумлён. Страницы книги оживают, и он видит самого себя. Все свои дни — со дня рождения. Свою покойную мать. Свой дом, детскую, потом — окрестные улицы.

Мы должны представить себе мальчугана, который видит все это не на картинках, а вправду, и с недоумением заглядывает в глаза строгой женщины. Он не знает ещё, что это судьба. Впрочем, об этом он, быть может, и не догадается.

Уоллес видит себя в этой необыкновенной книге в тот момент, когда он топчется в нерешительности перед зеленой дверью: войти или нет?

Приближается поворотный, трагический момент.

— А дальше! — восклицает мальчик.

Строгая женщина удерживает его руку, ведь он хочет перевернуть страницу.

— А дальше! — почти кричит мальчик и отталкивает пальцы женщины.

«И когда она уступила и страница перевернулась, женщина тихо, как тень, склонилась надо мной и поцеловала меня в лоб.

Но на этой странице не оказалось ни волшебного сада, ни пантер, ни девушки, что вела меня за руку, ни товарищей игр, так неохотно меня отпустивших. Я увидел длинную серую улицу в Вест-Кенсингтоне в унылый вечерний час, когда ещё не зажигают фонарей. И я был там — маленькая жалкая фигурка; я громко плакал, слезы так и катились из глаз... Это была уже не страница книги, а жестокая действительность».

Это было мучительное возвращение.

С тех пор он упоминает этот сад в детских молитвах: «Боже, сделай так, чтобы я увидел во сне мой сад! О, верни меня в мой сад!»

Однажды, через несколько лет, Уоллес увидел за грязными, странно знакомыми лавчонками длинную белую стену и зеленую дверь!

Но к этому времени Уоллес стал примерным учеником, он спешил в школу, и у него было только десять минут, чтобы успеть на занятия и

сберечь свою репутацию примерного ученика. Может быть, он хотел потом вернуться сюда, но зачарованный сад найти не просто.

Этого он ещё не знал. В семнадцать лет он увидел дверь в стене, когда ему предстоял конкурсный экзамен в Оксфорд. И опять знакомая уже нам раздвоенность: герой не решается остановить кеб.

Потом он несколько раз видел зеленую дверь, по-прежнему хотел попасть в сад, но ни разу так и не вошёл туда, ибо перед ним открылась другая дверь — дверь карьеры.

Что же дальше?

«Его тело нашли вчера рано утром в глубокой яме, близ Вест-Кенсингтонского вокзала. Это была одна из двух траншей, вырытых в связи с расширением железнодорожной линии на юг. Для безопасности проходящих по шоссе людей траншеи были обнесены сколоченным наспех забором, где был прорезан небольшой дверной проем, куда проходили рабочие. По недосмотру одного из десятников дверь осталась незапертой, и вот в неё-то и прошёл Уоллес».

Это случилось ночью. Уоллес прошёл пешком весь путь от парламента. Упоминание Вест-Кенсингтонского вокзала наводит на мысль, что он шёл здесь не случайно — искал свой зачарованный сад.

Герберт Уэллс заканчивает рассказ так:

«Все вокруг нас кажется нам таким простым и обыкновенным, мы видим только ограду и за ней траншею. В свете дневного сознания нам, заурядным людям, представляется, что Уоллес безрассудно пошёл в таивший опасности мрак, навстречу своей гибели.

Но кто знает, что ему открылось?»

Удивительная концовка. Не верится, что вся история придумана. Белая стена. Красные ступени и дворец, красные стволы деревьев. Белое и красное. Смерть. И бессмертные мечты, бессмертные души.

...После пятой чашки кофе я скомкал очередную беседу. Пора и честь знать. Но я не поехал домой. Добравшись переулками до метро, я затем проехал свою станцию, вышел на «Войковской», свернул налево, где три продолжающие друг друга асфальтовые дорожки через десять минут привели меня в парк Покровское-Стрешнево. Солнце уже село за тёмную линию леса, наверное, его ещё можно было видеть из большой лощины, что на закат от меня. Я стоял перед малым прудом с его тёмной водой, кустами на торфянике близ самой воды. Разделся, нырнул, плыл у дна, где прохладная вода успокаивала, делала тело и

мысли ленивыми. Вверху — ни души. Внизу, в воде — тени, водяная крыса встречала меня на другом берегу. Глаза её как ягоды черники. Бег её свободен и почти невидим. Я подумал, что это хозяйка малого пруда. Снова окунулся. Плыл на спине. Теперь я видел цвет неба, цвет первых звёзд, цвет заката. Мои уши в воде улавливали движение, рыбы всплески, шорохи тростника, потревоженного утиными выводками.

Люблю час после заката. И здесь и на море. И придумал для него название: голубой час. Это самое спокойное время суток.

Ещё два заплыва. И, как в замедленном кино, все во мне и вокруг почти замирает, отдыхает. Потом — несколько глотков воды у крохотного фонтана. По аллее — под мост, по которому иногда спешат поезда! Три дорожки, разделённые одна от другой тихими улицами. Шаг лёгкий, быстрый, кошачий. В такие минуты я готов думать, готов к любым неожиданностям, но могу и просто уснуть, едва прилягу на свою тахту у окна с открытой форточкой.

Руки мои пахнут тиной и травой, когна высохших каштановых волос делает моё отражение в зеркале новым. Глаза кажутся тёмными в полутьме. Моя рука сжимает яблоко. Несколько таких же спокойных минут — и я кладу яблоко на стул. Сон!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
УТРО БОГОВ

БОГИНЯ СВЯЩЕННЫХ ВОД

Не сразу я поверил в это...

На рассвете Жанну, мою двоюродную сестру, разбудило необычное ощущение тепла. Это было мягкое ровное излучение, которое притягивало, манило её к окну. Окно она не занавешивала вот уже несколько дней. Почему — она не знает. Раньше она могла спать только при занавешенном окне. И вот она встала с постели. И в тот же миг негромко вскрикнула. За стеклом ей чудился яркий свет. Но это так и было, это не показалось ей. Из света возникла женщина.

Какая она была?

На ней было голубое платье с сиреневыми отливами. Это были живые светящиеся краски, подчёркивавшие объём. Она рассмотрела её пояс у груди, широкий подол, удивительные сиреневые туфли с золотыми цветами. Она встретила взгляд очень светлых глаз. Они сияли золотом. После расспросов мне стало ясно, что ещё точнее передаёт это необыкновенное сияние сплав электрон, то есть золото с добавкой серебра. Из этого сплава древние отливали удивительные фигурки, и в гривах скифских коней виден каждый волос.

Разница та, что электрон отражает лучи, падающие на него. А глаза этой женщины за окном светились собственным светом. Жанне было страшно. Она молча рассматривала гостью, которая стояла там, за окном, как на паркете, и ноги её не нуждались в опоре. У сердца она держала ребёнка. Он был укрыт светло-голубым. Из ладони поднятой правой руки женщины исходил луч. Может быть, он разбудил Жанну, но сейчас она, женщина, держала ладонь так, что луч миновал её, шёл мимо, вдоль стены дома.

— Не удивляйся, что я пришла к тебе, — негромко сказала женщина, голос у неё был мягкий, низкий, грудной, и лицо её с округлыми, необыкновенно милыми чертами оживало при каждом слове, а на платье неярко вспыхивал свет и как будто проступал внутренний рисунок — то огнецветный, то спокойный.

— Если тебе нравится моё платье, сшей себе такое же, — добавила женщина с ребёнком, взглянула на него, и ребёнок ответил ей улыбкой.

— Да, платье мне нравится, — сказала Жанна. — Скажи, почему ты пришла ко мне?

— Не спеши, — ответила женщина. — Придёт время, и я скажу.

— Я догадываюсь, кто ты.

— Это не тайна для тебя, — подтвердила женщина догадку и напомнила Жанне случай, когда та пожелала зла одной своей знакомой и это исполнилось, к удивлению самой Жанны.

— Не желай другим зла, — сказала женщина.

— Я тогда погорячилась, — слегка покраснев, произнесла Жанна. — Я не могла даже предположить, что мои слова исполнятся.

— Но теперь ты знаешь, что твои пожелания могут исполняться.

— Да, знаю.

У женщины был спокойный, ровный голос, и теперь, когда Жанна знала, кто она, страх её улетучился, было легко, как во сне, но она сознавала, что это не сон, не видение, не наваждение. И когда женщина исчезла, она осталась у окна и молча стояла, словно надеясь увидеть снова обворожительное лицо с ярко-золотыми глазами, мягкими чертами лица, выпукло-нежными губами — лицо женщины, которая так же добра, как и строга, так же тверда, как и пленительна, которая знает о ней все и оттого на душе легче.

Она знала только одно имя этой женщины с ребёнком: Богородица.

Она, конечно, не могла предположить, какой сложной жизнью живут боги и богини, как их изменённые иногда до неузнаваемости имена остаются в памяти разных народов. Получается так, как будто рождаются разные божества в разных землях. Но это чаще всего не так. Под разными именами выступает одна суть, проступают черты мира богов, о котором мы почти ничего не знаем.

Явь, Навь и Правь — так называли славяне три мира. Мир людей. Мир духов. Мир богов. Правь — это и есть Асгард, как бы он ни назывался у других народов. И там райская роща, и древо жизни, и сами боги. Это не сказка, а мировоззрение, выстраданное человечеством. И не бессилие дикаря, а удивительно образное, яркое, неповторимое мышление создало или удержало представления о такой структуре Вселенной. Древние знали о бессмертии души. Они знали об Асгарде, о древе мира, о многом, что дано было ещё великанам саг

и мифов. Миф — лишь форма, самая удачная для того, чтобы преодолеть неверие и пронести знание к потомкам через тысячелетия.

Я лишь намекнул Жанне, что есть двенадцать пространств, тридцать шесть измерений, мы живём в просторном вместилище жизни и разума, таких же, по сути, вечных, как сам мир. Не мог разум возникнуть вдруг, после бесконечного числа материальных, косных витков. Он был всегда, он лишь странствовал. Все бесконечно в мире, почему же разум и жизнь должны быть конечны? Есть круговорот. Ибо любая конечная величина и длительность бесконечно малы по сравнению с бесконечным во времени миром. Но есть локальные миры. О них нет речи.

Правь — это особое пространство. Явь — другое, Навь — третье. Есть возможность перехода из одного в другое пространство, и если НЛО с их экипажами владеют двумя пространствами, переходя из одного в другое, то боги владеют по меньшей мере тремя. В их власти больше шести измерений. Во власти человека лишь три — длина, ширина и высота. Человек не может исчезнуть, богиня может. Тогда у окна она чуть отошла, сказала два-три прощальных слова, как бы отстранила окно рукой, и её не стало. Жанна так и сказала: «И вдруг её не стало, была и нет!»

Общая схема такова: боги — инопланетяне — люди. Мифы людей не оставили в их памяти инопланетян или почти не оставили. Боги же остались в них. Это высшая цивилизация нашего мира. И боги обращались к человеку, к людям. Давным-давно и недавно. Всегда. Но их воздействие чаще всего было незаметным, постепенным, мягким, ведь человек должен выстрадать самостоятельно свою судьбу, усвоить уроки, даже кровавые. Попробуйте все делать за людей — и вы лишите их рассудка. Попробуйте дать им только добро — и они превратят его по неведению в зло. Вооружите их только благим — и они вымосят благими пожеланиями дорогу в ад.

Боги являются редко. Чаще — на поворотах метаистории, на стыках тех отрезков времени, которые можно назвать эрами.

В новой эре Водолея христианство изменится, оно будет включено в общую систему взглядов, потому что оно отрезало многое из древнейших удивительных знаний, ограничило кругозор, переименовало древние божества, отбросило их многоликий мир, оставив лишь небольшую часть. Я просил Жанну узнать у женщины

другие её имена. И она узнала. Это была Анахита. Богиня священных вод ариев, покровительница героев. Я просил узнать, не была ли она раньше Роженой, о которой знали ещё кроманьонцы. И она узнала: да, была. Только звучало это немного иначе, чем я предполагал, а именно: Рожана. Я готов к этому, ведь у Одина в «Эдде» тоже много имён.

Она являлась Жанне несколько раз.

И я рассказал ей, как боги могут переходить из одного пространства в другое. Инопланетяне знают, должны знать о богах, самой высокой цивилизации в нашем локальном мире. Правда, не все. Они могут даже очень часто отрицать их существование, как это делаем мы временами. Насытившись, сделав жизнь достаточно беспроблемной, они не нуждаются в богах, в их осторожном совете, в их мудрости.

Вот почему боги чаще обращены лицом к человеку, чем к экипажам, будоражащим Землю своими налётами с отдалённых планет.

ЮГОСЛАВСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Напрасно искать в церковных анналах указания на многие из таких явлений. Церковь боится мистики не меньше, чем нынешняя наука, и их роднит тот консерватизм, который основан на узости кругозора, на боязни вторгаться в сферу живых событий и фактов. Вот почему события в Герцеговине, в Югославии, начавшиеся летом 1981 года, остались неизвестными даже многим верующим и, само собой разумеется, необъяснёнными. 24 июня того года произошло следующее.

Вечером пятнадцатилетняя Иванка Иванкович и шестнадцатилетняя Мирьяна Драгичевич из села Бьяковичи, что расположено в Междугорье, гуляли за околицей. Неожиданно у холма, именуемого Подбрдо, Иванка увидела светящееся облако, которое плыло над каменной россыпью. А затем в облаке возник образ молодой женщины примерно восемнадцати лет, несказанно прекрасной. На ней было светлое платье с белым покрывалом, на голове — корона из звёзд. Её ноги в светлых туфлях с золотым рисунком не касались земли. Иванка воскликнула: «Это святая Дева!» Мирьяна возразила: «Не может быть!» Их охватил легко объяснимый испуг. Они побежали в своё село. Но тут же, встретив своих знакомых Вичку Иванкович, Милку Павлович, Ивана Иванковича, Ивана Драгичевича, рассказали им о случившемся и вместе с ними вернулись к холму. Иванка снова увидела женщину с короной из звёзд первой. Остальные замерли. Они тоже увидели женщину в светлом платье над подножием холма Подбрдо. Страх заставил их вернуться в село, где никто не поверил их рассказам. Только сестра Вички Иванкович сказала: «Ты, наверное, видела летающую тарелку».

На другой день, ближе к вечеру, шестеро парней и девочек вместе с двумя взрослыми отправились на то же место. Ещё по дороге Вичка обратила внимание на вспыхивавшие небольшие зарницы. Потом они увидели женщину. Упав на колени, девочки и юноши молились. Взрослые остались стоять, ничего не понимая. Они просто не видели ничего необычного. Дева осталась невидимой для них.

На этот раз вместо Милки, которую не пустила мать, пошла её старшая сестра Мария. Потом, правда, Милка сама приходила на это место не однажды, но никого не видела. Не было на второй день и Ивана Иванковича. Но к группе присоединился Яков Чоло. И этим шести Дева являлась каждый день.

На третий день был виден свет у холма. Группа отправилась туда. Оказалось, что свет видели даже в городке Читлуке за семь километров от села. У холма собралась толпа в три тысячи человек. Люди старались быть ближе к детям, чтобы прикоснуться к ним и увидеть чудо. Иванка и Мирьяна едва не лишились чувств, так их сдавили. Но все обошлось. Установился вдруг порядок. Дети молились. Молились и взрослые. Вичка пришла сюда с бутылкой святой воды. Она стала кропить видение, повторяя:

— Если ты настоящая Дева Мария, оставайся с нами, а если нет, уйди.

Дева улыбнулась, когда Вичка сказала это. Иванка решилась спросить о своей матери, которая скончалась два месяца назад. Дева Мария успокоила её, сказала, что мать Иванки сейчас там же, где и сама Дева. Это известие было встречено с некоторым недоверием, ведь мать Иванки не давала повода записывать её в святые, совсем наоборот. Дева Мария исчезла в тот день со словами: «Мир вам, примиритесь все между собой!» И тогда появился свет, который видели все — и дети, и взрослые.

На четвёртый день утром из Читлука, того самого Читлука, где был виден накануне свет, собравший людей, нагрянула милиция и увезла детей на допрос, а потом к психиатру доктору Вуевичу. К его чести, он нашёл их вполне здоровыми. Их повезли в город Мостар. Там детей ждала новая экспертиза. Но и здесь их признали психически нормальными.

После поражения, которое они нанесли ретивым служакам, дети вновь были на холме. Вечером того же дня. А в воскресенье с ними были пятнадцать тысяч человек из многих сел и окрестных городов. Царил порядок. После встречи с Богородицей жители села Бьяковичи выкатили бочонки с вином и угощали соседей-паломников.

13 июля милиция добралась до холма. Там дежурил наряд. Явления прекратились. Но Марию видели в окна домов, она появлялась на лесных полянах, недалеко от церкви. 2 августа люди

увидели, как солнце сходило со своего дневного пути, меняло размеры, удалялось и приближалось. Это сопровождалось приступами страха, молитвами, плачами, возгласами. Были собраны показания свидетелей, составлен протокол. В нем говорилось, что светило меняло форму, иногда становилось похожим на сердце или его окружал светящийся контур сердца. Четыре дня спустя в небе можно было прочесть слово «мир». В конце сентября милиция ещё оставалась на холме. Под её неусыпным надзором холм преобразился — над ним не происходило ничего чудесного, равно как и в ближайшей округе, рвение ретивых было удостоено похвалы. Но 28 сентября близ каменной осыпи из-под земли вырвался столб огня. В селе это видели в течение четверти часа. Милиция немедленно вызвала пожарных, которые не обнаружили тут ничего

— ни огня, ни пепла, ни даже горячих камней. По настоянию властей был произведён обыск всей местности. Ничего! Только на горе Крижевак, где ещё сорок с лишним лет назад был установлен бетонный крест, появился свет, крест исчез, а вместо него возникла вдруг светящаяся колонна с перекрестием, напоминая букву «т». И на этой колонне многие видели женский силуэт. Над вершиной сгущалось облако, из него снова появлялся крест.

Отец Йозо Зовко, недавно назначенный в этот район, был настроен крайне скептически. Затем он увидел Марию вместе с детьми. И прочитал проповедь об исходе Израиля из плена после сорока лет блужданий по пустыням. Как раз в тот год исполнялось сорокалетие социалистической Югославии, и проповедь, в которой то и дело упоминались сорок лет рабства и тьмы, показалась подозрительной, хотя, как следовало из текста, рабство это относилось к эпохе Древнего Египта. Эти подозрения были подтверждены справедливым судом, который приговорил отца Йозо Зовко к трём с половиной годам заключения. После этого были конфискованы все протоколы и письменные записи о появлении Девы Марии в этом районе. Прошло всего полтора года, и энтузиастам удалось доказать, что проповедь святого отца имела в виду египетский плен и неволю. Йозо Зовко получил свободу, но газеты обвинили его в том, что именно он сфабриковал все эти световые эффекты, а заодно и пресвятую Деву Марию, пытаясь разжечь фанатизм и подорвать дружбу народов страны.

При телесъемке выяснилось, что движения зрачков у очевидцев во время явлений происходили синхронно, они одновременно были обращены к одной общей точке. Один из архиепископов был у Папы Римского по этому делу и пытался убедить его, что наблюдаются массовые галлюцинации. Папа Римский посоветовал архиепископу аккуратнее выбирать слова для характеристики таких событий. Аудиенция на этом завершилась.

Вичке и Якову Мария показывала рай и ад. При этом оба исчезали на двадцать минут, затем появлялись вновь среди очевидцев. Отмечено: Мария могла являться одновременно в разных местах и вести беседы о мире и вере с разными детьми, и каждый из них вёл свой разговор с Девой.

Но в общем все эти беседы рассчитаны на подготовку обычных верующих, они не выходят за рамки их представлений и потому вполне понятны им.

Мне же открылись сведения о других именах Марии. Я проследил её небесную жизнь до малоазийской богини Анатис-Анаитиды, даже до кроманьонской богини Рожаны. Христианство, как узкая вера, на грани преобразования. Это не будет означать гибель идеи. Отнюдь. Наоборот, они найдут подтверждение. Но в рамках новых представлений о богах, существенно расширенных. В рамках новых представлений о Городе света, где они обитают. Раньше я говорил, что христианство отомрёт. Это неверно. Оно будет частью нового мира веры и света. Я знаю, что Дева Мария, она же великая Анахита-Анатис-Рожана, сейчас думает о великих преобразованиях. Страны изменяют облик по воле города богов Асгарда. Новый великий пророк на руках у Марии, у её сердца. У неё новые идеи. Она управляет рождением новой эры — эры света, изменённой и расширенной веры, эры Асгарда, эры Водолея.

ЗНАЮ ИМЕНА, ВИЖУ ЕЁ...

Золотоглазая, тёмные с золотом брови, волосы с сердоликовым неярким блеском, пленительные мягкие черты лица, как на этрусской фреске, изображающей ритуальную сцену вбивания гвоздя в священную стену храма, — такой я увидел её.

Статная и рослая, она спокойно стояла на фоне пробежавших в четыре ряда автомобилей, но в её лице я не нашёл ничего классически надменного или строгого, я не увидел в нем того, что можно было ожидать, читая книги или рассматривая репродукции средневековых мастеров. Удивительное обаяние этой рослой крупной барышни с чарующей грацией во всем заставило меня сначала онеметь от изумления, потом задать какой-то нелепый вопрос, на что она так улыбнулась, что лёгкое движение её губ было заметно лишь потому, что я овладел собой и ожидал этой её почти неприметной реакции.

Я заранее позвонил в кафе.

Она шла чуть впереди меня, и так естественно это получалось, что я следовал за ней, как будто привык давным-давно сопровождать богинь.

Я успел распахнуть дверь, но мне было непонятно до конца, как это произошло, ведь я только к ней прикоснулся.

Мы прошли в конец небольшого зала, сели за столик с табличкой «Занято», удивительно быстро подошёл обычно нерасторопный знакомый мне официант с вечно припухшими веками. Подал меню. Я вопросительно посмотрел на неё. Она сказала:

— Немного фруктовой воды.

При звуках её голоса официант вздрогнул. Голос у неё низкий, грудной, негромкий, но тембр его неповторим, повеления, отдаваемые женщиной с таким голосом, невозможно не выполнить, просьбы — тоже. Но это была не просьба и не повеление, вопреки смыслу её фразы. Просто — констатация факта, заранее, до того, как все произойдёт.

Официант отошёл, споткнулся, но, кроме нас, некому было заметить это, в кафе в этот час было почти пусто: двое-трое мужчин, парочка и пожилая чета. В том повинно и более чем скромное меню.

Но я не смог бы воспользоваться обещаниями любого меню, не до того было. Это кафе стало убежищем для нас. Так я думал. Но потом рассудил, что и на улице при её таланте владеть ситуацией, обстановкой наша встреча не выглядела бы слишком притягательной для чужих глаз. Только поведение официанта Кости казалось мне странноватым, но ведь он меня знал — знал давно! Не ожидал увидеть меня здесь с такой вот барышней, а может, вообще таких себе не представлял, или просто вдруг очнулся, проснулся.

Она слегка сдвинула брови. В ту же минуту официант принёс кофе, воду, конфеты, пирожное, бутерброды с копчёной колбасой, ещё что-то. Но как он изменился! Теперь он был тем Костей, которого я знал всегда. Никаких отклонений от нормы. Она лишь пригубила бокал.

Боги как люди — они рождаются, страдают, радуются, влюбляются. Но не так, правда, как мы. И все же они нас понимают, знают наши слабости, они снисходительны к ним, если расположены к вам. Это успокаивало. Я не скрывал своего восхищения. К чему? Это на всю жизнь. Я говорил с ней и смотрел ей в глаза, её спокойствие помогало, утешало, проясняло без слов её краткие ответы, для непосвящённого похожие, наверное, на ребусы. Во время этого невозможного, невероятного разговора я вдруг понял, что в ней главное. Это полное соответствие её внутреннего мира и её внешности. Мне даже показалось, что если кто-нибудь из смертных достигнет того же, то он только благодаря этому станет сам равен богам. Но это, увы, недостижимо. Недостижимо!

Я назвал её имена. Сюр — её имя у ванов, его я нашёл в «Младшей Эдде». Это от имени Ардвисура, от второй части его. Потом было реконструировано новое имя: «Мать-сыра земля». Вторая его часть включила имя богини ванов, правда, переосмысленное. Это народная этимология.

Возможно, в самом имени сарматов те же созвучия.

Она молчанием одобрила некоторые из имён и молчанием же, но другим, более длительным, отвергла другие.

На ней была мантия из светлой материи, но она казалась живой и светилась голубоватыми, едва вспыхивавшими бликами. Может быть, она отражала посторонний свет. На плечи её была накинута лёгкая кофейно-жёлтого цвета шубка. Накидка на голове была украшена

круглыми жёлтыми и голубыми светящимися камнями, такие же камни были на её туфлях.левой рукой у сердца она держала ребёнка, удивительно послушного, иногда улыбавшегося. Как это ей удавалось — держать его так, чтобы он не привлекал внимания во время нашей встречи? Не берусь судить. Он казался частью её самой.

Я узнал, что Багмашту, богиня Урарту, её родная сестра. Я задавал ей вопросы о богах. Она сказала:

— Не спеши.

Добавлю, что я узнал от Жанны.

Она являлась ей в голубой накидке с фалдочками, отороченной белой парчой с золотыми виноградными листьями. В белых туфлях с золотым орнаментом. И на головной накидке и туфлях всегда были одинаковые камни — жёлтые и голубые, размером с черешню.

Однажды она видела её в чёрном с красной каймой, на чёрной накидке под дугообразно расположенными обычными её камнями густым багровым светом горел пятигранник рубина. Это было перед смертью нашего родственника, о которой Анахита-Богородица предупредила за три дня.

— Я знал тебя раньше, — говорил я ей, — понимал, что мне помогает именно женщина, может быть, такая, как ты. Тебе идут парфянские цвета: красный, белый, чёрный. И небесный голубой, и жёлтый, я могу представить тебя в любой одежде. В восемьдесят третьем я ещё был глух и незряч. Хотя в сентябре два поезда прошли мимо меня так, что навсегда остался след. Это посвящение, так?

— Если бы ты не обратил на это в дальнейшем внимания, то считалось бы случаем.

— Но я обратил на это внимание. Значит, да. Но тогда... у меня было дело. Мне казалось, что Город света хочет отнять у меня знание о нем. Так же он поступал с теми, кто возвращался к нам после клинической смерти. Казалось: нет для этого лучшего способа, чем заставить меня писать роман об атлантах и этрусках, которые были спасены сверкающими инопланетными кораблями, доставлены на пустынные планеты другой звезды, а потом вернулись на Землю и ведут невидимую со стороны, незаметную для людей войну с применением волнового оружия. И я как бы участвовал в этих событиях. Война шла за памятники прошлого, за искусство. Я

истолковал эпизоды на железной дороге как доказательство незаметной, но страшной войны.

— Так и было. Но не с этрусками и атлантами, а с их потомками.

— Теперь я понимаю. Свет и тьма. Две силы. Тактика тёмных ясна: произносить бесконечные слова о добре, заговаривать зубы, потом — перегрызть горло. Сначала было иначе: проповедь абстрактного зла и абстрактного добра, затем пули и виселицы для конкретных людей. Но это в прошлом. Сейчас нужны овцы, ещё более одинаковые, чем некогда показательные борцы с абстрактным злом. Тёмные силы стремятся, чтобы о явлениях и поступках судили по словам, тогда страшные дела незаметны, или малозаметны, или извинительны с точки зрения благодушных добряков, которые своей лёгкой критикой создадут необходимый камуфляж. И все привыкнут. Ещё в том самом романе я говорил о необходимости для светлых полутьмы вооружиться. Но не против слов. Они теперь однотипны, одинаковы, у тёмных приятных слов даже больше, ведь они не собираются выполнять ничего из сказанного, все как бы само собой происходит наоборот. Оружие против дел и поступков. Конкретных. Вот что нужно. Скорее всего, оружие будет предложено самими тёмными. Но окажется незаряжённым, недействительным. Снова маскировка. Вооружение должно быть настоящим. Может быть, я не зря тогда думал об этом.

— Не зря, — как эхо откликнулась она негромко. — Я знаю, что ты имеешь в виду.

Полутень делала её менее приметной, и лишь я, верно, замечал иногда мелькание луча от её правой ладони с длинными тонкими пальцами, отражение бликов от полированного стола, жёлтые и голубоватые искры в самоцветах её украшений и амулета на стройной беломраморной шее. Что это я разговорился о добре и зле? Эта драма ей хорошо известна. Потому и длится она тысячелетия. Ахура-Мазда, чьё тело — огонь, и его боги противостоят Ангро-Майнью и всем силам зла.

В кафе заходили новые посетители. На нас оглядывались, она повернулась вполборота к проходу между столиками.

Я не смогу передать моего состояния, когда я понял, что ей пора уйти. Немногие её слова помогли мне, но ещё больше значил её голос. Я увидел Анахиту. А это стоит жизни, если не более того. Она с чарующей грацией взяла бокал и держала его у своих губ. Тогда я

прочёл стихи в её честь. Я не искал рифмы, только смысла. Это было чистосердечное признание в любви, если только слово «любовь» понимать так, как понимаю его я.

Есть глаза-самоцветы, что солнечным Светом полны.

Глаза Анахиты сияют собственным Светом, как звезды, Как розы небесные!

Только не хватит сравнений, В Асгарде цветов не хватит С их ароматом, Под золотыми кронами рощи Гласир, Чтобы оттенки глаз богини Запечатлеть.

Волна живых волос Лучиста. Нет слов — Ищу слова.

Пусть тайна умирает Со мной. Но перед смертью хоть раз — Прощу тебя, пресветлая богиня Анахита, Пленительнейшая из богинь, Прижми ступнёй своей покрепче Мне щеку и глаза к горячему песку и праху.

Надеюсь, ласку эту я заслужу, Как милость.

...Ты хочешь всего сразу. Пока же ты узнаешь ещё три имени богини: Багбарту, Афродита, Царевна-Лебедь. Ты угадываешь их по порядку. Багбарту — супруга урартийского бога Халди, об этом свидетельствуют ассирийские записи. Афродиту чтили греки, сама же богиня из Малой Азии, до сих пор не было известно, что означает её имя. Теперь ты знаешь: оно означает то же самое, что и третье имя, ставшее тебе только что известным: Царевна-Лебедь, Богиня-Лебедь. Лучшая награда за твою проницательность — едва заметная улыбка. Ты у истоков знания о богах, ты знаешь то, чего не знают люди. Знаешь: Фригг тоже она!

Она сообщает имена трех гениев-деканов Водолея, объясняет тебе сокровенный смысл звезды Соломона, называет твои цветы и цветок амаранта. Для тебя звучат имена трех ангелов, несущих справедливость, исцеление, силу Бога; имена Духа прорицания и Духа познания Вселенной. На её открытой для тебя ладони ты видишь, как проступают четыре знака Духов добра и потом — четыре фигуры твоего талисмана, твоей вечности.

Она говорит о грядущей эре Водолея, эре добра и радости, и раскрывает тайну пантакля. Наконец, ты слышишь от неё главное: у человека действительно три души, как это хорошо знали в Египте.

Её рука с живым аквамаринным камнем, оправленным в серебро, поднялась. Лёгкое отстраняющее вас движение — и её нет!

...Вечером я позвонил официанту Косте.

— Все нормально?

— Да.

— Спасибо за столик на двоих.

— Ты... ты был один.

— Совсем один?

— Да... рядом с тобой был свет, как от прожектора, я даже испугался, побежал на улицу, окно тоже светилось.

— Что это было?

— Мне кажется, рядом остановился фургон. Но когда я вышел, он тронулся. А когда вернулся — света уже не было.

— Костик, жучок ты мой серебристый, ещё раз спасибо за столик, так надо, мне нужно было подумать. Побывать одному, понял?

А рано утром прозвучал в моей голове её голос.

— У тебя есть пожелания?

— Есть. Хочу в Данию.

— Собирайся в дорогу.

Я поднялся с постели. Мне хотелось её снова увидеть. Но я не посмел просить об этом. Умылся. Медленно пил чай с ломтиком лимона.

Медленно прозревал. Богиня-мать и богиня священных вод Асгарда явилась сама. И это было выполнением того моего желания, о котором я мог только мечтать. Но боги являются не так, как люди...

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

В тот же день позвонил мой друг профессор Паньшин, с которым мы когда-то учились в аспирантуре, а затем я стал экспериментировать над собой, а он — просто жить.

— У тебя есть пожелания?

— Есть, — я вздрогнул, услышав тот же вопрос от него. — Хочу в Скандинавию, желательно в Копенгаген и окрестности.

— Собирайся в дорогу.

— Не разыгрывай.

— Спеш! Сегодня у меня должен быть твой паспорт, фотокарточки, заметь, любые фотокарточки, даже если тебя снимали в спортивном костюме или в майке, понял? Анкету заполнишь в три минуты.

— Все при мне. Растолкуй, что случилось!

— В нашей небольшой группе не хватает учёного и писателя, открывшего Асгард.

— Тогда согласен. Выезжаю.

Так я попал в самолёт, вылетающий рейсом Москва — Копенгаген. Игорь Паньшин, его супруга Иветта, ещё несколько человек по воле международного центра со сложным названием заняли в нем места. Я летел с ними по линии того же центра, но по воле пленительнейшей из женщин с голубыми камнями неба и Водолея и жёлтыми — Солнца на её светлых туфлях.

Летели примерно по древнему пути асов.

Разве что севернее. Иветта и Игорь терпеливы и снисходительны, когда я начинаю рассказывать о цивилизациях и богах. Ну а в этот раз им ещё и некуда было деться — места рядом.

— От Древнего Египта не так далеко до Асгарда, — говорил я. — Знаете, друзья, несколько лет назад я был поражён, когда обнаружил, что в Персии звезда Сириус пьёт воду, а потом идут дожди, это миф, а в Древнем Египте тот же Сириус предвещал разлив Нила. Про египетский Сириус хорошо известно. Эту звезду там называли Сотисом. Один только раз за 1461 год утренний восход Сотиса над городом Мемфисом происходил одновременно с началом разлива

Нила. Этот день египтяне сделали началом солнечного года в 365 дней, который почти без изменений дошёл до нашего времени. Я имею в виду его продолжительность. Это важное событие! О четырех таких восходах Сотиса остались записи Цензорина в Риме, первый из них случился в 4241 году до нашей эры. И вдруг я нахожу древнеиранское свидетельство о вере в птицу, относящую семена различных растений к источнику. Из этого источника пьёт дожденосная звезда Тиштрийя, она же Сириус, потом с дождями семена возвращаются па землю. Та же история, что и у египтян, ведь разлив Нила был предвестником урожая. У древних иранцев нет Нила, но есть вода, дождь, растения, Сириус. Это работа народной памяти и фантазии, а в её начале — египетские данные. Откуда они в древней Персии, в Парфии, в Асгарде? Как пришли из Африки? Объяснить это войной, которую вели персы против Египта, я не могу. Совпадение очень давнее. Не значит ли все это, что был какой-то общий источник знаний о Сириусе, о его значении, который и направил мысль египтян в нужном направлении? Учёные не задумываются, почему вдруг египтяне обнаружили и ввели в систему событие, которое повторяется раз в 1461 год, то есть практически не повторяется вовсе. Такой период не привлекал и не мог привлечь внимания, нет ничего похожего в истории. Как понять?

Для меня это прямое доказательство, что был предыдущий виток цивилизации, оборванный древним катаклизмом, катастрофой, от того, первого витка, кое-что перешло к потомкам.

Но ещё раньше, чем мои друзья успели разобраться в этом, мы совершили посадку в аэропорту Копенгагена.

ЭЛЬСИНОР

Трое обходят зал ожидания вокзала в Копенгагене. Тут магазины, лотки с фруктами, бистро, буфеты. Ни одной очереди. Прямо на каменном полу — две девушки, просто одетые, в руках бутылки пива, рядом на хозяйственной сумке — бутерброды. Что ж, они простые люди, едут куда-нибудь в Хельсингор, где жил когда-то принц Гамлет. И куда едут трое, на минуту остановившиеся недалеко от девушек. Эти трое — Игорь Панышин, Иветта и я.

Сначала Иветта интересуется ценами. Корзиночка свежей клубники — шестнадцать крон. Килограмм апельсинов — пятнадцать крон. Три кокосовых ореха — пятнадцать крон. Мандарины — тоже, как и полкило авокадо или полкило мяса. Эту сумму начинающий молодой ученик на любом заводе или фабрике зарабатывает за пятнадцать минут рабочего времени. По закону никому не имеют права платить меньше. Шестьдесят крон в час. Это минимум.

Садимся в вагон с теми же девушками. Солнце. Хельсингор — так сейчас называется Эльсинор. Уже нет и в помине старого замка, где упоминаемый в датских хрониках Амлет, он же Гамлет Шекспира, задавал себе роковой вопрос: быть или не быть? Но за старыми валами высятся стены и башни более позднего времени. Это Кронберг. Датская твердыня напротив шведского берега.

Ты взбегаешь на холм, спускаешься к проливу Эресунн. За спиной седые стены и крыши Кронберга, впереди синяя вода. В ноябре здесь цвет моря такой же, как летом в дальневосточной бухте Нагаева — у берегов твоего детства. Ты можешь определять температуру воды по цвету. Холодно-синий цвет обещает только пять — десять градусов. И если в бухте Нагаева, где на дне вечная мерзлота, ты входил в воду и плыл, обжигая тело холодными струями, то здесь ты размышляешь, медлишь. Плавки с тобой. Тебя не пугают семь градусов. Но здесь нет пляжа. Жаль. Ты теперь коллекционируешь моря и проливы, в которых купался. Нет ни грибков, ни кабины для переодевания. Но не только в этом дело.

Шведский берег не просто виден — до него рукой подать. Дома, набережная, улицы. Пролив Эресунн пересекает катер. Чуть дальше —

теплоход. Войдёшь в воду — тебя спасут. Хорошо, если датчане. А если шведы?

Ты откладываешь это мероприятие. Друзья будут волноваться. Нужно хотя бы на время оставить свои дальневосточные штучки. Стой на берегу и рассматривай Хельсингборг — город на шведской стороне Эресунна, имя которого звучит почти так же, как города на датском берегу. До Швеции пять километров.

Примерно такая же ситуация напротив Копенгагена. Там до шведского берега, правда, дальше — восемнадцать километров. Но берег виден. И многие ездят из шведского города Мальмё в Данию на работу, а вечером возвращаются домой.

Современный Эльсинор дремлет. Здесь нет уже бастионов, где когда-то прохаживались моряки с заряженными ружьями. Нет и парусников, намеревавшихся проскочить мимо берега без пошлыны. Нет поблизости и стоянок викингов, оставивших на память нам свои корабли в заливе Роскильде, на морском дне. Там, в музее, сейчас застыли четыре корабля, недостроенных археологами: не хватило ископаемого дерева, длинных досок, из которых гнули борт. Ты вспоминаешь Треллеборг. Там сохранились зеленые валы и четыре улицы — перекрестие знаменитой фигуры кельтов, перешедшей к ванам и асам, к их потомкам викингам. Ты вспоминаешь кельтский крест, сохранивший тебе жизнь из-за невероятной случайности, которая унесла другую жизнь вместо твоей. Но нет приобретений без потерь и потерь без приобретений. Жизнь дарована, отнят Асгард. Но асы знают тебя. Ты когда-нибудь вернёшься к ним. И уж наверняка после битвы с чудовищами, которая ещё не закончена и в которой ты на стороне светлых асов, ты окажешься на земном Идавелль-поле, похожем на небесное.

Неотвратимая грусть. Солнце сияет над Треллеборгом, и над Эльсинором, и над Роскильде. Но это осеннее, дремлющее солнце. Его лучи прохладно-спокойны, как сама мудрость. В голове так ясно, что становится не по себе. Этот синий пролив, подобно реке, впадает в Лету, берег которой тебе чудится.

Ты взбираешься на холм, возвращаешься к мирным башням Кронберга, под которыми плавают в пресной серой воде утки. Ты идёшь с друзьями по аллее, вдоль двух линий кустов шиповника, к центру города, где на торговой улице тебя встречает изобилие,

материализовавшееся здесь ещё до окончания твоих походов с асами против сил зла и тьмы. Ты видишь всевозможные сорочки, галстуки, женскую одежду, включая и такую, какую ты никогда не видел. Ты затравленно озираешься по сторонам, вспоминая минуты одиночества, только что утраченные. Ты уходишь в себя, но ненадолго. Ты обращаешься к солнцу, но тщетно.

Ты говоришь с миловидной продавщицей о жизни, своей и её, она слушает внимательно, сдержанно, по-северному улыбаясь, и никто не мешает этой беседе, потому что покупателей нет. Они вымерли в Дании как вид. Остались только магазины и продавцы. Всего триста москвичек разнесли бы этот рай в пух и прах за два дня. Я выражаю заочную солидарность с ними: они натерпелись, пока поколения функционеров и депутатов наполняли и наполняют товарные вагоны сводами законов и поправок.

Друзья берут тебя под руку. Пора на вокзал. Остановившееся время снова начинает свой бег. Вот и поезд до Копенгагена. Он подобрался крадучись. Его вагоны выкрашены в красный цвет богов Асгарда, но никто из его пассажиров не догадывается о том, как властно, но не броско магия калачакры напоминает о себе.

Ты обедаешь в бистро на том же вокзале, откуда началось твоё небольшое путешествие сегодня утром. Пробираешь сосчитать количество буфетов и магазинов в зале ожидания. Это почти невозможно. На этом вокзале можно жить годами, никуда не выходя за его пределы. Но экономическое чудо здесь настигло народ внезапно, в пятидесятые годы. Тогда все началось. Здесь растили коров, пока в хорошо знакомой нам стране их загоняли в общественные стойла, где они беспомощно мычали и подышали не востребуемыми своими бывшими хозяевами, лишёнными кормов, земли и самого права держать крупный рогатый скот, а вместе с тем, следовательно, и рожать детей. Здесь растили свиней, как и в других странах, тогда как в той же единственной стране поднимали сначала простую целину, выгружая урожай на обочины и под открытое небо, а затем голубую целину. Здесь выращивали и выращивают овощи, но в отличие от известных нам регионов их отвозят в хорошие хранилища, а не оставляют три четверти урожая в земле, а последнюю четверть, собранную вручную мобилизованными в городе людьми, доставляют в такие хранилища, где их уже никто никогда не увидит спустя всего два

месяца. Здесь строили и строят элеваторы, тогда как иные используют в качестве хранилищ асфальтированные площадки под открытым небом и предпочитают повышать урожайность и дальше, но не строить элеваторы. Здесь много чудес и отклонений от нормы, к которой ты почти привык вместе с другими. Здесь, например, никто не призывает людей хорошо работать, об этом молчат газеты и журналы, но многим ясно, что сознательный человек в справедливо устроенном обществе сразу же начинает работать с утроенной энергией, едва только прочитает призыв или слышит речь бессменного оратора, который указывает, как не на словах, а на деле следует доказать свою верность идеям — сначала одним, потом другим.

Особенность же происшедших в бедной Дании метаморфоз, начавшихся в пятидесятых годах нашего столетия, в том, что она достигла по уровню жизни России начала века, где один-два килограмма парного мяса стоили одного часа работы на заводе или фабрике. А хороший костюм — одного дня. Ты не можешь вместе с другими вычеркнуть это из памяти. Ты вспоминаешь сей факт в раннем поезде после бессонной ночи. Потом — прогулка...

Одет в туманы И укрыт рядниной облаков, Стою у окоема, Зарю встречая. Наклоняясь, Вижу волны трав седых.

Надо мной седая же глава Творенья мирового — Древа Мира.

И выше, в синеве, в разводьях неба Полет двух крыл, невидимый другим.

И только после — пурпур, взлёт зари, Смывающие седину, И светлый меч, пронзающий миры и океаны!

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА ПАНЬШИНА

Профессор назвал все это саморегулированием, саморегулирующейся системой. В качестве примера отсутствия такого регулирования он вспомнил поездку в Чехословакию летом восьмидесятого с обязательной культурной программой. Гид возглавляемой профессором группы вечно путал пункты этой программы, водил их в музеи, когда они были закрыты, в магазины не по карману, в кафе, которые не были нужны из-за обычной туристской диеты. Однажды молодой рассеянный гид, типичный продукт нерегулирующейся системы периода пресловутого аппарата, повёз их на экскурсионном автобусе в театр. Они приехали туда за тридцать минут до начала представления, вполне совместимого с идейной убеждённостью зрителей. Начали рассаживаться. Женщины группы, нарядные, причёсанные, светились и собственным и отражённым светом хрустальных люстр. Пахло французскими духами. Некоторое время туристы испытывали неловкость от того, что они расселись по своим местам раньше всех. Однако гид всех успокаивал и обещал интересный спектакль. Не хочется называть его имени. Положим, его зовут Иржи. И вот появились другие зрители. Просачиваясь постепенно между рядами, они стали останавливаться у занятых кресел, тщательно рассматривая свои билеты, а затем и претендовать на эти кресла. Иржи вёл себя сдержанно, как и подобало представителю командно-административной системы в присутствии друзей и посланцев другой такой же системы. Непокколебимая уверенность женщин той и другой стороны в своей правоте между тем разогрела атмосферу. То тут, то там вспыхивали ссоры из-за мест. Иржи объяснил, что проданы двойные билеты, на все места туристской группы и нужно общими усилиями искать выход. Он имел в виду выход из создавшегося положения, однако чехи поняли его буквально и показывали рукой на выход из театра. Грянул скандал — и как раз в ту минуту, когда свет в зале погас и раздвинулся занавес. Ещё через три минуты Иржи вызвал администратора, поскольку во времена командно-административных систем они ещё были налицо и к ним

можно было обращаться, тогда как сейчас идея администрирования справедливо пущена под откос, а сами администраторы оставлены как живой пример её несостоятельности. Впрочем, эти мудрые решения были приняты на наших глазах, и я не буду о них распространяться.

Подошедший администратор сначала пытался уладить скандал, призывая к общему спокойствию. Артисты же на сцене всеми способами пытались обратить внимание публики на себя. Наконец кому-то из них это удалось. Иржи произнёс, сохраняя спокойствие:

— Мы перепутали театр, нам нужно было в музыкальный театр на оперу.

Они вышли из зала. Это было подобно отступлению — лица хмурые, брови насуплены, женщины пунцовые, но все же очень милые, некоторые дико хохотали. Иржи повёл всех на остановку городского транспорта, потому что экскурсионный автобус ушёл. Замыкал шествие профессор.

Когда они перебрались в другой театр, там началось второе действие. Все места группы, естественно, были уже заняты вскормленными административно-командной системой контрамарочниками и безбилетниками. Иржи опять разыскал администратора. И этот человек, порождённый той же системой, принял типично командное решение рассадить группу в правительственной ложе. Профессору с супругой предложили первое кресло. Но как только он, поддерживая свою жену, усадил её и сел сам, тучный оперный певец выбежал на авансцену и заорал на него не своим голосом. Конечно, и это обстоятельство следовало бы безусловно предать огласке как чудовищное порождение системы. Ведь тучный, рослый, румяный бас прокричал прямо в лицо побледневшему профессору:

— Как ты смел занять правительственную ложу!

Однако из дальнейшего выясняется, что певец сделал это не намеренно. Текст арии в этом месте был таков, что её вполне можно было понять в указанном смысле. Но человек привык к администрированию, ныне окончательно разоблачённому в нашей стране, опять опередившей намного весь мир. И он, конечно, не мог иначе понять тогда это драматическое место оперной арии. Только когда певец, сдерживая темперамент, ушёл с авансцены и, сжав руками выпуклые розовые щеки, предался лирическим воспоминаниям о

первых днях своей любви, профессор успокоился. Супруга же его пришла в себя.

Певец же через десять минут должен был умереть на сцене, и он это сделал достаточно профессионально.

Вы спросите: а мораль? Мораль проста: без административной системы, однако же, нет даже простых мест в партере или на галёрке, не то что ложи!

НАЕДИНЕ С КОПЕНГАГЕНОМ

Улицы Копенгагена беззвучно беседовали со мной. На Гулденлевенсгаде ловишь себя на мысли, что объяснения славянского слова «гать» и скандинавского «гаде» (улица) неверны. Это одно и то же слово! Оно пришло из Асгарда. Арийское «гатус» — это дорога. И то же слово найдём в «Авесте».

...Ты идёшь по Гулденлевенсгаде, переходящей в стремительную перспективу бульвара Андерсена, нет, ты почти летишь, оставляя за плечами большие темно-красные дома раньше, чем успеваешь их рассмотреть. И отмечаешь это вечное чередование звука «о» и «у». Ведь датское «гулден» переходит в немецкое «голден» (золото) совсем как «рус» переходит в «рос». Но «рекс» (король, царь) даёт начало вечному и загадочному слову «рус».

А русы — это царское, королевское племя. Рас, рац, рус — это леопард, царь-зверь. Ничего другого не надо искать. Так же звучит и сейчас этот корень в Исландии, где остались древние созвучия, как в этнографическом заповеднике со времён ещё викингов.

Солнце. Ты в одной тёмной куртке, без плаща и пальто. На переходе ты замираешь. Светловолосая женщина на велосипеде останавливается перед тобой. Зелёный свет — ты идёшь, потом оглядываешься. Она ещё у перехода. Мгновенный взгляд провожает тебя. Какая редкость здесь, в Дании, такие яркие светлые глаза с пронзительным взглядом — на это способна лишь проснувшаяся душа. Другие же погружены в сон. Можно жить очень просто — жевать бекон, лучший в мире, и делать то, что делают все.

Ты беден по здешним меркам, у тебя почти ничего нет. Но ты свободен, ты можешь летать по улицам и проспектам, перелетая то к планетарию Тихо Браге, за которым сонные утки возятся в тине, среди брошенного хлама — как в Москве, то к Водровсвею, тихой улице, где дети играют в футбол, и ты врываешься на мгновение на их стадион с мячом, попавшим тебе в ноги, и ведёшь мяч к одним, потом к другим воротам, потом исчезаешь.

Ты можешь снова зайти к профессору Хансу Боггеру в надежде застать его дома. Он тот, кто, наверное, сможет понять историю

Асгарда. Единственный в Дании человек, который занимался такими древностями.

Но пока светит солнце, ты легкомысленно отмеряешь километры датских проспектов, прокальываешь взглядом все необычное на витринах, как, например, хрустальные корабли викингов с парусами внутри хрустальной же бутылки, рядом с которой обозначена цифра — восемьсот крон, чего у тебя нет и не было. Но ты берёшь этот корабль с собой, у него тоже есть душа, как и у мастера, сумевшего сделать чудо. Берёшь — значит оставляешь в памяти левитатора, а это навсегда.

Ну и когда ты летишь дальше, тебе навстречу идут пятеро парней, и один делает несколько удачных движений, как борец вольного стиля, стараясь напугать тебя, принимая тебя за сверстника. Ты мгновенно отвечаешь, не касаясь даже его одежды, пролетаешь мимо, ибо сегодня энергию даёт солнце. Как шесть лет назад, когда впервые ты сказал себе: нет, солнце не может быть простым раскалённым газовым шаром, оно живёт своей жизнью и является частью Асгарда.

Ты переходишь улицы без зелёных глаз светофоров, мгновенно переносясь сначала на середину полотна, потом на каменные плиты тротуара, ибо здесь часто все наоборот: камни — это тротуар, асфальт — проезжая часть. Шесть лет назад ты сообразил, что видеть солнце — это все равно что видеть Асгард, и сделал выводы, о которых не хочешь писать, не хочешь говорить. Спокойная мысль о Боггере заставляет свернуть в переулок и нажать кнопку звонка. Тебе открывает пожилая женщина, обещает, что Боггер будет на днях. Так она думает, потому что он сказал, что... Ты понимаешь: эти дни под вопросом. Возвращаешься в отель, где в холле тебя приветствует гипсовый бюст основателя Копенгагена, в номере засовываешь в карман куртки свою брошюру «Где жили герои эддических мифов?» Выходишь на Гельголандсгаде, поворачиваешь на Вестерброгаде, подлетаешь к фирме путешествий по Дании «Фремадрайзер», по приглашению которой ты сюда прибыл. Маленькая брюнетка в чёрных колготках и зеленой кофточке знакомит тебя с руководителем фирмы Генрихом. Ты рассказываешь им об Асгарде, о метаистории, о том, что народы, всегда переселялись, а не сидели на одном месте. Показываешь путь переселения датчан, норвежцев, исландцев из зеленевших некогда степей и саванн Ирана, из долин Копетдага.

Спрашиваешь, кто может понять все это?

Ассистент профессора Боггера. Можно ли для него оставить брошюру? Можно. А позвонить ему? Нет, его, оказывается, так же непросто найти, как и профессора.

Ты прощаешься с ними. Никто в Дании больше не интересуется Асгардом.

Неожиданная мысль настигает тебя у витрины, где всеми оттенками светится солнечный камень — янтарь. Ты знаешь, как асы шли на запад, потом перебирались в Швецию, потом — в Норвегию, оттуда в Исландию. Из Исландии — в Гренландию. Из Гренландии — в Америку, которую они открыли. Что дальше? Должен был замкнуться круг земной. Ведь о круге земном вёл речь Снорри Стурлусон, знаменитый исландец. Как же этот круг замкнулся через столетия после его смерти? Америка вышла к Аляске. Это было продолжение пути асов. Америка оказалась у берегов Кувейта, Ирака, у границ Ирана. Здесь и соединились концы единого витка. Круг земной завершён. И по законам магии Асгард открыт одновременно с этим событием. Асгард начинает свою вторую жизнь на земле. Меняется эра. Светят звезды Водолея над головами людей, над планетой. Боги и маги должны возвратиться к людям. Небесный Асгард сияет золотом чертогов. Эра Водолея и богов началась в 1991-м!

Скоро об этом будут говорить и писать. Ты прокладываешь дорогу, ты уже опередил все пунктиры земного великого круга, уже замкнул его заранее, вычислил второй виток с его магическими знаками, с его планетами, с Юпитером, посылающим новые души на Землю, которые вселяются в новые тела.

Ты знаешь, как будет сворачиваться пространство при вращении сверкающих кораблей, сделанных из редкостного сплава, как оно будет превращаться в ленту, в лист, в трубу. И как ты первым сделаешь это — тоже на бумаге, как и чертёж махолёта, который тебя поднимал в воздух на крыльях — поднимал, хотя никто этого не видел. Тебе не хотелось, чтобы видели. Достаточно воображаемого полёта. Дальше неинтересно.

В этот день ты мечтаешь.

Ты хочешь теперь летать без всяких машин, махолётов и кораблей.

Ты владеешь тремя пространствами и свободно переходишь из одного в другое. Но этого мало. Тебе нужны все двенадцать пространств.

* * *

Мимо парка Тиволи — к центру! На центральной торговой улице, вымощенной камнем, в витрине — бородатый викинг из дерева. Он смотрит на тебя выпуклыми глазами. Расскажи ему о его первой родине. Пусть выслушает повесть об Асгарде, об удивительной стране асов, оставшейся, по существу, не замеченной великой державе, воевавшей с Римом.

Скажи, что имя города Асхабад — память об асах, но она закодирована тюркской народной этимологией, и что Асхабад переводится как Асгард.

Викинг даже бровью не поведёт, когда рядом с ним и с тобой остановится пара — он и он, и второй в этой супружеской паре, в сером пальто, узких тёмных брюках, напомаженный, будет держать за руку пятилетнего ребёнка, чтобы все было, как надо.

Викинг дослушает тебя до конца. Выскажись, если тебя не в состоянии понять люди, если их мысль почему-то короче трех-четырех фраз, а длинные доклады они привыкли слушать только потому, что в них никогда не бывает ничего нового, и по той же причине они иногда читают толстые романы, пропуская, впрочем, так называемые размышления.

Поговори с викингом, левитатор, если уж тебе надоело бродить по залам фолькетинга, где служители и чиновники вежливо соглашались с тобой, а потом ты обнаруживал, что с самого начала мог бы лишь перечислить имена богов — Один, Фригг, Тор, Бальдр, Локи — и не продолжать, потому что темна твоя речь и загадочна.

Но вот вопрос: а вспомнит ли викинг свою первую родину, ведь его отделяет от тех благословенных времён тоже тысяча лет? Не скажет ли тебе он, как знакомый местный гид Томас, что в Иране две тысячи лет назад жили мусульмане? Не возразит ли он, что в Средней Азии жили они же?

Нет, он поверит тебе, даже если не в состоянии вспомнить первую родину людей с выпуклыми светлыми глазами. Во всяком случае, его молчание будет поддержкой в этом накренившемся, съехавшем набекрень мире, где тебе даже датчанам приходится иногда рассказывать об Эльсиноре, показывать его местоположение и толковать о страже, расхаживавшей по его стенам.

Выражение лица его бесстрастно. Ты догадаешься, что ещё при жизни он ни за что не вспомнил бы первой родины на юге, хотя был готов усердно молиться её богам. Он знал небесный Асгард и без колебаний готов был расстаться с жизнью, как это делали его соплеменники.

В подобных случаях, а также после битв викинги попадали в небесный город на пир к Одину и имели честь лицезреть его и созерцать роцу Гласир.

Объясни этому бородатому викингу, как ты нашёл следы роци Гласир с её кронами цвета червонного золота. Объяви, что это пурпурный персик, что плоды роци Гласир были запретны и на небе, и на земле, что боги — это люди, взошедшие в самом деле некогда на небо по вечно сияющему мосту Биврест. Он поверит, а если и засомневается, то не перебьёт твою мысль восклицанием: «Это же сказка!» Не зря он кажется тебе серьезнее и вдумчивее современников.

Во время твоего молчаливого рассказа рядом остановится немец объединённой Германии, чтобы спросить тебя, где здесь телефонный автомат. Ты ответишь ему. Он спросит тебя, где здесь найти хорошее пиво. Ты заметишь без видимой охоты, что пиво здесь, с твоей точки зрения, всюду отменно. Ошарашенный таким универсальным нивелирующим ответом, он попробует узнать, почему ты так думаешь, и ты со смешанным опытом человека, которого каждый раз обманывают по-новому, но каждый раз обещают все ту же демократию, ответишь ему без обиняков, что ты русский...

Он отойдёт, улыбнётся, оглянувшись. Ну и задачу ты задал этому немцу, который ни за что не поверит, что в восьмидесятых и позднее, в девяностых твои несколько обострённая наблюдательность и вкус свидетельствовали, что качество так называемого пива в городе, где ты родился и живёшь, все продолжало падать — уже после того, как напиток этот заслужил другое, гораздо менее благозвучное название. И эту неукротимость перемен в этом неукротимом городе можно лишь

сравнить с неотвратимыми пайками по шестьсот граммов крупы на квартал на взрослого человека — в начале девяностых — в его самых ближайших окрестностях, что даёт повод занести гостей этого города да по большей части уже и его собственных жителей в разряд мелких пернатых — ведь шесть-семь граммов зёрна в день — это минимальная норма для воробья или синицы.

Поэтому ты тоже улыбнёшься ему вслед: с равным неуспехом ты можешь сообщить ему об этом, или об Асгарде, или о летающих аллигаторах, или о настоящих морских наядах по сто крон за штуку в секс-заведении на соседней с твоим отелем улице.

Только викинг поверит тебе. Или сохранит вид, что верит. К тому же о наядах он наслышан. Но в долгих морских походах он был далёк от мысли, что тёмная или светлая сверкающая чешуя на выпуклых бёдрах наяд потребует хлопот, забот и технологических навыков, а цена на них упадёт.

ЧАЕПИТИЕ. ГДЕ РАСПОЛОЖЕН АД?

Ты идёшь в номер к друзьям...

— На что ты надеялся, Володя, — спрашивает чарующим голосом Иветта, — сразу получить признание и два миллиона крон за открытие Асгарда?

— Ну что ты, Иветта, говоришь. Достаточно было бы и одного миллиона.

— Ну почему только одного? — возразил мой друг профессор. — Пригодился бы и второй.

— Скажу чистосердечно, я не смог бы отказаться от второго, если бы они настаивали.

— Зря они этого не сделали своевременно, — добавил профессор.

— Почему? — спросила Иветта негромко, отвернувшись на минуту к тонкой разрисованной красным и синим банке из-под импортного чая, которая служила ей и нам с профессором в качестве небольшого электрического самовара, и сразу после её вопроса я успел вслух заметить, что первый в мире самовар был изобретён ещё хеттами во втором тысячелетии до нашей эры, то есть во время легендарной Трои, но хетты пользовались в отличие от нас керамическими самоварами, хотя конструкция их и принцип действия почти не изменились до второго открытия этого нагревательного прибора где-то в районе Тулы и совсем недавно. Магия повтора налицо.

— Потому, — ответил мой друг и однокашник, — что два миллиона крон за открытие Асгарда — это сущие пустяки, и я уверен, что королева Швеции может опередить датчан. Сейчас это было бы своевременно, у меня как раз кончились последние кроны, отложенные на пиво и карманные расходы.

— Это намёк, — сказала Иветта. — Но не совсем по адресу. Тем профессорам, которые хорошо известны здесь, в Дании, пиво поставляют к столу бесплатно.

— Ты имеешь в виду этого китаиста, который живёт в доме основателя пивоваренного завода в Карлсберге, согласно завещанию его благородного основателя?

— Не только. В своё время в этом доме в течение, кажется, тридцати лет жил некий Нильс Бор, также получая пиво и минеральную воду к своему столу бесплатно, и к тому же он не платил за жильё ни кроны, как и китаист. Дом подарен таким, как они.

— Это справедливо, — сказал я. — Нас ведь пока здесь никто почти не знает в отличие от нашего отечества, где наши имена вместе с именами всех асов порядком уже примелькались.

— Почему ты назвал эту банку электрическим самоваром? — спросила Иветта. — Разве похожа?

— Иветта, — рассудительно сказал профессор. — Внутри банки металлическая трубка кипятильника, внутри трубки спираль, это заливается водой. Разве не похоже?

— Похоже, я не сообразила. Володя, какого цвета свитер тебе связать?

— Красного. Пусть будет немного чёрного и белого.

— Это цвета Асгарда?

— Да.

— Кажется, я присмотрела шерсть в Москве. Здесь она дорогая.

— Она недорогая для тех, кто получает кроны в Копенгагене, но достаточно дорогая для тех, кто получает их в Москве, ибо за мой месячный заработок я получил дневную зарплату датского мальчишка при справедливой якобы операции обмена, — отметил мой однокашник, повторяя наши с ним выводы.

— Но все-таки она дорогая...

— Нет, все-таки она не дорогая.

— Дорогая, — сказал я Иветте, поддавшись поверхностному и даже глуповатому соблазну созвучия, — шерсть как шерсть, я куплю её сам, вы ведь знаете, что у человека, открывшего Асгард и амброзию, найдётся достаточно рублей или даже крон, чтобы выбрать, что надо.

— Володя, ты всех женщин называешь этим словом, дорогая. Не надо.

— Извини, Иветта. Я исправлюсь. Я действительно в последние годы так обращаюсь ко всем красивым женщинам, но ничего не могу с собой поделать.

— Ко всем? — спросил профессор, подозрительно взглянув на меня в упор.

— Да. Ко всем, кроме одной. Я имею в виду женщину-богиню, пленительнейшую из всех богинь.

— Кто же это?

— Богиня, настоящая. Та, кому я верю. Она знала об Асгарде ещё до его основания. Она жила в Асгарде под другим именем. У неё много имён. Но мне больше всего нравятся два её имени. Первое — Афродита. И второе — Анахита. Это Малая Азия и Персия. Эпоха, предшествовавшая созданию комплекса в Нисе.

— И какая она?

— Мне стыдно молиться ей, так она красива. Я влюблён в неё, как в женщину. Стыдно просить у неё. В «Авесте» она описана, как очень рослая, статная, прекрасная дева. Но это слова. Слова одинаковы, а она не такая, как все богини. В ней все живое, гибкое, светлое, выпуклое, секрет её красоты смог разгадать только я. Но лучше потом. Потом. Чай остынет. А его не затем везли сюда из Лондона в обмен на датский бекон.

— Я тебя поняла, Володя, тебе неловко говорить о ней, но почему?

— Это тайна. Она сама тайна, хотя красота её для меня не секрет, я понимаю, почему это так сильно действует. Ардвисура Анахита — одно из полных её имён. Ардви — великая, беспорочная. Это перевод, хотя я в нем сомневаюсь. Возможно, это натяжка. «Ардви» означает воду, но не простую. Ключ Урд в «Эдде» близок к её имени. Представьте себе, и русское сказочное имя Марья Моревна — тоже. И Мария. А это Богородица. У армян она Анаит или Анахит. Много имён. И каждая эпоха добавляет их. А она вечна. И вечно юна. Это величайшая и самая человечная из богинь. Она запросто является людям. Да, влюблён в неё. Не знаю ещё, счастье это или горе. Ну?..

— Я тебе завидую.

— Почему?

— Потому что я женщина и не смогу понять или разгадать в ней то, что увидел ты.

— А я бы, наверное, сумел понять...

— Игорь смог бы.

— Он-то смог бы!

— Есть предложение последовать обычаю находчивых хеттов.

— Последуем достойному подражания примеру... спустя три с лишним тысячи лет, — сказал Игорь, разливая чай.

Мы разом замолчали. Каждый из нас думал о своём, но мысли сходились в одной точке, как у датчан — в сегодняшнем дне. Куда пойдём вечером? Попадём ли в Королевский театр?

Я снова оказался на земле.

В обычном Датском королевстве, каких много.

За столом в отеле, носящем имя основателя Копенгагена Абсалона.

В номере моих друзей, которым я мог рассказать даже то, что ещё вызывало у меня сомнения. Мог импровизировать. Это я называю мышлением вслух. С Игорем и Иветтой у меня это получается. У Иветты тёмные прозрачные глаза, как у героинь моих ранних рассказов. Есть свидетельства очевидцев: её останавливали на улицах Копенгагена и спрашивали, из какой страны она приехала. Внешность!..

Мы мечтали попасть во дворец. Там, на этой площади, четыре дворца, но королевы не было в городе. К тому же ещё в Москве я гадал по китайской Книге Перемен и получилось:

«В настоящее время вам сопутствует удача, но не будьте слишком самонадеянны, ситуация скоро изменится. Действуйте обдуманно и предусмотрительно, не увлекайтесь любовными авантюрами. Со стороны вы производите впечатление баловня судьбы, и поэтому вполне возможно, что окружающие истолковывают ваши поступки превратно. Но не тревожьтесь, в ближайшем будущем все станет на свои места. Желания ваши сейчас не исполнятся. Будьте экономны».

Такой текст стоит один рубль. Выдаёт его электронная машина, в которую зарядили всю книгу перемен, переведённую на современный язык. Все справедливо. Все по делу. Только видимость такова, что это игра случая. По меньшей мере жена Одина Фригг, которая знает все судьбы людей заранее, управляет этой машиной. Иначе откуда такие попадания — «желания ваши сейчас не исполнятся», «окружающие истолковывают ваши поступки превратно», «ситуация скоро изменится»?

Оговорюсь: все рассказанное касается меня, с другими работают другие боги или богини.

Любой согласится, что если из двух запрятанных рядом кладов найден один, то есть надежда обнаружить и второй. Так было и со мной. Что там в старинных сагах и песнях рассказано о бессмертии? О богине Идунн, дающей асам золотые мо-лодильные яблоки? О том, как они помогают богам быть вечно молодыми?

Если найден Асгард, нужно искать яблоки Идунн. Или, что то же, эликсир бессмертия. Ты рассказываешь об этом друзьям.

Ты опережаешь события. Ты публикуешь в одной из своих брошюр разгадку бессмертия. Ею даёт элемент теллур. Это яд, но в небольших количествах он входил в амброзию, пищу богов.

И вдруг через полгода после этого ты обнаруживаешь в одном из сообщений об НЛО несколько удивительных строк. Инопланетяне сообщили одной женщине, что добывают теллур на дне океана. Ты знаешь — это так, они знакомы с действием теллура. Именно на дне океана, в Атлантике, где содрогаются мрачные подводные вулканы Срединно-Атлантического хребта и где погибла Атлантида, с магмой выходил и выходит теллур. И там же он накапливался в воде и выпадал с конкрециями.

Ты открыл Город света Асгард. Но ты открыл и ад. Это там, на дне океана, во тьме, озаряемой редкими багровыми отсветами магмы, некие существа извлекают теллур из придонных слоёв, копают и грызут океанское дно. Ими руководят субъекты в чёрных глухих костюмах, одноглазые, двуглазые и трехглазые, ростом от метра двадцати до трех с половиной метров. В существах, которыми они руководят и повелевают, живут человеческие души.

ЦВЕТОК НОРНЫ

Поздним вечером я не мог противиться усталости. Хотелось дописать главу книги. Я вспоминал чайку, которую спас. Она предвещала мне все встречи и истории, в которых мерещились знаки и символы на будущее. Бедная моя голова упала на руки, я ощутил щекой холодное дерево стола, потом, не открывая глаз, быстро нырнул под одеяло, и мне приснился сон, который заслуживает того, чтобы именно его пересказом завершить раздел.

Солнце обегало круг за кругом над раскидистым древом мира Иггдрасиль. Лучи его то пронзали крону, и листва светилась, то гасли, и ясень становился тёмным, как туча, только ещё больше, занимая весь небосвод. Кое-где проглядывали звезды, но я был у одного из корней древа мира и ничего сначала не видел, кроме редких звёзд. Скрипела засохшая ветвь над головой, дул ветер, выше меня поднимался серый замшелый вал — один из трех корней ясеня Он опускался передо мной в бездну, имя которой — Нифльхейм, страна мрака. Я боялся соскользнуть туда по огромному корню, который почему-то медленно двигался.

Но вот опять появлялось солнце, и ясень сверкал, и капли воды на замшелом корне блестели, и он казался холмом в час росы, а страна Нифльхейм — глубоким ущельем, дна которого не было видно. Страх перед ней исчезал. Так дни сменялись ночами. Появился олень. Он скосил влажно-выпуклый глаз, приглашая идти за ним. Ноги тонули в траве и лишайниках, но идти было легко. В это время солнце застыло над нами, замер день, я видел все вокруг — голубой воздух, холмы и, наконец, ещё один корень ясеня Иггдрасиль. Корень этот как сказочный змей убежал на север, прочь от солнца, он менял форму, его нижняя часть рыхлила землю. Я понял: это тот корень, который уходит в страну великанов. Крона здесь реже, и когда небосвод ожил, то я видел и луну, и звезды. Небо мерцало и сияло, не уставая, то радуги, то сполохи вычерчивали там изумительные фигуры, скрывая созвездия и главную из звёзд — Полярную.

В редкой кроне металась молния — белка Ротатоск. Вверху её огненный хвост исчезал, становился невидимым, потом она

опускалась до самого корня. Я слышал звуки: ведь белка переносит по стволу древа мира перебранку, она слышит орла на его вершине и дракона, подгрызающего его корни.

Именно белка повела меня дальше, легко скользя по стволу в сторону третьего корня, что ближе двух других к богам-асам. Здесь солнце стояло высоко и было огромным, ярким, но свет от него был мягкий, золотистый. Я увидел красную, почти малиновую стену с зубцами и широкие ворота. Белка вспрыгнула выше, на ветку над моей головой. И как бы её глазами я за стеной охватил на одно только мгновение всю картину. Успел заметить волшебный источник Урд в тот миг, когда над ним склонилась одна из норн с кувшином в правой руке. Её золотые волосы закрывали плечи, её белое платье на талии в наметившихся складках прятало полутени, а ниже казалось пурпурным от света. Пока норна погружала кувшин в источник, я оглядел все пространство за стеной. Там были замки, дворцы. Между ними — золотистые дороги и дорожки. Первые этажи казались малиново-красными, выше они отливали серебром. Вдали раскинулось Идавелль-поле. За ним высились почти призрачные громады других замков и чертогов. Эта золотая страна была Асгардом, городом и землёй асов.

Она была похожа на то, что я видел, когда тонул. Во всяком случае, общее впечатление было таким же, хотя я не ручаюсь за каждый чертог, за всю эту божественную архитектуру, которую нельзя запечатлеть в памяти сразу. Мне кажется, в этот раз было нечто новое в небесном городе: что-то вроде ущелья, которое вело на его окраину, и там были стены. Может быть, это был проход, закрытый с боков стенами. Не знаю его назначения. Был ли он тогда? Не могу ручаться.

Я не видел асов. Город был безлюден, если только так можно выразиться. Мне пришло в голову, что норна, поднявшая свой кувшин на плечо, оказалась не случайно у источника в эту самую минуту. Я хотел её видеть. Я думал о будущем, о судьбе. Норны знают судьбы людей. Молча она ответила мне — самими своими чарующими движениями, самой походкой, отблесками света на кувшине, светлой волной волос. Но я не мог понять этот ответ — мог лишь запомнить его. Моё будущее оставалось пока тайной для меня.

Я смотрел ей вслед. Она нетерпеливо шла по золотой дороге, повернула к средней части корня ясеня, который был здесь

неподвижен и тянулся параллельно стене.

На её плече остался красный цветок. Когда она наклонилась за водой, я видел, как он упал с куста на её платье. Роцца Гласир начиналась от ворот и уходила за поворот стены. Красные острые листья застыли. Цветок, упавший на плечо норны, был с округлыми, мягкими лепестками. И когда она медленно шла, я почему-то видел его так отчётливо, что мог сравнить с цветами персика и понять, что он другой, не такой. Чудилось знакомое в нем, но ответа не было. Я успел заметить, как он слетел с её платья, хотя ветра не было и в помине в этой сказочной стране.

Потом — красная пелена, чёрный занавес, белое окно. Я проснулся. Окно казалось слепым. Рядом с ним я ещё продолжал видеть красную пелену и чёрный занавес, которых, конечно же, не было на самом деле. Очнулся. Потянулся за графином, в котором я приготовил напиток по своему рецепту: тонкие ломтики лимона в воде с мёдом стояли сутки. Нашарил рукой и стакан. Глотнул раза три, потом поднялся. Я не мог не удивиться, почему незанавешенное окно казалось таким белым и слепым в это утро... Что это? Вдруг я увидел веточку шиповника на столе у моей кровати. Листья казались чёрными. На глазах они светлели. Теперь — зеленые. Тёмными остались только колючки. И цветок. Он был густо-красным, почти тёмным, и я не сразу понял, что он похож на цветок норны.

Но вот до меня это дошло. Я застыл от удивления. Как он сюда попал? Я повернул ключ, вышел в холл. Никого там не было. Пришла в голову старая идея: окно раньше, в древности, считалось магически важным, даже смотреть в окно героям мифов иногда запрещалось. Не то ли чувство обеспокоило меня, когда я увидел его слепым и плоским? Все было как надо на улице. Я пришёл в себя, вернулся в номер. Цветок шиповника на ветке был теперь просто розовым. Все темно-красное с него точно смыло. Но стекло не казалось слепым. Все входило в норму.

Цветок на столе мог означать, что норна подтверждает: я действительно ещё раз увидел Асгард. Она сумела сказать это так, что должен понять я и никто другой. Ну кто ещё мог узнать о её монологе, в котором не произнесено ни одного слова? И мой вопрос к ней был беззвучным и даже неосознанным. Может, это и не знак, а в самом деле подарок? Подарок норны! Пусть будет так.

Конечно, все можно объяснить и случайностью.

А если нет?

Меня не удивил выбор норны. Она говорила на том языке, который мне хорошо понятен. Разве не я когда-то сочинил эпизод для романа, в котором на столе героя непостижимым образом появляются четыре стебля цикория с цветами?

Вот я и прошёл путём земных героев Асгарда, воспринявших имена древних богов, оставивших нам как бы копию небесного города с его золотыми чертогами, престолами, удивительной райской рощей.

Я родился в городе, звёздным знаком которого является Водолей, в том городе, где когда-то начинали строить первые дома ваны и асы, соединившиеся потом с русами. На долю этого города и этого народа выпали величайшие в истории испытания и величайшие страдания. Его стены на закате отливают застывшей кровью, его Кремль своей стеной замыкает магическое пространство, избранное ванами и асами. Отныне это магическое пространство будет средоточием двухтысячелетней эры Водолея.

Этот город расположен примерно посередине между Копетдагом и Скандинавией. К западу от Норвегии — земли новопоселенцев, это Исландия, Гренландия, многие острова в Атлантике, до Америки. К востоку от Копетдага таинственная Шамбала и Куньлунь. К югу от Скандинавии — земли древних ванов и русов: Этрурия, Венеция, южная Прибалтика, Малая Азия. К северу от Куньлуна — Алтай и Монголия, где на камнях застыли древние арийские колесничие. Каждый народ, как и боги, выступал в истории под разными именами. Часть этих имён известна. Для русов известно древнейшее имя, ибо рус, как и рос и рош, означает и символ королевской, царской власти, и имя леопарда, покровителя первых городов Малой Азии, не так давно оно звучало так же у прибалтийских славян, и ещё ранее в Урарту, во Фракии, на Днепре.

Я могу наугад открыть неизданную книгу моих стихов на нужной странице, чтобы вместе с тем открыть и очередную страницу будущего:

О Русь, я раскрыл твою древнюю тайну
И тайну имён твоих рек и холмов.
Над ними сияет твой фарн, или нимб.

А выше два белых крыла над тобой
Матери-птицы самосиянной,
Рождённой из пены морской.
Полны её светом всполохи летних зарниц,
И их отраженье,
И её отраженье — в фарне твоём,
В глади священных вод!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
АСГАРД ИСТОРИЧЕСКИЙ

МЕТАИСТОРИЯ — КЛЮЧ К МИРУ ДРЕВНИХ

Двенадцать тысяч лет назад произошли такие изменения на нашей планете, что можно говорить о втором рождении человека. Льды, покрывавшие Европу, внезапно отступили, родился Гольфстрим, климат изменился так, что температура января повысилась сразу, почти скачком, на 30 градусов по Цельсию, уровень Мирового океана поднялся примерно на 130 метров, шельф оказался затопленным (Палеогеография Европы... М., 1982, с. 11, 138). Вместо рослых кроманьонцев по планете стали расселяться люди современного типа — они, судя по всему, были потомками тех людей, которые пережили небывалую катастрофу. Библия и мифы ста сорока народов говорят о потопе. Но почему произошёл потоп? Поднятие уровня воды в океане из-за таяния европейского ледника было довольно медленным — оно происходило, по крайней мере, на протяжении одной-двух тысяч лет. В то же время стада мамонтов в Сибири погибли внезапно, вдруг. В желудках животных остались зеленые ветки лозняка, росшего по долинам сибирских рек и служившего гигантским животным пропитанием (именно поэтому они паслись по долинам, зимой отступая к югу, к верховьям, а летом отправлялись па север). Трава, конечно, не могла служить им подходящим кормом. Если принять гипотезу потопы, придётся признать, что после того, как долины наполнились водой, животные должны были поголовно погибнуть. Так случилось на нынешнем кладбище мамонтов на реке Берелех (приток Индигирки). Сотни мамонтов погибли там внезапно и были занесены грунтом. О внезапности наступившей их беды говорят красные кровяные тельца, найденные в их коже — это признак удушья. Конечно, одиночные мамонты попадали в ледяные ловушки, тонули и т. д. Но все эти и подобные причины, высказанные ранее, не могут объяснить внезапной гибели мамонтов как вида. Мне довелось установить, что мамонты были залиты селями, прокатившимися по сибирским рекам, и в состав грязи входил вулканический пепел (Асгард. Сб. «Загадки звёздных островов». М., 1989, с. 230). Этот вулканический пепел свидетельствует о глобальной всепланетной катастрофе, поскольку

вулканов в ближней и дальней окрестности вблизи Берелеха нет и не было. Грязевые сели с вулканическим пеплом — свидетельство потопа, который мог быть вызван, например, падением гигантского метеорита в Атлантику. Пробив океаническую кору, метеорит вызвал бы выброс раскалённой магмы, её распыление от перегретого пара, конденсацию воды на частичках пепла, их перенос на огромные расстояния из-за ураганных ветров в верхних слоях атмосферы, грязевые ливни, потоп, затопление долин.

Оценка времени осуществлена мной по данным радиоуглеродного анализа органических остатков в глине-синюхе, где найдены кости мамонтов, в донных отложениях озера Нанокрон в Ирландии и в лёссовых слоях-линзах на территории европейской части России. Ответ таков: катастрофа произошла примерно 12 000 лет назад. Проседание дна Атлантики из-за выброса магмы должно было привести к затоплению архипелагов и островов (в этом можно усмотреть реальный подход к истории Атлантиды, рассказанной Платоном со слов египетских жрецов, — время, указанное Платоном, совпадает — с точностью до погрешности измерений по радиоуглероду — с тем, которое вычислено мной).

Ясно, что катастрофа (потоп) повлекла за собой цепь явлений и сдвигов — в гидросфере и биосфере особенно. Острова в Атлантике из-за проседания дна и повышения уровня океана перестали перегораживать путь Гольфстриму, и он устремился на северо-восток, к берегам Европы, тогда как раньше он нёс тёплую воду примерно к Гибралтару. Таяние европейского ледника, занимавшего огромные пространства, привело к постепенному изменению ландшафта и почв. Леса распространялись на север, вслед переселялись охотники. Затем Европу стали заселять племена с юга и востока. Этот процесс расселения длился в течение тысячелетий, проявляясь на поздних этапах через межплеменные и межгосударственные отношения. Это привело к изменениям, миграциям во всем мире. Вот почему это может послужить ключом к ранней истории человечества. Я назвал это метаисторией (там же, с. 230, 231).

«Великанов я помню, рождённых до века, породили меня они в давние годы; я помню девять миров и девять корней и древо предела, ещё не проросшее», — повествует вёльва (прорицательница) в скандинавском цикле мифов и песен о богах («Старшая Эдда».

Прорицание вёльвы, 2). Это свидетельство относится к великанам-кроманьонцам, которые действительно были высоки ростом (средний рост достигал 185). Вёльва вспоминает и древо предела, то есть древо жизни, которому поклонялись первые европейцы в Малой Азии и Урарту, в Парфии и её арийских провинциях. Великанов, «извечно славных людей», помнит и Библия. «В начале времён, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря, земли ещё не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла» (там же, 3). В этих строках отражено то состояние планеты, когда после катастрофы тучи заслонили с неизбежностью небосвод и само солнце и звезды. Зияла бездна. И это состояние могло длиться, в зависимости от мощности выброса магмы, от ста до тысячи лет. Именно тогда безвозвратно погибли травоядные виды животных (наземные ленивцы, вилорогие антилопы и другие) — числом больше десяти. Американские специалисты считают, что животные были истреблены охотниками. Это не согласуется с фактами: число жителей планеты в период 10-11 тысяч лет назад не увеличивалось, орудия труда и охоты почти не изменялись. Нельзя представить себе такую тотальную охоту на протяжении всего 500-1000 лет, а затем — неожиданное смягчение нравов охотников.

До катастрофы, какова бы ни была её причина, на планете была пониженная циркуляция воздуха, холод царил на севере, жара — на юге. Не только Гольфстрим ещё не родился, но и ветры дули иначе — тише. В скандинавском эддическом цикле прямо говорится о ледовом панцире и жаркой спокойной стране на юге. Несколько удивительных свидетельств такого же рода, которые незачем было придумывать древним сказителям, заставили меня всерьёз изучить и все остальное в сагах скандинавов.

«Гарм лаает громко у Гнипахеллира, привязь не выдержит — вырвется Жадный», — эти строки повторяются в «Прорицании вёльвы» как рефрен. Считается, что это древнейшая из песен «Старшей Эдды». Я не могу читать подобные строки без искреннего изумления. Ведь Гарм — это чудовищный пёс или волк, но в древности это означало нечто иное — именем волка или пса называли звезды и созвездия. Горе богам, если пёс сорвётся с привязи! Ибо это небесный пёс, небесный волк. Это ли не указание древнейшего памятника литературы на гигантский метеорит или астероид — то есть на светило, сорвавшееся с небесной привязи и упавшее на Землю и

причинившее невероятное зло? Есть в этом удивительном памятнике и указание на звезды, срывающиеся с неба (там же, 57) — прямым текстом. В эддическом цикле сохранено традиционно древнее, непосредственное восприятие природы и сил космоса. Абстрактная система, ведущая к религиозным догмам, была создана уже Заратуштрой (Заратустрой)^[3]. Миф повествует языком образов — и потому обязательно действуют силы, названные именами небесных зверей. А привязь, на которую посажен волк или пёс? Что это? Безусловно, если говорить о небесном волке, то его может удержать только одна привязь — гравитация. Но астероиды сходят с орбит, и небесные камни и глыбы вспыхивают порой и атмосфере трагически-ослепительным светом! По некоторым оценкам, каждые двенадцать тысяч лет на Землю может примчаться сорвавшийся с небесной цепи волк — гигантский метеорит. Теория вероятностей, впрочем, допускает и корректировку сроков.

Основа метаистории — законы глобальных переселений племён и народов глубокой древности. Я расскажу в следующем разделе, как эти законы помогли решить мне непростую задачу.

АСГАРД ОТКРЫТ!

Долгое время считалось, что все мифы и сказания знаменитый исландец Снорри Стурлусон сочинил сам. Но вдруг в 1643 году (через 402 года после смерти Снорри Стурлусона!) исландский епископ Бриньольв Свейнссон находит древний кодекс, содержащий песни о богах и героях, сюжеты которых совпадают с рассказанными в «Эдде» Снорри Стурлусоном. находка Свейнссона заставила учёных по-новому взглянуть на дело. Стало ясно, что самый знаменитый из исландцев не придумал, а собрал и записал языческие мифы и сказания, сохранив для нас их удивительный мир. «Эдду» Снорри Стурлусона назвали «Младшей Эддой», кодекс — «Старшей Эддой».

Пространственную структуру этого мира определяет ясень Иггдрасиль. Три корня у дерева мира. Один тянется в царство мрака Нифльхейм, другой — к великанам, а третий — к богам-асам. Под тем корнем, что у асов, находится священный источник Урд. Здесь и главное святилище, куда каждый день съезжаются асы по мосту Биврест и вершат свой суд. Стоит у источника прекрасный чертог. Живут и нем три девы — Урд, Верданди и Скульд. Это три норны, ведающие судьбы людей. Каждый день они черпают воду из священного источника и поливают Иггдрасиль, чтобы он не засох. На вершине Иггдрасиля сидит мудрый орёл, а меж глаз у него — ястреб Ведрфельнир («Полинявший от непогоды»). Корни ясеня гложут змеи и дракон Нидхегг. Белка Ротатоск переносит по стволу перебранку между орлом и драконом. Четыре оленя — Дайн, Двалин, Дунейр и Дуратрор — объедают листву дерева мира.

Жилище асов называется Асгард. Расположен Асгард близ Идавелль-поля. Когда боги только начинали строиться, пришёл к ним некий мастер-великан и обещал за три полугодия построить крепость, неприступную для великанов, а в награду потребовал богиню Фрейю, солнце и луну. По совету Локи асы согласились, но когда они увидели, что великан успеет построить крепость в срок, то пригрозили Локи лютой смертью, если он не помешает мастеру выполнить условия сделки. Пришлось Локи пойти на хитрость. Великану помогал в работе конь Свадильфари. Превратившись в кобылу, Локи отвлекал

коня от работы, и строитель не успел закончить её в срок. Понял великан, что обманут, и впал в ярость. Тогда асы позвали Тора, и он убил великана своим молотом. А у Локи родился жеребёнок о восьми ногах — будущий конь Одина Слейпнир.

Сначала боги воздвигли святилище с двенадцатью тронами и престолом для Одина. Все в нем как из чистого золота, и называется оно Чертогом Радости. Потом построили они столь же прекрасное святилище богинь — Вингольв и дом, в котором поставили кузнечный горн, и сделали наковальню, молот и другие орудия. Делали они вещи из камня, из дерева и из металла, что зовётся золотом. И поэтому назывался тот век золотым.

У каждого аса в Асгарде свой чертог. Чертог Одина, украшенный серебром, называется Валаскьяльв. В нем восседает он на престоле, который зовётся Хлидскьяльв. Отсюда он видит все миры.

Из камней, которые лизала корова Аудумла, возник человек Бури. Его сын Бор взял в жены Бестлу, дочь великана Бельторна, и родились у них три сына — Один, Вили и Ве. Рассказывает Снорри и о другом происхождении Одина — из Трои, где он ведёт свой род от конунга по имени Мунон или Меннон. Жену Одина зовут Фригг. Ей ведомы все людские судьбы, но в отличие от норн она их не предсказывает, а хранит в тайне. Один — ещё и отец всем богам, и поэтому его называют Всеотцом. Он Отец Павших. Ему принадлежит чертог, который называется Валгалла. Живут в нем эйнхерии — павшие в бою храбрые воины. Отбирают воинов в Валгаллу валькирии, прислуживающие им там во время пиров.

На пирах в Валгалле пьют эйнхерии медовое молоко козы Хейдрун, которая щиплет листья ясеня Иггдрасиль, и едят неиссякающее мясо вепря Сэхримнира — его варит повар Андхримнир в котле Эльдхримнир. Один же бросает всю еду двум волкам — Гери и Фреки — и пьёт только вино. На плечах у него сидят вороны Хугин и Мунин. От них он узнает обо всем, что происходит на свете.

У входа в Валгаллу — ворота Вальгрд, а перед ними — роца Гласир («Сияющая»), все листья в ней как бы из красного золота.

Один — оборотень, он часто является в виде змеи, ворона, орла, коня и волка. Это бог магического знания, знающий руны — сакральные письмена. За глоток из источника мудрости он отдаёт свой глаз великану Мимиру, а чтобы узнать руны, сам себя приносит в

жертву и, пронзённый собственным копьем, девять дней висит на ясене Иггдрасиль.

Снорри рассказывает и о печальной судьбе сына Одина Бальдра. Бальдр, самый красивый и мудрый из асов, жил в чертоге Брейдаблик («Широкий блеск»), прекраснее которого нет в Асгарде. Вдруг стали ему сниться сны, предвещавшие опасность. Тогда Фригг взяла клятву со всех вещей и существ, что они не тронут Бальдра. А когда она рассказала об этом, стали Бальдр и другие асы забавляться: Бальдр становился на поле тинга (собраний), а другие бросали в него камнями, пускали стрелы, рубили его мечом. Но ничто не вредило Бальдру. Его неуязвимость пришлась не по душе завистливому Локи. Выведаль он у Фригг, что не взяла она клятвы с молодого побега омелы, растущего к западу от Валгаллы. Вырвал Локи этот побег и пошёл на поле тинга. Там дал он побег слепому Хеду, и тот метнул его в Бальдра, как ему указал Локи. Пронзил прут Бальдра, и упал он мёртвым на землю. И было это величайшее горе для богов и людей. Асы перенесли тело Бальдра к морю и положили в ладью, но только великанше Хюррокин удалось столкнуть эту ладью в воду. Не выдержав горя, умерла жена Бальдра Наина, и се сожгли в ладье вместе с Бальдром. А брат Бальдра Хермод отправился к хозяйке царства мёртвых Хель, чтобы вернуть его назад в Асгард. И обещала Хель, что Бальдр вернётся к асам, если все живое и мёртвое на земле будет по нему плакать. И плакали все, кроме великанши Текк, а был это перевоплотившийся Локи. И остался Бальдр в царстве мёртвых. Сурово отомстили асы Локи за Бальдра. Поймали они его и связали кишками, а Скади повесила над лицом Локи ядовитую змею, яд которой приносил ему мучения, хотя жена его Сигюн и подставляла чашу под капающий яд. Когда капли яда попадали на Локи, он содрогался, вызывая землетрясения. И мучиться ему до конца мира.

Сыном Одина считается и Тор, сильнейший из всех богов и людей. Владения Тора называются Трудвангар («Поля силы»), или Трудхейм. Там находится его чертог Бильскирнир, самый просторный в Асгарде: он вмещает пять сотен покоев и ещё сорок. Ездит Тор в колеснице, запряжённой двумя козлами. Есть у него три сокровища — молот Мьёлльнир, пояс силы и железные рукавицы, которые он надевает, когда хватается за молот. Тор защищает Асгард и Мидгард, мир людей, от великанов. Так, Снорри рассказывает о борьбе Тора с

великаном Хрунгниром, который, опередив Одина в конном состязании, стал похваляться перед асами, что убьёт богов и уведёт богинь Фрейю и Сив. Тор вызвал великана на поединок. Он метнул в Хрунгнира свой молот, а тот бросил навстречу молоту точило. Столкнувшись с молотом в воздухе, точило расколосось пополам, и один кусок вонзился Тору в голову. Тор упал наземь. Мьёлльнир же попал великану в голову и раскрошил ему череп. Упал Хрунгнир на Тора, и одна его нога оказалась у Тора на шее. И только сын Тора Магни смог её снять, за что отдал ему Тор коня Золотая Грива, которым прежде владел Хрунгнир. А точило из головы Тора почти вынула своими заклинаниями провидица Гроа, но, узнав от Тора, что скоро вернётся её муж Аурвандиль, которого тот на своих плечах вынес из страны великанов, она от радости позабыла все заклинания. Так и остались осколки точила у Тора в голове.

Сражается Тор и с Мировым змеем Ёрмунгандом. Однажды поймал он змея на удочку. Было это так. Тор остановился на ночлег в доме великана Хюмира, а с рассветом отправился с великаном на рыбную ловлю. Заплыли они далеко, туда, где уже не было рыбы, а плавал только Ёрмунганд. Тор достал крепкую лесу и крючок, не уступавший ей крепостью. На этот крюк насадил он бычью голову и закинул его за борт. Заглотнул змей бычью голову, а крюк впился ему в небо. И начал змей яростно вырываться. Но Тор упёрся так, что проломил дно лодки, и встал на дно морское, и подтащил змея к борту. Схватил Тор свой молот и занёс его над змеем, но в это мгновение Хюмир перерезал ножом лесу, и змей погрузился в море. А Тор метнул ему молот вослед, и, говорят, молот оторвал змею голову. Но все-таки Ёрмунганд остался живым. Тор ещё сразится с ним в последней битве перед концом мира.

В чертоге Ноатун («Корабельный сарай»), что расположен на небе и одновременно у моря, живёт Ньёрд. Он очень богат, управляет ветром, морем и огнём, покровительствует мореплаванию, рыболовству и охоте на морских животных.

Сын Ньёрда Фрейр — самый славный из асов. Он — бог урожая и богатства, которому подвластны дожди и солнечный свет. Однажды с престола увидел Фрейр прекрасную Герд, дочь великана Гюмира. Послал он к ней сватом своего слугу Скирнира. Скирнир предлагал Герд одиннадцать золотых яблок, волшебное кольцо Драупнир, грозил

отрубить ей голову, но она не соглашалась на брак. Тогда произнёс он зловещее заклятье, после которого Герд сдалась и согласилась встретиться с Фрейром в роще Барри.

А дочь Ньёрда зовут Фрейей. Это богиня плодородия, любви и красоты. Ездит она в колеснице, запряжённой двумя кошками, а живёт в просторных и прекрасных палатах Сессрумнир, которые находятся в чертоге Фолькванг («Поле боя»). С поля брани забирает Фрейя половину убитых, а другая достаётся Одину. Мужа Фрейи зовут Од. Он отправился в дальние странствия, а Фрейя ищет его и плачет по нему золотыми слезами. У них есть дочь Хносс («Сокровище»), которая так прекрасна, что все прекрасное в мире зовётся её именем.

Ньёрд и Фрейр по происхождению ваны. Боги-ваны живут в стране, которая называется Ванахейм. Однажды они подослали к асам злую колдунью Хейд. Асы забили её копьями и трижды сжигали, но она снова возродилась и творила ещё худшее. И начал Один войну с ванами, бросив в них своё копьё. Асы терпели поражение, но в конце концов между асами и ванами был заключён мир, и они обменялись заложниками. Асы отдали ванам Хенира и Мимира, а те взамен — Ньёрда и Фрейра. Так Ньёрд и Фрейр стали асами. Ньёрд взял в жены Скади, дочь великана Тьяцци. Она не любила море и хотела жить в чертоге, своего отца, который зовётся Трюмхейм и расположен в горах. И решили они жить по девять дней в Трюмхейме и Ноатуне, но не выдержали. Ньёрд остался жить в Ноатуне, а Скади вернулась в горы, в Трюмхейм. Там она часто ходит на лыжах и стреляет дичь.

А лучше всех ходит на лыжах и стреляет из лука пасынок Тора Ульв, который построил свои палаты в долине Идалир («Долина тисов»). Прекрасен лицом этот ас и владеет всяким военным искусством.

У чертога, что зовётся Секквабекк, плещут холодные волны. Живёт в нем богиня Сага. Каждый день пьёт она с Одним из златокованных чаш.

И ещё живут в Асгарде богиня-врачевательница Эйр, юная дева Гевьон, Фулла с распущенными волосами и золотой повязкой на голове, богиня любви Съевн и богиня славы Ловн, умная и любопытная Вёр, от которой ничего не скроешь, мудрая Снотра. Вар подслушивает людские клятвы и обеты. Сюн сторожит в чертогах двери, чтобы не вошли в них те, кому не дозволено. Хлин бережёт всех

от опасностей. Гна скачет на своём коне в разные страны с поручениями от Фригг.

В краю, покрытом кустами и высокими травами, живёт молчаливый ас Видар, ещё один сын Одина. Он сильный почти как Тор и отомстит за своего отца во время гибели богов.

А сын Бальдра Форсети («Председатель тинга») — владелец палат Глитнир, которые убраны столбами из золота и покрыты серебром. Так он разрешает споры, и вес уходит от него в мире и согласии.

Живут в Асгарде ещё два аса — Тюр и Браги, но об их жилищах ничего не рассказывается.

Тюр — бог победы, он самый отважный и смелый. Однажды поймали асы волка Фенрира, чтобы надеть на него путы Глейпнир, но сказали волку, что скоро его выпустят. А тот не поверил, и пришлось Тюру положить ему в пасть свою руку. И когда асы не захотели отпустить Фенрира, он откусил руку, и с тех пор Тюр однорукий.

Браги славен своей мудростью и поэтическим даром. Однажды пришёл к нему великан Эгир и спросил, откуда произошла поэзия. И поведал ему Браги, как Один похитил мёд поэзии.

При заключении мира между асами и ванами смешали боги в чаше слюну и сделали из неё мудрого человечка по имени Квасир. Карлики Фьялар и Галар зазвали Квасира в гости и убили, а потом, смешав его кровь с пчелиным мёдом, в трех сосудах приготовили мёд поэзии — волшебный напиток, дающий мудрость и вдохновение. Затем карлы позвали в гости и убили великана Гиллинга и его жену, а от их сына Суттунга откупились мёдом поэзии. Суттунг велел своей дочери Гуннлед сторожить мёд в скале. Один устроил так, что работники брата Суттунга Бауги поубивали друг друга в драке, и поступил вместо них к Бауги в услужение. Хотел он, чтобы платили ему мёдом за работу, но не вышло — Суттунг не принял их договора. Тогда Один заставил Бауги пробуравить в скале дырку и, превратившись в змею, пролез в неё. Провёл он три ночи с Гуннлед и с её разрешения осушил все три сосуда, а затем, превратившись в орла, улетел в Асгард, где выплюнул весь мёд в чашу и отдал его асам и людям, которые умеют слагать стихи.

Жена Браги Идунн хранит в своём ларце золотые яблоки, благодаря которым боги сохраняют вечную молодость. Однажды три аса, Один, Локи и Хёнир, отправились в путь. Долго шли они,

проголодались и решили зажарить быка. А великан Тьяцци, превратившийся в орла, сделал так, что мясо никак не жарилось. Сказал он асам, что если они хотят поесть жареного мяса, то должны накормить его досыта. И потребовал себе самый лакомый кусок. Рассердился Локи, схватил палку и хотел ударить орла. Но один конец палки прилип к спине орла, а другой — к рукам Локи. И полетел орёл так, что Локи задевал ногами камни и деревья. Запросил Локи пощады, а Тьяцци взял с него клятву, что тот выманит из Асгарда Идунн с её яблоками. Вернувшись домой, Локи рассказал Идунн, что нашёл в лесу замечательные яблоки, и попросил взять с собой свои, чтобы сравнить. Пошли в лес. Тут прилетел Тьяцци в обличье орла и унёс Идунн с её яблоками в страну великанов. Постарели асы без Идунн. И вспомнили они, что в последний раз видели её с Локи. Под угрозой смерти и пыток Локи взялся вызволить Идунн от великанов. Взяв у Фрейи соколиное оперенье, он полетел к Тьяцци. Когда того не было дома, превратил Локи Идунн в орех и полетел с ней в Асгард. Тьяцци бросился за ними в погоню, но асы его убили.

К асам причисляют и Локи — зачинщика распрей между богами, сеятеля лжи. Он красив собою, но злобен, коварен и хитёр на всякие уловки. Жену Локи зовут Сигюн, а их сына — Нарри, или Нарви. Есть у Локи ещё трое детей от великанши Ангрбоды: два сына — волк Фенрир и Мировой змей Ёрмунганд — и дочь Хель. Когда асы узнали, что будут им от детей Локи великие беды, бросил Один змея в глубокое море, а Хель низверг в страну мрака Нифльхейм. Там за высокими оградами и крепкими решётками стоят её палаты, которые называются Мокрая Морось. А сама она наполовину синяя, наполовину — цвета мяса, сутулая, и вид у неё свирепый. Волка же асы оставили у себя. Он-то и откусил Тюрю руку.

На краю небес, у самого моста Биврест, в чертоге Химинбьёрг живёт Хеймдалль, белый ас, страж богов, охраняющий их от великанов. У него есть рог Гьяллархорн, в который он затрубит перед концом мира.

Сначала наступит трехгодичная «великанская зима» Фимбульветр с жестокими морозами и свирепыми ветрами. Один волк проглотит солнце, другой похитит месяц. Звезды упадут с неба. От землетрясений загудит и задрожит ясьень Иггдра-силь. Вода зальёт землю, потому что перевернётся в море Мировой змей Ёрмунганд.

Расколется небо, и появится войско сынов Муспелля. Во главе этого войска великан Сурт со своим мечом, свет от которого ярче, чем от солнца. Поскачут они по мосту Биврест, и мост под ними провалится.

Рог Хеймдалля разбудит асов во главе с Одином и его дружину павших. Поскачет Один за советом к мудрому Мимиру.

Будет великая битва на необъятном поле Вигрид, что простирается на сто переходов в каждую сторону.

Один сразится с Фенриром, Тор с Ёрмунгандом, Тюр с псом Гармом, Хеймдалль с Локи, а Фрейр с великаном Суртом. Фенрир проглотит Одина, но Видар разорвёт ему пасть. Фрейр погибнет в схватке с Суртом, потому что не будет при нем его меча, который он отдаст Скирниру. Тор умертвит Мирового змея, но и сам, пройдя лишь девять шагов, упадёт замертво, отравленный его ядом. Убьют друг друга Тюр и Гарм, Хеймдалль и Локи. А Сурт сожжёт мир, и погибнут многие боги и люди.

Но после гибели мира наступит его возрождение. Поднимется из моря земля, зазеленеют поля. Поселятся на Идавель-поле, где прежде был Асгард, оставшиеся в живых сыновья Одина — Видар и Вали. Придут туда Модри и Магни, сыновья Тора, и принесут с собой молот Мьёлльнир. Возвратятся из Хель Бальдр и Хед. Выживут, укрывшись в роще Ходдмимир, и два человека — Лив и Ливтрасир, они дадут начало человеческому роду.

В соседней с асами стране, что зовётся Альвхейм, живут светлые альвы. Они прекраснее солнца. А тёмные альвы чернее смолы, и живут они в земле. На южном краю неба расположен чертог Гимле. Он прекрасней всех и светлее солнца; устоит он, когда обрушится небо и погибнет земля. В нем будут вечно жить праведные люди. На Окольнире стоит ещё один чертог — Бримир. В нем вкушают блаженство. Прекрасен и чертог Синдри, который находится в Горах Ущербной Луны и сделан из чистого золота. А чертог на Берегу Мёртвых свит из змей, головы которых повернуты внутрь и брызжут ядом. Текут близ него ядовитые реки, которые переходят вброд клятвопреступники и злодеи-убийцы. Но хуже всего в потоке Кипящий Котёл, где дракон Нидхегг гложет трупы умерших.

...Такова древнейшая основа скандинавских мифов. Но на неё, точно узор, накладываются описания вполне правдоподобных событий — это второй слой саг и преданий.

Собирая древние сказания, Снорри Стурлусон написал и «Эдду», и «Круг земной». Исследователи эддических мифов не замечают как будто бы, что те же асы в «Круге земном» — вполне реальные люди. После войн асы и ваны обмениваются заложниками и заключают мир. Затем асы двигаются на северо-запад (вместе с частью ванов); там ими были основаны государства.

Скандинавские песни о богах и героях рассказывают о небесном городе Асгарде, но если в основе этих представлений — мифы об обожествлённых предках, что характерно для древних ариев, то город этот следовало поискать на Земле. Хорошо известно, что у древних авторов (арабских и персидских) употреблялось одно и то же слово для обозначения и города, и его окрестности, и целой страны. Если это так, то можно было попытаться найти целую страну или область, послужившую прототипом для небесного Асгарда. Недаром же говорится о дальних и ближних чертогах божественного города — значит, речь могла идти о целой области или регионе.

Была предпринята попытка сближения асов с асурами^[4]. Но в развитой индийской мифологии асуры — лишь демоны, противники богов. Индоевропейская основа оказывается слишком широкой, противоречивой базой такого сближения, чтобы дать ответ.

Это может показаться странным неподготовленному историку и читателю, но «Сага об Инглингах» утверждает, что асы жили восточнее Дона (Танаквисля или Ванаквисля), а их главные соперники, ваны — близ устья той же реки. Речь идёт о временах до начала нашей эры.

Прежде всего меня привлекло удивительное совпадение географических названий на картах Исландии и Средней Азии.

В «Младшей Эдде» можно найти ценное свидетельство в пользу того, что и героям, и людям, и новым местам давались старые имена, по аналогии с прежней родиной, «с тем, чтобы по прошествии долгого времени никто не сомневался, что те, о ком было рассказано, и те, кто носил эти имена, это одни и те же асы». Вот почему имена древних богов не умирали. Вот почему в далёкой северной стране Исландии (исландский язык сохранил больше древних черт, чем другие скандинавские языки) можно найти, например, озеро Лангисьор с древним корнем «сор», «сьор» — «море», характерным и для языков народов Средней Азии. А вот названия исландских рек: Ховсау,

Екульсау, Творсау, Хамарсау. Приведём теперь для сравнения местные названия рек Таджикистана: Яхсу, Шаклису, Таирсу, Явансу. Ледник по-исландски называется «екуль», ледниковая река «екула», но тот же корень в несколько переосмысленном значении мы без труда находим в названиях горных озёр Средней Азии: Зоркуль, Шоркуль, Рангкуль и др. Прав автор «Младшей Эдды»! На новых местах люди действительно не забывали старые имена.

Интересно, что земля восточнее Дона в древности в скандинавских сочинениях («Какие земли лежат в мире» и др.) ещё до Снорри Стурлусона называлась Великая Свитьод — Великая Швеция. Это намять о прежней родине асов, точнее, племён, на языке которых слово «ас» означает «бог», «владыка».

Снорри Стурлусон не только поэт и общественный деятель, он прежде всего историк. Вот как он описал путь Одина.

«Одину и жене его было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имён всех конунгов. Поэтому он вознамерился отправиться в путь...»

Одина и его людей прославляли и принимали за богов, повествует «Эдда». И вот они пришли на север в страну саксов. Править страной Один оставил троих сыновей. Одного из них звали Вегдег. Он остался в восточной стране саксов. Второго сына Одина звали Бельдег, или Бальдр. Ему принадлежала нынешняя Вестфалия. Третий сын Одина, Сиги, правил землёй, которая позднее названа страной франков, и от него ведёт начало род Вольсунгов. Один пустился в дальнейший путь и достиг страны, которая называлась Рейдготланд. Правителем её Один сделал своего сына по имени Скьельд. От него происходит род Скьельдунгов. Это датские конунги, а страна позднее стала зваться Ютландией.

Потом Один достиг страны, что зовётся ныне Швецией. Тогда ею правил Гюльви. Он вышел встречать Одина и сказал, что тот может властвовать в его государстве, как только пожелает. В любой стране, отмечает источник, где они останавливались, наступали времена изобилия и мира. И все верили, что это творилось по воле Одина и его сподвижников. И ни красотой своей, ни мудростью асы не походили на прежде виданных ими людей. Одину понравились северные земли, и он выбрал место для города, который зовётся Сигтуна...

«После того он поехал на север, пока не преградило путь море, окружавшее, как им казалось, все земли. Он поставил там своего сына править государством, что зовётся теперь Норвегией. Сына же звали Сэминг, и от него ведут свой род норвежские конунги, а также и ярлы, и другие правители... А с собою Один взял сына по имени Ингви, который был конунгом в Швеции, и от него происходит род, называемый Инглингами. Асы взяли себе в той земле жён, а некоторые женили и своих сыновей, и настолько умножилось их потомство, что они расселились по всей Стране Саксов, а оттуда и по всей северной части света, так что язык этих людей из Азии стал языком всех тех стран. И люди полагают, что по записанным именам их предков можно судить, что имена эти принадлежали тому самому языку, который асы принесли сюда на север...»

Но если все, что отмечено выше относительно географии, отражает истину, то можно, вероятно, найти совпадения в древнеиранских (арийских) и эддических мифах. Да, такие совпадения налицо. Боги-ахуры иранской мифологии соответствуют асам. Чудовищный дракон Дахака не только похож на дракона скандинавских песен и саг Нидхегга, но и созвучен с ним своим именем. Иранские космогонические мифы утверждают, что мир сотворён из частей тела человека, принесённого в жертву, а скандинавские источники называют и его имя — великан Имир. У источника Ардвисуры произрастает мировое древо (оно известно под разными названиями). Это в древнем Иране. А в Скандинавии это древо называлось ясенем Иггдрасиль, а источник — Урдом. На мировом древе, или на древе всех семян, живёт царь птиц Сэнмурв, который рассыпает семена по земле, другая птица относит их к источнику, из которого пьёт звезда (Сириус), осыпаящая землю дождями. С дождями семена возвращаются на землю. Но две птицы известны и скандинавским источникам. На вершине ясеня Иггдрасиля сидит тоже царь птиц — мудрый орёл (легко извинить утрату имени Сэнмурв скандинавами, ведь прошла тысяча с лишним лет со времени переселения асов, прежде чем сказания были записаны; зато у соседей асов, ванов, осталось имя царя птиц — Симаргл). Меж глаз у орла — ястреб Ведрфельнир.

Золотой век, по мнению древних иранцев, сменяется жестокой борьбой сил зла и добра, добрых и злых богов и духов. Мир погибнет.

Но перед концом мира наступит страшная зима. Скандинавские источники воспроизводят эту схему и уточняют: зима будет длиться три года, её название — Фимбульветр. Боги будут бороться с чудовищами. У иранцев это прежде всего дракон Дахака. У скандинавов — Мировой змей Ёрмунганд и Мировой волк Фенрир. Источники согласно утверждают: мир погибнет в огне. Но после гибели мира наступит его возрождение.

Иранский памятник «Авеста» неоднократно указывает на очищающую роль огня^[5]. Космическое и земное воплощение огня пронизывает ведическую космологию^[6]. В Ригведе огонь именуется «стражем священного порядка» (Ригведа, VII, 3, 3).

Можно отметить много почти буквальных совпадений; между тем основу древнеиранской мифологии отделяет от записей Снорри Стурлусона более полутора тысяч лет.

Мне предстояло получить наряду с целым рядом косвенных свидетельств и непосредственные доказательства.

Прежде всего нужно было как бы проникнуть в мир древних языков и древнейших источников, ведь раньше многие слова и названия звучали иначе. Иногда было несколько вариантов географических названий. Да и само слово «асы» звучало ещё так: «ансы», «аньси». Этот звук «н» проявляет себя, например, и в названии вятичей (русское слово «вятич» звучит как «вантит» в арабских источниках, но арабские авторы услышали или прочитали это в источниках персидского круга и т. д.).

Германцы выбирали имена по смыслу их, веря, что этот выбор влияет на судьбу человека до самой его смерти. Мне было хорошо известно, что некоторые древнегерманские имена включают в свою основу корень «анс» — в честь асов, или, точнее, ансов. Например, имя Ансельм. Точно так же в честь мифических альвов, с учётом перехода «в» — «б», ребёнка могли наречь Альберихом. Но раз в самом древнем языковом пласте осталось слово «ансы», то нельзя ли найти мифическую страну асов, пользуясь этим обстоятельством как ключом? Оказалось, можно. Этот поиск привёл к таким неожиданным результатам, что, если бы не вера в новооткрытые мной законы метаистории, я ни за что не поверил бы им.

В древности была страна Аньси. Так она называется в китайских источниках. Другое её название — Парфия. Это крупнейшее

государство, соперник Рима на востоке. Некоторые историки полагают, что китайское название происходит от имени основателя династии Арсака (Пуллиблэнк Э., 1962. См.: Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989, с. 198). Но если это так, то название страны могло начаться, с лёгкой руки китайских хронистов, новую жизнь. Ведь хорошо известен Великий шёлковый путь и связи Китая с Передней Азией. Но в это было трудно уверовать.

Арсак, основатель династии Аршакидов, мог бы, конечно, передать своё имя огромной державе, просуществовавшей после него без малого пять столетий.

Но сам Арсак, оказывается, провозгласил себя царём в городе Асаак. И если бы «Аньси» было лишь иероглифической транскрипцией имени Арсак, как полагает Э. Пуллиблэнк, то невозможно было бы согласовать это с названием города, где основатель династии стал царём Парфии. Ведь город Асаак назван Исидором Харакским, вовсе не китайцем, и его текст, посвящённый Парфии, никак не связан с текстом, оставленным известным китайским (ханьским) дипломатом и путешественником Чжан Цяном и другими китайскими источниками. Более того, город Асаак вообще не упоминается в китайской литературе.

Стало ясно, что именно город Асаак с его основой «Ас» дал имя Аньси с той же основой «Ас», «Анс». Личные имена германцев помогли в этом убедиться. Вечный огонь в городе Асааке упоминается Исидором Харакским («Парфянские стоянки», 11-13), это символ мировоззрения того времени. Сам же город располагался в области Астауэиа, содержащей ту же основу «Ас». По соседству располагалась другая область Парфии (её древнее ядро) — Парфиена с гробницами царей (обожествлённых предков). Город, где находились гробницы, также назван. Это Парфавниса или Нисая, причём Исидор Харакский указывает, что Нисая

— греческое название. Надо полагать, в самой Парфии было гораздо более распространено местное название — Парфавниса. Старая Ниса и Новая Ниса — эти названия дожили до сегодняшнего дня. Города расположены под Ашхабадом. Само слово «Ашхабад», или «Асхабад», означает «город любви». Как возникло это название? Неизвестно. Я предполагаю, что корень тот же: «Ас». Позднее

пришедшие тюрки лишь переосмыслили его. Возможно также, что «город любви» по смыслу соответствует назначению гробниц и храмов Нисы и соседнего Асаака: почитание обожествлённых предков (любовь к ним), то есть поклонение богам. И в эддическом цикле асы — и боги и предки одновременно.

Вместе с историком и читателем мы как бы нашли этимологический и мифологический ключ к стране асов. Но теперь предстоит найти и все остальные ключи, то есть получить и другие доказательства.

Снорри Стурлусон пишет в своём «Круге земном»: «Круг земной, где живут люди, очень нарезан заливами из океана, окружающего землю, в неё врезаются большие моря. Известно, что море тянется от Нервасунда до самого Йорсалаланда. От этого моря отходит на север длинный залив, что зовётся Чёрное море. Он разделяет трети света. Та, что к востоку, зовётся Азией, а та, что к западу, некоторые называют Европой, а некоторые Энеей. К северу от Чёрного моря расположена Великая, или Холодная, Швеция. Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой страны сарацин, а некоторые равняют её с Великой Страной Чёрных Людей. Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и, холода, как южная часть Страны Чёрных Людей пустынна из-за солнечного зноя. В Швеции много больших областей. Там много также разных народов и языков. Там есть великаны, карлики, и чёрные люди, и много разных удивительных народов. Там есть также огромные звери и драконы. С севера, с гор, что за пределами заселённых мест, течёт по Швеции река, правильное название которой Танаис. Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль. Она впадает в Чёрное море. Местность у её устья называлась тогда страной ванов, или жилищем ванов. Эта река разделяет трети света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу, Европой» (Сага об Инглингах, I).

«Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной асов, или жилищем асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним. Там было большое капище. По древнему обычаю, в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались диями, или владыками» (Сага об Инглингах, II).

Одного из сыновей Одина звали Скьельдом. Он правил страной, что позднее названа Данией. Внук Скьельда Фроди. В «Саге об Инглингах» говорится, что Фроди правил в эпоху римского императора Августа, и сообщается: «Тогда родился Христос». Это рубеж двух эр. Значит, Один, прадед Фроди, повёл своих людей в северные земли раньше, примерно в I веке до н.э.

Сага сообщает, что Один оставил в Асгарде двух своих братьев, Ве и Вили. Сам же он покинул Асгард, потому что был провидцем и знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Вместе с тем называется и другая, ещё более серьёзная причина ухода: натиск Рима.

На многих древнескандинавских картах направление юг-север не совпадает с современным, а повёрнуто на угол в 45 градусов и указывает на северо-восток^[7]. Это приводит нас снова к направлению на юго-восток от Дона: в районы Предкавказья или ещё более южные районы.

Но Асгард мог возникнуть, вероятней всего, как исключительное явление, как достижение градостроителей великой державы.

Обратимся теперь к одному характерному свидетельству эддического цикла: в городе асов росли деревья с золотыми листьями.

«Младшая Эдда» помнит о целой роще таких деревьев. И это не выдумка, не фантазия. Можно ли это доказать? Можно. Роща называлась Гласир. Золотая листва её радовала глаз.

Мне помогло в поисках собирательное понятие «роща», оно указало на возможность культуры, причём весьма древней. Опуская подробности, привожу сразу ответ: речь идёт о декоративных персиковых деревьях с пурпурными листьями. Латинское название этой разновидности как важнейший признак отмечает золотой цвет листы. Точнее, это цвет червонного золота (Щепотьев Ф.Л. Дендрология. М.-Л., 1949, с. 193).

Персиковые рощи на Востоке не редкость. Считается, что родина этого дерева — Китай. Для него характерны красновато-коричневая кора стволов и старых ветвей и зеленые или красноватые молодые ветви. Интересно, что даже персик обыкновенный описан в разных книгах и атласах по-разному. В той же «Дендрологии» персик обыкновенный назван деревом высотой до восьми метров, а в «Ботаническом атласе» под редакцией Б. К. Шишкина (М.-Л., 1963, с.

108) — всего-навсего небольшим деревцом высотой три-пять метров. Этот последний атлас и многие другие издания не упоминают о деревьях с пурпурными листьями.

Найти рощу Гласир было непросто! Осеннее золото сентября и октября, скромное украшение северных лесов не имеет отношения к священной роще асов.

Описание рощи Гласир заставило меня снова искать Асгард далеко на юго-востоке от Скандинавии, там, где можно найти персик с золотыми листьями, похожими на иглы (и эта особенность дерева отмечена в эддических мифах). Но такие деревья могли украшать города Закавказья и Персии, ведь близ устья Дона этот вид персика не выдерживает холодных зим.

И поиск рощи Гласир снова привёл в Парфию! Там правила династия Аршакидов (250 г. до н.э. — 224 г. н.э.).

Родоначальник Аршакидов (Арсакидов) — Аршак (Арсак), являлся вождём племени парнов, так считает традиция. Страбон говорит о его скифском происхождении.

Знаменитый историк древности пишет, что парны-даи пришли с северных берегов Азовского моря (Меотийского озера), но тут же он делает оговорку, что не все согласны с тем, что даи есть среди скифов, «живущих над Меотидой» (XI, 9, 8). Затем Страбон опять подчёркивает, что от этих скифов-даев ведёт свой род Аршак, хотя некоторые считают его бактрийцем (то есть выходцем из среднеазиатского государства Бактрии).

Как видим, у Страбона даны две версии происхождения Аршака — скифо-азовская и среднеазиатская. Правда, в Средней Азии тогда обитали тоже скифы и их сородичи.

Племена Северного Кавказа, Кавказской Албании и Парфии не раз брались совместно за оружие, чтобы отразить натиск неприятеля. Потомки должны были помнить о совместных пирах с «круговыми ковшами». Чертог убитых Валгалла — не порождение фантазии. Валгалла принадлежала Одину, там собирались павшие в бою храбрые воины — эйнхерии. Вряд ли, конечно, в любом земном замке, даже в Парфии, можно было увидеть чудеса, описанные в мифах. Но воины вспоминали павших. С ними пировал Один, правда, в разных обличьях, под разными именами (вообще у него множество имён, ибо, как отмечено в «Младшей Эдде», они произошли оттого, что, сколько

ни есть языков на свете, всякому народу приходится переименовывать его имя на свой лад). Эта многоименность Одина органично вытекает из факта сосуществования Парфии и её соседей, которые и говорили часто на том же языке, и почитали Парфию, как мусульмане позднее — Мекку. Авторитет Аршакидов был велик, многие кровные родственники парфянских владык были вождями и владыками соседних племён, и у каждого народа того времени могла быть своя Валгалла. Это, например, Халхал, зимняя резиденция албанских владетелей. Название это можно считать состоящим из двух корней. Первый из них передан с заменой согласных звуков «в»-«х» — такая замена весьма характерна для некоторых наречий. Второй же означает «чертог», или «большой зал. Нелишне отметить и случаи взаимной замены букв „в“ и „г“ в начале слов и в самих древних источниках.

Зимние княжеские пиры отвечали вполне характеру албанских владетелей, открытых, искренних, мужественных.

Но в Парфии, крупнейшей после Рима державе древнего мира, Валгалла должна была нести скорее идеологическую нагрузку, вдохновлять воинов и союзников на примере предков. Поэтому характер её, внешний облик и ритуалы должны быть тоже иными.

Местоположение Нисы, духовного центра Парфии, было выяснено не так давно. Это одновременно и главный город Парфии, ядра Парфянского царства. Он занимал две возвышенности поблизости от современного селения Багир неподалёку от Ашхабада. Как уже говорилось, древнее название Нисы Парфавниса (Исидор Харакский, 11-13). В истории Албании Кавказской особое место занимает Партав

— один из главных её городов, позднее столица и резиденция князей — Парфавниса (Партавииса) названа в дорожке Исидора Харакского почти тем же именем. Непосредственное взаимовлияние Парфии и Албании налицо.

На одной из двух возвышенностей — царская крепость Аршакидов, там находились дворцы с хозяйственными службами, храмы, винохранилища, место пребывания гвардии. Это место называется сейчас Старой Нисой. Есть основания считать это резиденцией (или одной из резиденций) парфянских владык. Но в таком случае именно здесь надо искать Валгаллу.

Отдельные архитектурные объекты здесь исследованы. Удалось восстановить приблизительный облик некоторых из них.

Мне предстояло ознакомиться с материалами раскопок и найти Валгаллу на основе этих данных. Внимание привлёк загадочный Круглый храм Старой Нисы. В плане внешний контур стен этой постройки образует квадрат. А внутри располагалось единственное, причём круглое помещение диаметром не менее семнадцати метров. Высота стен этого круглого зала достигала двенадцати метров. Здесь было два яруса. Первый ярус сиял белизной. Во втором ярусе (с высоты шести метров) располагались колонны и раскрашенные статуи. Все сооружение вызывало и вызывает немало недоуменных вопросов. В книге И.Т. Кругликовой «Античная археология» (М., 1984, с. 159) можно найти указание на культ великих самофракийских богов-кабиров, который распространился из Средиземноморья. Круглый храм Старой Нисы, по её мнению, связан с этим культом. Эта точка зрения была впервые высказана ещё в пятидесятых годах Г.А. Пугаченковой, изучавшей парфянские памятники, и поддержана Г.А. Кошеленко. Но впоследствии Г.А. Кошеленко отказался от сопоставления парфянского памятника с самофракийским храмом Арсинойон. Он стал подчёркивать различие внешнего вида двух сооружений: Арсинойон круглый в плане, а парфянский храм — квадратный с внутренним круглым залом. Известны и другие параллели. Упоминается в связи с этим, например, Галикарнасский мавзолей.

Я должен вкратце изложить свою точку зрения.

Архитектура сооружения в Старой Нисе оригинальна! Двухъярусность Круглого храма соответствует особенностям других памятников, например Квадратного зала в той же Старой Нисе. Статуи второго яруса из глины-сырца, они также местные, их создание говорит о вековой традиции. Естественно предположить, что это не изображения кабиров или других богов, плохо знакомых парфянскому населению, тем более союзникам Парфии, руководимым теми же Аршакидами.

Обожествлённые предки, асы, встречали здесь гвардию и других воинов! Это их статуи вызывали как бы эффект их присутствия. Любопытная деталь: в «Младшей Эдде» прямо говорится, что Один пировал с воинами вместе, но никогда не притрагивался к еде, ему достаточно было одного вина. Мне не удалось разыскать этого глиняного Одина, которому не нужно было даже вареное мясо вепря.

Но недаром в скандинавских же источниках не раз упоминаются глиняные исполины. В форме мифа осталась память и о технике скульпторов тех давних эпох!

Несколько слов о Квадратном зале. Его площадь около четырехсот квадратных метров, высота потолков достигала девяти метров. Между колоннами в специальных нишах были установлены глиняные раскрашенные скульптуры. Однако они появились лишь в начале нашей эры, а до этого, вероятнее всего, зал служил для приёмов. Он располагался в центральной части Старой Нисы и был, несомненно, связан в единый ансамбль с Валгаллой.

Самым интересным, с моей точки зрения, является так называемый Квадратный дом в той же Старой Нисе (не путать с Квадратным залом). Он как раз и даёт ключ к Асгарду, говоря образным языком. Здесь, в Квадратном доме, располагались двенадцать однотипных помещений с сокровищами и произведениями искусства. Что это за комнаты? Сокровищница? Несомненно. Но не просто сокровищница, как полагают археологи. Это сокровищница Асгарда! Каждая из комнат была посвящена одному из двенадцати асов. Когда дары асам из разных земель наполнили эту сокровищницу, дверные проёмы комнат один за другим были замурованы и опечатаны. Это сделали, конечно же, жрецы. Но жрецы и в скандинавских мифах нередко отождествлялись с самими асами, и никто не смел входить в комнаты-сокровищницы после них. И это строго выполнялось вплоть до наших дней, когда озадаченные археологи вскрыли помещения, не подозревая, что в их руках оказались сокровища Асгарда.

Со временем все комнаты сокровищницы асов были заполнены дарами, поступавшими, надо полагать, от многих родственных племён и даже из далёкой Фракии. После этого строится второй ряд кладовых. Но и эти кладовые были заполнены, и снова сокровищница асов расширяется.

Внутренний двор, окружённый кладовыми, обведён колонным портиком.

Есть ли прямые доказательства принадлежности Квадратного дома асам, и прежде всего верховному богу? Да, есть. В одной из комнат-сокровищниц хранились ритоны из слоновой кости высотой от 30 до 60 сантиметров. Они датируются II веком до н.э. Это время

Одина. Эти ритуальные сосуды оканчивались внизу фигурками животных и фантастических существ, многих из них можно узнать по описанию в исландских сагах. Некоторые из ритонов очень похожи на фракийские той же «эпохи Одина». Верхняя часть ритонов украшена рельефными фризами. Некоторые исследователи полагают, что на фризах изображены олимпийские боги греков. Это не так. Даже сильно развитое воображение не позволяет отождествить изображения с олимпийскими. Можно говорить, конечно, о греческом влиянии, о почерке мастера, создавшего тот или иной ритон. Но изображены, бесспорно, не греческие боги. Нетрудно отождествить Одина, Тора, других богов и богинь, занятых именно тем, чем занимаются асы в сагах. Сокровищница с ритонами принадлежит главному богу Одину. Ведь сказано же в «Младшей Эдде», что ему не надо угощений, а нужно лишь вино! А рядом с сокровищницей, в той же Старой Нисе, располагалось большое винохранилище. И Один был участником ритуальных праздников, как и подобает обожествлённому предку.

Ещё один аргумент. Снорри Стурлусон утверждает, что трон Одина был из слоновой кости. Странновато для Исландии, не правда ли?

Но Асгард находился далеко на юго-востоке от Исландии, почти на другом конце земного шара. Владения Парфии простирались до Индии. В Старой Нисе найдены детали мебели. Они из слоновой кости. Я насчитал пятьдесят девять деталей и фрагментов этой мебели асов — ножек, резных перекладин, деталей спинок и пр. — и убедился, что Снорри Стурлусон прав.

В Новой Нисе, на втором холме, мы найдём и другие описанные в сагах реалии. Это храмы и некрополь парфянской знати.

Автор «Младшей Эдды» говорит, что в Асгарде первым делом построили святилище с двенадцатью тронами и престолом для Всеотца. И все в этом доме «как из чистого золота». Выражение очень точное! Из описания следует, что здание не было золотым; оно лишь внешне похоже на драгоценный металл. Описанию отвечает храм Новой Нисы, сооружённый в III-II веках до н.э. и разрушенный в I веке до н.э. Это тоже эпоха Одина. Храм возведён на платформе, сложенной из сырцового кирпича. Высота платформы — около метра. Тыльная часть его примыкала к городской стене, с трех сторон оно было окружено колоннами. Вход располагался в центре длинной стороны.

Здание это двухъярусное. Нижний ярус соответствовал по высоте колонному портику. Его украшали пристенные полуколонны и терракотовые плитки. Полуколонны и узкая полоса фриза были чёрными. А вся стена первого яруса — малиновая. Она и впрямь «как бы из чистого золота». Ведь червонное золото, как и листья пурпурного персика, примерно такого же цвета! (Здесь, у этого святилища, и располагалась роща Гласир.) Верхний ярус — белый (он как бы из серебра, что и указано неоднократно в эддических мифах).

В двадцатитомнике «Археология СССР...» (том «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии». М. 1985, с. 219) указано:

«Храмовый характер сооружения не вызывает сомнений у исследователей (Пугаченкова Г.А., 1958; Кошеленко Г.А., 1977), однако не было предложено сколько-нибудь убедительных его типологических сопоставлений и не определён характер культа».

Это сказано именно о храме, развалины которого обнаружены близ городской стены в Новой Нисе.

Талантливые учёные-археологи не смогли предложить «сколько-нибудь убедительных его типологических сопоставлений» и определить «характер культам. Кому из них могло присниться, что это Асгард?

Моисей Каганкатваци в своей «Истории агван (албан)» перечисляет десять древнейших царей Албании. Все они из рода Аршакидов (Каганкатваци М. История агван. СПб., 1861, с. 87). В прибавлении к этому сочинению К. Патканьян разбирает многочисленные связи парфянской династии и указывает на родство с ней многих князей соседних племён, в первую очередь северокавказских. «По тем известиям, пишет К. Патканьян, — которые разбросаны в разных местах у армянских авторов, видно, что род Аршакидов пользовался в Азии большим уважением, особенно у соседних народов. Довольно было быть Аршакидом, чтобы претендовать на какое-нибудь царство...

Сами Аршакиды старались, чтобы на престолах соседних народов были их родственники. Таким образом, кроме Персии, Аршакиды царствовали в Армении, Грузии, Агвании и у массагетов».

Известны также индийские Аршакиды (цари кушан). Одна из ветвей Аршакидов царствовала к северу от Кавказа над лпинами.

Авторитет Парфянского царства и особенно мирные отношения его с соседями обусловили и культурное влияние на весь регион, в том числе на районы севернее Кавказского хребта. Парфянские цари заботились об усилении этого влияния. Этой цели должны были служить и великолепные постройки в родовой усыпальнице Нисе-Асгарде. Это родина богов, город обожествлённых предков-династов. Ещё в прошлом веке отмечена связь храмовой архитектуры с погребальными культурами и сооружениями^[8].

* * *

Вёльва — в переводе с исландского — прорицательница. Слово это, вопреки М. Фасмеру, одного корня с русским «волхв». В «Прорицании вёльвы» говорится о начале и конце мира. Врагами светлых асов выступают Сурт (дословно: «чёрный»), Мировой змей и волк Фенрир. Волк в этой битве поражает Одина. Наступают «сумерки богов» (Рагнарок).

Во время небывалой войны «солнце померкло, земля тонет в море, срываются с неба светлые звезды... жар нестерпимый до неба доходит».

Но будущее светло и безоблачно: «...Вздывается снова из моря земля, зеленея, как прежде; падают воды, орёл пролетает над морем, рыбу он хочет поймать». Земля возвращается к жизни. Сумерки, гибель асов — все как бы забыто.

Вёльва продолжает: «Встречаются асы на Идавелль-поле, о поясе мира могучем беседуют и вспоминают о славных событиях и рунах древних великого бога. Снова должны найтись на лугу в высокой траве тавлеи золотые, что им для игры служили когда-то». Воскресение богов предваряет всеобщую картину процветания. «Заколятся хлеба без посева, зло станет благом».

В этой картине возрождения важную роль играет Идавелль-поле. Но все попытки понять и перевести это название ни к чему практически не привели за все шестьсот лет знакомства с мифами и произведениями Снорри Стурлусона.

Идавелль-поле переводят как «вечнозелёное поле», «сияющее поле», «поле неустанной трудовой деятельности» («ида» — занятие,

деятельность, работа). Что же на самом деле означает это непонятное название? Прежде всего в нем, бесспорно, два слова, два корня. Второй корень «ида» переведён верно. Мне предстояло дать перевод корня «велль».

Задача была бы простой, если бы речь шла о современном исландском слове. Но безуспешные попытки многих предшественников были для меня лучшим свидетельством, что корень этот не современный. Я предположил, что он должен хранить косвенную информацию о переселении скандинавов на север из южных или, точнее, юго-восточных стран. Но самые древние корни — общие для многих языков. Так удалось прийти к однокоренным словам, оставшимся как в древнеиндийском, так и в славянских и балтийских языках. Исландское «вала» и русское слово «валун» означают то же самое: округлый камень. Латвийское «велът» и древнеиндийское «валати» родственны русскому глаголу «валить», «поворачивать», а также «катать». Мяч в английском и немецком звучит почти так же, с учётом частого перехода звука «б» в «в» (как в именах Василий — Базиль). Я был уверен, что «велль» содержит корень с тем же смыслом и звучанием.

Занятие шаром. Занятие катанием. Вот смысл имени «Идавелль». Поле для игры с шаром — вот что такое Идавелль-поле.

Я остановился на таком переводе по счастливой случайности. Я нашёл эти каменные шары на Идавелль-поле. Но сделаны они из гипса. Им две тысячи лет. Находили их и до меня. Объяснений не было. Внутри шаров сохранились остатки растений. И этому не было объяснений. Но это шары для игры асов! Растения (сухие, естественно) облегчают вес такой игрушки, делают её прочнее. Но это не волчок. Игра велась на поле, напоминающем современный стадион (похоже на славянские игрища и игры в честь умерших).

Поле, похожее на стадион, расположено близ Мансурдепе, недалеко от Нисы. Там и собирались асы для игр и бесед.

Назначение комплекса Мансурдепе учёным неясно, об этом идут споры. Надеюсь, теперь все встанет на свои места. Второе поле с гипсовыми шарами было в самой Нисе, то есть в центре Асгарда.

Аршакиды (это династическое, царское имя, подлинные имена многих правителей Парфии нам неизвестны) состояли в родстве со

старейшинами многих племён. Почему бы не попытаться найти следы этой игры асов, например, в кавказских мифах?

Мне удалось это сделать, ознакомившись с эпосом осетинского народа «Нарты».

Вот как в позднем поэтическом изложении выглядит эта «игра в камни» (в самом Асгарде использовались не камни, а гипсовые шары):

Раз на заре — ещё едва светало —
Отборные от каждого квартала
Все юноши с оружием вышли к бою,
Чтоб забавляться нартскою игрою
К поляне игр участники стекались
И к состязанью там приготавлились,
К борьбе сынаг, к метанию камней,
И лишь тогда оставили коней,
Когда уж были в поле для игры...

Речь идёт об игровом поле! И далее говорится о катании камней — совпадение с переводом названия поля буквальное (Нарты. М., 1957, с. 120, 121):

Вот начали играть: катали камни,
Испытывая силы в состязанье.
Вот первый камень катится с горы,
Гремит и скачет первенец игры.
Но Урызмаг рукой, что было сил,
Огромный камень на лету схватил.
Несутся камни, Урызмаг их ловит
И новый ряд камней уже готовит.
Хамыц же быстро камни те берет,
По одному Борсе передаёт.

Поражает на удивление долгая народная память, которой, бесспорно, помогают образность, живая форма стиха или песни, мифологическое содержание.

...Итак, Асгард — это Ниса, город обожествлённых предков, а в расширительном значении — Парфия (страна Аньси, т.е. «Асы»).

МЕТАИСТОРИЯ — О ВАНАХ

Об открытии Асгарда автором этих строк ТАСС сообщил 21 мая 1989 года; а сам факт, как мне кажется, расширяет горизонт поисков.

Изучение миграций народов древности даёт новую историческую картину. Это похоже на движение континентов, которые раньше считались неподвижными и потому ответов на многие вопросы геофизики не было.

Одно из великих переселений племён, оставшееся незамеченным историками, поможет ответить на вопрос о двойной родословной Одина. Почему Один якобы владел Фракией? Почему Асгард в «Младшей Эдде» отождествляется с Троей (в то же время асы «жили восточнее Дона»)?

Троя расположена в Малой Азии вместе с её округой, землёй-Троадой. Но Малая Азия составляла в древности единое этнокультурное целое с Фракией. Это единый трояно-фракийский регион.

Чтобы понять ход событий, нужен метаисторический экскурс.

Я изучил тысячи дохристианских славянских имён и около тысячи имён на надгробьях легионеров-фракийцев, насильно мобилизованных в римские когорты. Установлено: несколько сотен дохристианских славянских имён — это имена фракийские. Я изучал также верования фракийцев. Все боги восточных славян (в Киевской Руси) — это боги трояно-фракийцев: фракийский Перкон — это Перун, Стрибог — это бог Сатре фракийского племени сатров, Даждьбог — это малоазийские Тадз, Даж, Тадзена (несколько иную запись этого имени даёт использование греческой буквы «дзета», «ж» не было!), Купала — это фригийская Кибела и т. д. Карелы — это кораллы («желтоволосые кораллы» — пишет об этом фракийском племени Овидий в I веке н.э.). Поляки, ляхи — это лаии — фракийское племя. Бессы — это весь, вепсы («в» переходит в «б», как в именах Василий — Базиль) и т. д.

Одрисы — это русы. (Одрисами их называли греки, сами себя они называли русами.) Рус — это леопард, древнейшее слово, прочитанное мной на камнях Малой Азии. Вера в прародителя-леопарда характерна и для расенов-этрусков (этруски — название латинское!), также

вышедших из Фракии или, точнее, из трояно-фракийского региона. Тропа Троянова, земля Троянова, века Трояновы в «Слове о полку Игореве» — это вовсе не от имени римского императора Траяна, до которого народу не было дела! Это тропа из Трои, из Трояды. Одна дорога вела на запад — её избрали расены (этруски), другая — на север, и её избрали русы.

В моей работе «Века Трояновы» (Сб. «Дорогами тысячелетий», кн. 2. М., 1988, с. 60-116) исследована история Руси и русов. Задолго до Киева во Фракии образовалось государство, объединявшее фракийские племена. В V веке до н.э. этот союз возглавил Терес (Тарас, переход «е» — «а», как в случае Ксения — Оксана). Сложилась монархия, которая противостояла скифам, грекам, затем некоторое время — Риму. Было это за тысячу с лишним лет до первого упоминания Киевской Руси в летописи. Но уже тогда фракийские племена были главной силой от Чёрного моря до Адриатики. Существовали примерно в тот же период и государства в Иллирии (эту область по праву считают частью Фракии в расширительном значении).

О фракийцах много написано античными авторами. Ксенофан из Колофона (около 570-470 гг. до н.э.) в числе других оставил нам типичное описание их внешности:

Если бы руки имели быки, или львы, или кони, Если б писать, точно люди, умели они что угодно, — Кони коням бы богов уподобили, образ бычий Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый сравнил бы С той породой, к какой он и сам на земле сопричислен.

Чёрными мыслят богов и курносыми все эфиопы, Голубоглазыми их же и русыми мыслят фракийцы.

Фракийское племя, объединившее другие племена региона, называло себя русами. Античные же авторы называли их одрисами (произносилось: «одрюсы»). Случай тот же, что и с этрусками, которые сами себя называли расенами (росенами), а латинские авторы называли их этрусками. Самоназвание народа вообще нередко отличается от его названия на другом языке.

Назову имена других правителей Фракийской Руси: Севт, Садко (Садок), Котис (Котко). Одрисы вели в I веке до н.э. уже проримскую политику, однако Рим вмешивался в их дела. В I веке н.э. Фракийская

Русь потеряла самостоятельность. Притеснения римской администрации привели к уходу фракийцев на север, на Днепр. Началась крестьянская колонизация Поднепровья. Так образовалась черняховская археологическая культура.

В моей статье неточно указана численность войска государства русов-одрисов (с. 109). Оно насчитывало не 15000, а 150000 всадников и пеших воинов (Фукидид). Это, конечно, больше, чем могла выставить даже спустя полторы тысячи лет Киевская Русь. Скифы не могли одолеть русов-одрисов, хотя они же успешно противостояли персам, мощь которых вне сомнений.

Многочисленные, точно звезды на небе, по сообщениям античных авторов, фракийцы верили в бессмертие души. С таким народом трудно воевать. Рим опирался на фракийцев во многих войнах. Рослые, физически сильные, фракийцы входили в состав римских легионов. Были и римские императоры-фракийцы и иллирийцы.

Фракия пришла в движение в начале нашей эры. Неисчислимы фракийцы и иллирийцы (ильмерцы) неостановимым потоком двинулись на север, занимая все пригодные для сельского хозяйства земли. Остались тысячи кладов I-II веков н.э., в которых немало римских наград legionарам-фракийцам. Район этих кладов фракийцев занимает огромную территорию до берегов Днепра на востоке и далее.

Именно на правом берегу Днепра образовалась позднее Киевская Русь — подобие Руси Фракийской. Русы-одрисы были объединительной силой, как и тысячелетием раньше. И здесь в их государство вошли многие племена, которые переселялись с ними на север. Некоторые из племён создали самостоятельные государства, отойдя от первоначального союза русов. Кробизы стали называться на новой территории кривичами, друговиты — дряговичами, бессы — весью, кораллы — корелой, лаии — ляхами (поляками) и так далее. На севере возникла Новгородская Русь, также восприемница Руси фракийской. Позднее образовалось Московское государство, Московская Русь, последняя по времени из восприемниц Фракийской Руси.

Именно метаистория позволяет ответить на вопрос о фракийской родословной Одина.

На пересечении путей переселения асов на северо-запад и трояно-фракийцев на север и северо-восток и следует искать ответ. Ведь и в

«Слове» осталась память о Трое. Многие древнеисландские слова ближе к русским, чем слова других германских языков.

* * *

Ваны — соседи и соперники асов. Читатель уже знает о войне асов с ванами. Война эта шла с переменным успехом и закончилась миром. Обе стороны обменялись заложниками. Так среди асов появился ван Ньёрд, который правил Швецией после смерти Одина.

Затем сага рассказывает о Фрейре, сыне Ньёрда, который стал править шведами после смерти своего отца. При Фрейре, ване по происхождению, были такие же урожайные годы и его все любили, как и его отца. Внук Фрейра, Свейгдир, правил после своего отца Фьельнира. Свейгдир дал обет найти жилище старого Одина, то есть Асгард, и побывал в Стране турок и в Великой Швеции (Великой Свитьод). Там он встретил много родичей. Поездка в древнюю страну асов продолжалась пять лет. Затем Свейгдир вернулся в Швецию и женился на женщине по имени Вана. Как отмечает сага, Вана была из жилища ванов, как и сам Свейгдир и его предки — правители Швеции. У них родился сын Ванланди (Сага об Инглингах, XII).

Рассказ о ванах вполне реалистичен, так же, как и повествование о походе Одина на север.

Но что же осталось с «жилищем ванов» после ухода части ванов и асов на северо-запад? Да и можно ли отыскать след ванов — не богов, не мифических героев, а реальных ванов?

Я долго искал их след. Наконец в арабских источниках я отыскал название племени вантит. Строго говоря, это название можно отнести и к названию города, и к названию всей земли. Выслушаем древнего автора Гардизи: «И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит».

Арабское слово «мадина» означает и город, и территорию, ему подвластную, и всю округу. В древнем источнике «Худуд ал-Алем» говорится, что некоторые из жителей первого города на востоке страны славян похожи на русов.

Заметим, что речь идёт о тех временах, когда здесь ещё не было русов! Земля же эта управлялась своими князьями, которые именовали

себя «свиет-малик». Отсюда шла дорога в Хазарию, в Волжскую Болгарию.

Только позднее, в XI веке, состоялись походы сюда русов. Владимир Мономах ходил на Ходоту, владетеля земли Вантит и на сына его. Главным городом вантит-ванов был тогда Хордаб (Корьдно в русских источниках, возможно, Корьден, созвучно с «гард»).

Земля Вантит располагалась в те далёкие времена по берегам Оки и в верховьях Дона. Как видим, ванов потеснили на север. Возможно, они, подобно асам, ушли сами. Ведь ваны гораздо более сведущи в колдовстве, чем асы. Это они научили асов и Одина древним искусствам, которые сродни магии. Археологические находки подтверждают высказанную мысль о тождестве ванов с жителями земли Вантит. От низовьев Дона (из «жилища ванов») на север идёт полоса однотипных находок.

Мне довелось найти и сопоставить некоторые изделия старых ванов и ванов-переселенцев. Они очень похожи. Переселяясь на север по обоим берегам Дона, ваны принесли на новое местожительство искусство выплавлять железо, древнюю веру, старые обряды. На древнем поле Куликовом задолго до известной всем, битвы жили тоже ваны. В моем столе хранится железная птица, найденная мной на этом поле. Она выкована древним умельцем. И она похожа на древнейших птиц Северного Кавказа и Закавказья.

Обряд русалий как бы материализует старую веру колдунов-ванов. Девушка, наряжённая птицей, исполняет танец. Это магический танец. Изображение птицы-девушки осталось на многих изделиях из страны Вантит. Известно оно и на западе от этой земли, например на территории современной Польши. Это естественно: мы уже знаем, что часть ванов ушла именно в том направлении, вместе с асами.

Донецкий кряж назывался раньше Венендерскими горами. Это, как мне представляется, память именно о ванах. Вся же земля между Доном и Днепром называлась позднее похода асов Лебедией. Это оставленный на память автограф тех же ванов с их обрядовыми танцами, посвящёнными птицам, и их лебедем-кикном.

Близкие родственники у ванов могли вступать в брак. Об этом говорит «Круг земной» Снорри Стурлусона. И на новой родине ванов, на Оке и верхнем Дону, примерно тысячу лет спустя после переселения асов, исследователи отмечают факт эндогамии, то есть те

же самые черты первобытности в брачных обычаях, что и у ванов из саг!

* * *

Важно отметить и второе написание имени ванов-вантит и арабских источниках: «ват». Это позволяет и этимологически отождествить ванов с вятичами (легенда о Вятко подобна другим народным легендам о братьях и ответа на вопрос не даёт).

Этим замыкается великий круг — ведь именно потомки ванов, перенявшие, естественно, германский язык, вернулись много позднее из Скандинавии на Русь — уже как варяги.

Ваны. Вятичи. Вены («вене» — так и поныне называют русских эстонцы). Венеды. Венеты. Венды. Генеты. Енеты. Это названия одного и того же народа на разных территориях и в разное время. И сверх того: славяне, словене, словаки, ставаны... И это — от народа ванов. Из последующего, надеюсь, это будет ясно.

Начнём с Троянской войны (XIII век до н.э.). Для историка и читателя предварим отрывок из Страбона пояснением: Галис — это река в Малой Азии, которая впадает в Понт (Чёрное море) и делит северную часть Малой Азии примерно пополам.

«Аполлодор не может привести такого согласного мнения древних, будто никакой народ с той стороны Галиса не принимал участия в Троянской войне. Напротив, можно найти свидетелей в пользу противоположного мнения... Так, Меандрий утверждает, что енеты, которые не принимали участия в войне, сделались каппадокийцами».

(Страбон, XII, 3, 25)

Интересно в этом отрывке свидетельство о передвижении енетов (венедов) в Каппадокию, на юг.

Страбон в другом месте своего сочинения называет енетов венетами.

«Софокл в „Разрушении Илиона“ говорит, что перед дверью Антенора повешена была шкура пантеры в знак того, что дом этот остался нетронутым. По его же словам, Антенор вместе с оставшимися в живых венетами бежал во Фракию, а оттуда перешёл в так называемую Венетику у Адрии, а Эней вместе с отцом Анхизом и сыном Асканием собрал отряд и отплыл морем. Одни говорят, что они поселились в окрестностях Македонского Олимпа, а другие, что они основали Капую подле Мантинеи в Аркадии, назвавши город по имени Капуя; по словам третьих, они высадились в Эгесте в Сицилии вместе с троянцем Елимом и, занявши Ерик и Лилибай, назвали реки подле Эгесты Скамандром и Симоеитом. Оттуда Эней переправился в Лациум, где оставался по повелению оракула — остаться там, где он съест свой стол, что случилось в Лациуме, подле Лавиния: там за неимением стола он поставил большой хлеб и съел его вместе с мясом. Однако Гомер расходится с обоими сказаниями, равно как и с рассказами об основателях Скепсия. Действительно, он намекает на то, что Эней остался в Трое...»

И вот венеты поселились на побережье Адриатики, в северной Италии. Страбон находит краски, чтобы рассказать о новой их родине.

«Вся эта область покрыта реками и болотами, в особенности земля венетов, которая, кроме того, подвергается ещё действию моря. Это почти единственные части нашего моря, претерпевающие, подобно океану, приливы и отливы, благодаря чему большая часть этой равнины занята морскими болотами. Впрочем, она, подобно так называемому Нижнему Египту, изрезана каналами и насыпями, с помощью которых некоторые места осушены и возделаны, а другие сделаны судоходными. Некоторые тамошние города походят на острова, другие окружены водою только отчасти. Все города, расположенные над озёрами на материке, имеют достойные удивления водные пути вверх по рекам, в особенности по реке По, так как она

больше всех и часто увеличивается от дождей и снегов. Впрочем, разливаясь в разные стороны у устьев, она делает незаметным свой вход, и самое плавание в него опасно. Однако опытность побеждает самые большие затруднения»

(Страбон, V, 1,5)

Жизнь венетов-венедов была связана и ранее с морем синим, с Понтом. На первой их родине, в Малой Азии, на Черноморском побережье, грозная стихия моря стала их судьбой. Море то отступало, то наступало. Приведём свидетельство об ископаемых рыбах, интересное ещё и потому, что в нем впервые названо имя города венедов в Малой Азии:

«Когда Евдокс упоминает об ископаемых рыбах на сухих местах в Пафлагонии, он не определяет самой местности, а в местностях болотных он помещает их подле озера Аскании, что под Кием, хотя выражается неясно. Так как Пафлагонию мы назвали пограничною с Понтом, а с пафлагонцами с запада граничат бифины, то мы попытаемся описать и страну последних. Потом мы желаем, принимая за другое начало бифинов и пафлагонцев, перечислить местности, непосредственно за ними следующие в южном направлении до Тавра»

(Страбон, XII, 3, 42)

Но то, что Евдоксу было не вполне ясно, стало ясным сейчас. Ведь Кий — это город венедов (венетов) на первой их родине, в Малой Азии. Но это древнее имя сохранено было и на берегах Днепра, куда пришла другая волна венедов. И там, на Днепре, снова был основан город с тем же именем — Киев. Очевидно, имя князя Кия, основавшего, согласно русской летописи, этот город на Днепре, было дано ему по тому месту, откуда он родом. Имя это общее с именем матери городов русских — Киевом.

Но если это так, то должны быть и другие доказательства, свидетельствующие о переселении племён венетов-венедов из Малой Азии на Днепр. Что, к примеру, подсказывает название племени

полян? Только ли созвучие с русским полем? Нет, конечно. Ведь в окрестностях Киева не было поля. Это был район лесов и лесостепи. К тому же, как сказано в «Повести временных лет», поляне жили «особо по горам сим». Какое же поле? Тот факт, что поле все же попало в объяснение названия племени, понятен — это народная этимология, случай типичный. Забылись давние рассказы, и пахари слово «поли» переделали в «поляне», осмыслив его как производное именно от поля, дававшего им хлеб.

В поисках полян-полей из Малой Азии мне пришлось вновь перечитать Страбона, но задача была решена. Вот что пишет известнейший историк древности, обобщивший множество свидетельств:

«Пола заложена в заливе, имеющем вид гавани; в нем есть островки с хорошими пристанями и плодородные. Пола основана в древности колхами, посланными за Медеей, которые, не исполнивши поручения, сами себя осудили на изгнание, как говорит Каллимах: „Грек назвал бы его городом изгнанников; но их язык назвал его Полою“.

Таким образом, земля за рекою По заселена отчасти венетами, а отчасти истриями до Побы; над венетами живут карны, кеноманы, медоаки и инсубры, одни из них были врагами римлян, а кеноманы и венеты состояли в союзе с ними и до похода Ганнибала, когда велись войны против боев и инсубров, и после»

(Страбон, V, 1, 9)

Заметим, что речь в этом интереснейшем отрывке идёт о том районе Италии, где вырос город венецов на её земле — Венеция.

Итак, Пола — город изгнанников из того же Причерноморья. Много свидетельств есть в пользу того, что многие племена Малой Азии и юго-восточного Причерноморья говорили на одном языке или его наречиях^[9]. Историки свидетельствуют: сам факт переселений многочисленных племён, трояно-фракийского региона, от Кавказа до Иллирии и побережий Италии, говорит о многом: район этот составлял общность, он был хорошо известен, обжит, венецы прекрасно

ориентировались относительно возможности торговли и миграций. Примерно о том же говорят и тесные связи Закавказья с Фракией в скифскую эпоху^[10].

Поли-поляне — это те же венеды или племя их союза в районе Причерноморья. И Птолемей во II веке н.э. называет здесь племя «ставаны».

Ставаны — двухкорневое имя. Ста. Ваны. Первый корень я нахожу возможным объяснить с помощью исландского слова «стья», «стья» — стадо. Ставаны — племя скотоводов-ванов. Таков смысл этого имени (мне известен и перевод О.Н. Трубачева: «чтимые»). А в словенском языке до сего дня осталось слово «пелати» — гнать, вести (Фасмер, III, с. 308).

Но если Пола, поли и поляне — одного корня, то нельзя ли найти на географической карте далёкого прошлого названия с этим же или близким корнем в самой Малой Азии? Можно. Прежде всего: название родины венетов-венедов (Пафлагония) содержит уже этот корень Пафла. По-видимому, здесь греческие буквы передают истинное звучание на пределе своих возможностей. Варианты «Паула», «Пола» («у» — «о») вполне допустимы. Нет ли тому прямых доказательств? Есть. На месте Пафлагонии во II тысячелетии до н.э. известна обширная земля Пала. Её жители — палайцы. Пала — это и есть раннее, исконное название Пафлагонии. Мало знаем мы пока об этой древнейшей земле. Самое удивительное, что может поразить воображение читателя и, надеюсь, историка, это египетские изображения хеттских воинов, взятых в плен при Кадеше (битва состоялась в 1286 году до н.э., египетская армия под руководством фараона Рамсеса II потерпела поражение). На египетских памятниках хеттские воины изображены типичными европейцами... с оселедцами. Причём оселедцы ещё более характерны, ещё более заметны из-за невероятной длины чубов — они опускались гораздо ниже плеч. Уместно здесь вспомнить и оселедцы на панно, сохранившихся в Венеции — на западной родине венедов, куда они пришли из Палы-Пафлагонии.

Историк, наделённому логическим мышлением, этот факт может подсказать аналогию с чубами фракийцев и славян на Днепре. Быть может, такой историк даже проведёт параллель между полянами

(звучать это могло как «паляне») и Пафлагонией, Палой и палайцами, соседями хеттов.

* * *

«Зенодот пишет „из Енеты“ и говорит, что под этим именем разумеется нынешний Амис. По уверению других, какое-то племя, пограничное с каппадокийцами, выступило в поход вместе с киммерийцами и впоследствии удалилось к Адрии. Но по мнению, наиболее распространённому, енеты составляли крупнейшее племя пафлагонцев, из которого происходил и Пилаймен. Поэтому большинство енетов отправилось в поход вместе с Пилайменом, а потерявши вождя после разрушения Трои, они проникли во Фракию и после блужданий прибыли в теперешнюю Енетику. Некоторые утверждают, что Антенор и дети его участвовали в этом странствии и поселились в углу Адриатического моря, о чем мы упоминали уже в трактате об Италии. Поэтому-то, должно быть, и исчезли енеты и не находятся больше в Пафлагонии»

(Страбон, XII, 3, 8)

Но венеты не исчезли совсем. Они переселились на юго-восток и север. Прежде всего их хорошо знал Тацит севернее Чёрного моря. Вот что он писал:

«Что касается певкинов, венетов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам, или к сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, живут как германцы, будучи похожи на них языком, образом жизни, жилищем, — грязь у всех, праздность среди знати. Благодаря смешанным бракам они в значительной степени обезобразились — наподобие сарматов. Венеты многое заимствовали из нравов последних (то есть сарматов. — В. Щ.), так как они, занимаясь грабежом, исходили все леса и

горы между певкинами и феннами. Однако их следует причислить скорее к германцам ввиду того, что они и дома прочные строят, и щиты имеют, и любят ходить, и даже быстро, — все это совершенно чуждо сарматам, всю жизнь проводящим в кибитке и на коне. Фенны отличаются удивительной дикостью и ужасной бедностью, у них нет оружия, нет лошадей, нет пенатов. Пищей им служит трава, одеждой — шкура, ложем — земля. Вся надежда их на стрелы, которые они за неимением железа снабжают костяным наконечником. Одна и та же охота кормит мужчин и женщин, которые всюду их сопровождают и участвуют в добыче. Их дети не имеют другого убежища от диких зверей и непогоды, кроме сплетённых между собой ветвей, под которыми они скрываются, — сюда возвращается молодёжь, здесь пристанище стариков... Не опасаясь ни людей, ни богов, они достигли самого трудного — им даже нечего желать».

(Тацит. Германия, 46)

Конечно, информация к Тациту пришла от германцев. Фенны Тацита называются в сочинении известного географа древности Птолемея финнами, причём имелись в виду финны и прибалты. Тацит написал свою — «Германию» в I веке н.э. Верно его указание о быстрых перемещениях венетов на далёкие расстояния. Естественно, оружие и образ жизни венетов таковы же, как и у германцев. Но проблема выбора, которую решает Тацит, чрезвычайно проста: венетов-венедов нужно отнести либо к сарматам, либо к германцам. Понятно, что автор склоняется к последнему, так как венеты, безусловно, ничем не похожи на сарматов, хотя они и исходили «все леса и горы». Можно понять Тацита: смешанные браки способны обезобразить даже многочисленный народ, ведь древние хорошо знали преимущество чистой породы, сохраняемой даже в сельском хозяйстве; до эпохи геноцида и принудительной гибридизации, равно уничтожающих генофонд, было ещё очень далеко. Вряд ли можно назвать красавцами сарматов и бастарнов. Что касается венедов, то они, видимо, и внешне похожи на германцев. Арабские авторы

говорили о ванах, что некоторые из них похожи на русов. Но русы арабских источников высоки ростом, светлоглазы, светловолосы. Таким образом, ваны-венеды I века н.э. должны были действительно быть похожими на германцев, наводивших ужас на римских легионеров из-за высокого роста. Спустя полторы тысячи лет англичанин Флетчер побывал в Москве и оставил об этом записки, где отмечал как характерный признак русских высокий рост. Но в Москве жили тогда главным образом те же ваны-венеды, что касается русов, пришедших из Фракии на Днепр, с Днепра — на Оку и верхний Дон, то они должны были раствориться в массе ванов-вятичей.

Ваны-венеды подвижны. Их можно сравнить разве лишь с готами, прошедшими всю Европу. Та же судьба. Но есть и существенная разница: ваны-венеды гораздо более многочисленны и за века и века дали начало многим племенам тех же венедов, но с иными названиями. Вот почему венеды продвинулись не только далеко в Европу — и в этом они подобны готам — но и в глубь Азии. Хорошо известно, что выходцы из Ванского царства (Урарту) жили многочисленными группами в Парфии. Парфия же простирала свои пределы до Индии.

Задолго до становления германских торговых центров венды основали порты, гавани и города на территории нынешней Германии — на её северных побережьях и по рекам. Мне хорошо известно, что во времена «третьего рейха» все раскопки немецких археологов велись так, что венды с их городами были навсегда вычеркнуты из истории Германии. Но они остались в скандинавских сагах, в «Старшей Эдде», в «Младшей Эдде». Большая Советская Энциклопедия, вернее, её авторский актив обошёлся с вендами ещё круче. Пусть читатель извинит меня за лаконизм, но я процитирую лишь «Краткий энциклопедический словарь» (М., 1979, с. 210): «Венеты: 1) группа племён, населявших в древности северное побережье Адриатического моря, к северо-востоку от реки По; вопрос о происхождении не решён; 2) кельтское племя, покорённое Цезарем во время галльских походов 58-51 годов до н.э.; 3) В. (чаще венеды) — западная ветвь славянских племён».

Я намеренно сохранил сокращение в третьем пункте. Оно показательное, потому что для читателя стёрто слово «венды». А ведь венеды и венды — это одно и то же, одна и та же «ветвь славянских племён». И Гай Юлий Цезарь, покоряя кельтов, воевал вместе с тем и с

вендами — с той же «ветвью славянских племён», и ни с какой другой! Не лучше обстоит дело с первым пунктом: вопрос о происхождении «группы племён, населявших в древности северное побережье Адриатического моря, к северо-востоку от реки По», оказывается, не решён! Итак, по всем трём пунктам уничтожены не только свидетельства пребывания вендов-славян в Западной Европе, но и само название, само имя их! Уничтожено и их «происхождение» по всем трём пунктам, если не считать упоминания о «западной ветви».

Между тем венецы-венды дали начало цивилизации северной Италии, основали государства в Иллирии, современные Древнему Риму, построили первые крупные порты и города в северной Германии и Галлии, а восточная их часть, оставшись ближе к родине, создала основы славянской и урартийской государственности (вместе с другими одноязычными им «ветвями»). Впрочем, об Урарту речь пойдёт ниже.

Остаётся заглянуть в статью «Венетский язык» в том же «Кратком энциклопедическом словаре». Что же обнаруживается?

«Венетский язык — отдельная ветвь индоевропейской семьи языков. Памятники письменности (около 200) — посвятительные и надгробные надписи, сделанные на алфавите греческого происхождения (V-I века до н.э.)».

Как видим, язык венецов тоже «ветвь», причём отдельная. Кому же потребовалось отделить эту ветвь «V века до н.э.» от славянских языков? Мне это пока неизвестно. Зато хорошо известно другое: все надписи венецов Италии читаются только по-славянски. Вот пример короткой надгробной надписи: «Лар ое целуа». Перевод не требуется даже на современный русский, ибо смысл таков: «гроб её целую». Высшая степень скорби по усопшей женщине!

Почему же эту «отдельную ветвь» никто не исследует, никто не переводит (если иметь в виду правильные переводы?). Да все потому же: не находится историков или лингвистов, знакомых с русским языком.

Любопытно и ошарашивающее сообщение о том, что надписи венецов «сделаны па алфавите греческого происхождения». Почему же они «сделаны» так: если уже установлено, что сам греческий алфавит был заимствован у пеласгов или финикийцев, а пеласги — это почти то же самое, что этруски? Выслушаем историка второй половины I

века до н.э. Диодора Сицилийского: «Хотя вообще эти буквы называют финикийскими, потому что их привезли к эллинам из страны финикийцев, они могли бы носить название пеласгических, так как ими пользовались пеласги» (VIII, 67, 1).

В вышедшей ещё в 1975 году монографии Дж. Г. Маккуина «Хетты и их современники в Малой Азии» ясно указано, что развитие финикийской системы письма пришло в Грецию не только через торговые связи греков с левантийскими портами, как это предполагалось раньше. Автор говорит, что первоначальная идея алфавитного письма, вероятно, возникла в юго-восточной Анатолии, где бок о бок жили финикийцы и лувийцы (то есть предки европейцев), как, например, в двуязычном Каратепе. Этот экскурс и предположения потребовались автору монографии, чтобы обосновать появление письменности в древней Фригии (Маккуин Дж. Г., М., 1983, с. 56, 57).

Добавлю к этому — анализ фригийских букв приводит к однозначному выводу: это те же буквы, которыми пользовались этруски и венецы в Италии. В надписях из Фригии VIII века до н.э. я не нашёл ни одного буквенного знака, который не был бы известен этрускам или венедам!

Излишне говорить, что написание самих букв иное, не греческое (сожалею об ограниченных возможностях набора текста, не позволяющих показать это). Венецы в Италии пользовались своим, малоазийским алфавитом! Наоборот, греки заимствовали этот алфавит, имеющий много общих черт с тем, который, по преданию, привезён был из Финикии^[11].

ВАНСКОЕ ЦАРСТВО

«В начале I тысячелетия до н.э. области южного Закавказья были включены в состав Ванского царства, которое поэтому можно считать древнейшим из государств, существовавших на территории Союза ССР. Центр этого древнего государства, целиком занимавшего Армянское нагорье, находился в районе озера Ван, получившего, вероятно, своё название, так же как и город Ван, от термина Биайна (или Виайна) клинообразных надписей, которым урарты именовали центральную часть своего государства».

(Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944, с. 9)

С этой цитаты хочется начать обсуждение вопроса о ванах в Закавказье. А. Г. Сукисян (Государство и право Урарту. Ереван, 1963, с. 7-15) и ряд других авторов дают примерно такую же вводку в историю Урарту. Ассирийцы называли Ванское царство Урарту. Урартов называли также халдами по имени их главного бога.

Откуда пришли ваны в Ванское царство (Урарту)? Вопрос не праздный. Тот же Б. Пиотровский присоединяется к мнению Леманна-Гаупта, который связывает пещерные помещения и ниши Вана с такими же памятниками Пафлагонии и Фригии (там же, с. 268-270). Но в Пафлагонии до начала урартской истории находились венеты-венеды. Это мы выяснили выше.

Леманн-Гаупт видит в существовании пещерных ниш Вана доказательство западного происхождения урартов. Что ж, это аргумент серьёзный. Но есть и более серьёзный, прямо скажем, уникальный аргумент.

Гигантские каменные ступени, вырубленные в скалах (каждая ступень до метра высотой), получили в научной литературе название «иррациональных лестниц» (там же, с. 259).

Эти гигантские лестницы вовсе не иррациональны, на мой взгляд. Ибо Леонард (R. Leonhard), изучавший такие же памятники в Пафлагонии, считал, что это культовые лестницы (там же, с. 259). Но

культ этот оказывается общим для ванов-урартов и пафлагонцев-венетов западнее Урарту.

Сказанного, по-моему, достаточно, чтобы всерьёз присмотреться к верованиям и богам ванов, а также к их языку.

Главную роль в пантеоне урартских божеств играли Халди, Тейшеба, Шивини. Отправляясь в поход, цари призывали на помощь именно этих трех богов. Но в каких бы случаях ни упоминалась эта верховная триада, всегда соблюдается та же последовательность: первым называется имя Халди, вторым — имя Тейшебы, третьим — Шивани (Шивини).

Здесь налицо определённая иерархия внутри самой триады верховных божеств в Урарту. В дошедших до нас надписях нет исключений из этого правила (см., например, Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Ч. I. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 365-370).

Хвала верховным богам с употреблением различных возвеличивающих эпитетов (часто трафаретных) типична и для Урарту и для Ассирии. Часто встречаются канонические заготовки и формулы вроде: «Взмолился я богу Халди, владыке, богу Тейшебе, богу Шивани, богам страны Биайны о моих намерениях по господнему величию во вражеских странах. Прислушались боги, открыли они мне дорогу». Точно таким же образом призывают богов и ассирийские цари. Так, в летописи царя Синаххериба при описании восьмого похода сказано: «Взмолился я богам Ашшуру, Сину, Шамашу, Белу, Набу, Нергалю, Иштар Ниневи, Иштар Арбелы, поддерживающим меня богам о победе над могучим врагом. Моей просьбе тотчас вняли боги, пришли они мне на помощь».

Халди считается исконным богом Ванского царства (Урарту). Он приобрёл общегосударственное значение. Почитали его и в приграничных районах Ассирии. Его изображали воином, стоящим на льве. Ему был посвящён храм в Мусасире («дом щита»), где отправлялся культ копья и щита.

Тейшеба имеет параллель у хурритов: об этом напоминает имя их бога — Тешуб. Тейшеба считался богом бури и грома, войны и водной стихии. Бог Шивини изображался в виде крылатого солнечного диска.

Ещё в прошлом веке А. С. Фаминцын опубликовал исследование, в котором подытожил этнографические данные, связанные с

божеством Лада. Он использовал материалы славянских стран. Интересен его вывод о существовании Лады и Лада — богини и бога. Бог Лад, или Ладо, отождествлён им со славянским Ярилом (Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб., 1884, с. 254-273). Некоторых историков эти выводы привели в смущение, другие негодовали. Диву даёшься, с какой лёгкостью правдивая запись, почерпнутая из народных источников, вызывает порой бурю негодования у людей, которым уже никогда не доведётся услышать её или записать, но которые уверены, что этого быть не может по причине невозможности. (Это, конечно, касается только славянских древностей, которые всеми «досконально» изучены.) В сербохорватской песне-молитве о дожде Лада названа высшим божеством: «Молимся, Ладо, молимся вышнему богу. Ой, Ладо, ой!»

Я цитирую эти строки песни-молитвы по книге Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981, с. 396), где приведён идентичный сербохорватский текст. Иногда считают (и автор книги тоже), что «вышний бог» в этих строках не имеет отношения к Ладе. Это якобы из христианской фразеологии. Но из песни слова не выкинешь. Вся она посвящена не Ладе, а Ладо, и ритм трех строк, приведённых выше, однозначно соответствует ритму последующих. Трижды по три строки в песне — и все о Ладо, вышнем боге славян. Было бы кощунственным, имея в виду «христианскую фразеологию», совместить вышнего языческого бога с христианским в одной законченной фразе. Конечно, и подобное бывало, но это требует дополнительной аргументации. Только тогда текст песни-молитвы Ладо мог бы вызвать сомнения, касающиеся «вышнего бога». Факт остаётся фактом, Ладо, или Лад, назван вышним богом. Удивительное свидетельство! Это короткое произведение сохраняет в себе все свидетельства подлинности. Это эпитет языческого бога. Это и восклицание «ой!». Оно не случайно. Точно так же не случайно обращение «Ай, Ладо!» в другой обрядовой песне (Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. От обряда к песне. Ч. 1. СПб., 1903, с. 145). Дело в том, что сохранилось написание имени этого божества в форме Аладо, Alado^[12]. Так это имя писалось в польских церковных запрещениях обрядов язычников («поганых») в XV веке.

Таким образом «ай» и «ой» являются переосмыслением первого гласного звука «а», они закономерны в песнях и молитвах славян. Нужны были столетия для такого переосмысления. Мы наблюдаем, как ещё в источниках XV века имя бога Ладо-Аладо сохраняло первый звук, а в песнях, записанных позднее (как, например, в вышеприведённых строках сербохорватской молитвы), звук этот исчезает или превращается в восклицание, сохраняемое во имя ритма.

«Приведённые фольклорные примеры показывают нам, — пишет Б. А. Рыбаков (с. 396 той же книги), — что Лада мыслилась славянскими народами или как единственное божество, к которому следует обращаться, или как соседствующее с неясным „вышним богом“».

Можно согласиться с первой частью этого тезиса. Но вторая часть порождает добавление: Лада не соседствует с неясным «вышним богом», а является им, этим богом, ибо как может соседствовать единственное божество, к которому следует обращаться, с другим вышним богом?

Итак, из сказанного нужно сделать определённый вывод, подкрепляемый древнейшими записями: высший бог славян — это Аладо, который по хорошо известным законам мифологии наделён спутницей — Ладой. (Боги в древности нередко выступали и в мужской и в женской ипостаси. Пример — хурритская Шавушка, выступающая и как мужское божество.) Кто же этот Аладо и какова его мифологическая судьба? Сравнивая эпитеты его с теми, которые обращены к богу Халду Ванского царства, нельзя не прийти к выводу о сходстве. Но есть ли, право, прямые аргументы, свидетельствующие о том, что это один и тот же бог, только наделённый впоследствии и другими функциями? Да, есть. Известно, что имя этого бога на его родине, в Ванском царстве, три тысячи лет назад звучало так же: Алди! У славян лишь характерное окончание на «о». Что касается пропуска гласного, то это закономерное, известное явление. К тому же, в живом говоре он мог и сохраняться. В ассирийском языке это имя звучало как «Уалдиа» (см.: Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы., с. 365).

Распевное «Аладо» славян не воскресло случайно, а есть продолжение древнего имени и молитв ванов и ассирийцев в сопредельных с Ванским царством районах!

Аладо, Ладо — это Халди, Алди, Уалдиа.

Важно, что ванская форма «Алди» засвидетельствована именно для того города, где были его храм, его родина — для Мусасира.

Но если главный бог верховной триады (триглава) богов Урарту-Вана соответствует славянскому божеству, то как быть со вторым богом? Найдётся, правда, в выражении: да разгневаются бог Халд, бог Тейшеба — только одна из форм написания его имени. Когда же к этому богу обращаются, то пишут Тейшебаше. Эту форму мы встречаем, к примеру, в другом трафаретном выражении.

Теперь следует учесть трудности с изображением звука «ж», для которого не подобрано ассирийских клиньев. Впрочем, вполне вероятно, произносилось, невзирая на недостаточный ассортимент этих клиньев, вполне по-славянски: Дажьбог, Дажьбоже. Уместно вспомнить о широко известном переходе звуков («а» — «е», Ксения — Оксана, Терес — Тарас; «ей» — «ай»). Кажется, именно перевод Дажьбога в ранг славянского божества неизбежно породил многочисленность форм его написания и даже произношения: Дажьбог, Дажбог, Даждьбог, Дабог южных славян и др. Точно так же это имя читалось и произносилось с местными вариантами у народов Малой Азии: хетто-хурритский Тешуб, малоазийская Тадзена периода ранней Византии (женский аналог божества, подобно паре Аладо — Лада). Интересно, что и в написании и, по всей видимости, произношении имени Тадзена сказались наличие знаков для письма — в данном случае греческих. У греков не было буквы для обозначения звука «ж», поэтому народы, использовавшие греческий алфавит для записи слов своего языка, употребляли «дзету», которая звучала как «дз». Вот почему спустя примерно полторы тысячи лет у поляков-ляхов, выходцев из Фракии, из того же трояно-фракийского региона, известно имя Дадз и даже Дадзбог.

Теперь послушаем, как объясняет происхождение этого имени М. Фасмер (I, с. 462).

«Это имя объясняется из древнерусского повелительного „дажь“ — „дай“ и „бог“ — „счастье, благосостояние“ (см. „богатый“, „убогий“), то есть „дающий благосостояние“... Едва ли более убедительно толкование Ягича из звательного единственного „дажь боже“ — „дай, бог!“. Неприемлема попытка Корта и Погодина

выделить в первой части слово, родственное готскому dags — „день“...»

В цитате для упрощения опущены ссылки на страницы трудов упоминаемых Фасмером авторов, пытавшихся объяснить имя. Как видим, их попытки не лишены элемента поиска и творчества — не так-то просто найти приемлемое объяснение.

Читатель и, надеюсь, историк теперь может сравнить все варианты написания и произношения имени. Приходится признать: те простоватые объяснения, к которым пришли лингвисты поколения М. фамера и поколения, ему предшествующего, дают лишь народную этимологию и народное звучание имени грозного в прошлом бога. Подлинное его имя — Тейшеба, Тейшебаше (в обращениях). Так оно писалось и звучало во времена великой Ассирии и великого государства ванов!

Это несколько приглушённое в древнем варианте звучание даёт попутно ещё один ключ к истории славян. Рассказывая о готах и их походах, Иордан, живший в VI веке н.э., упоминает племя тадзанов. Это, как выясняется, даджаны — Дажьбожьи внуки, то есть славяне-ваны (Щербаков В. И. Века Трояновы. В кн.: «Дорогами тысячелетий». М., 1988, с. 83-85).

Дажьбоже-Тейшебаше приводит и к более краткой форме: Дажбо. Такая форма должна найтись, исходя из норм урартского языка, то есть того, который послужил первоосновой славянских языков.

Третье имя ванского триглава — Шивини. Оно даёт возможность не только сопоставить его с именами, известными на второй родине ванов, но и получить ещё одно подтверждение их соседства с асами, их взаимной вражды и позднее — дружбы.

Для этого, однако, надо привлечь материал, который никогда ранее не использовался славистами.

Мы должны мысленно перенестись в Великую Свитьод, в ту Свитьод (Suidiod), где некогда жили асы. Она, как мы знаем, располагалась по течению Дона и к востоку от него. В древнескандинавском сочинении неизвестного автора «Какие земли лежат в мире» отмечено, что Великая Швеция (Великая Свитьод) — это самая восточная часть Европы. Отсюда заселялась Швеция, она же Малая Швеция. Швеция скандинавская прямо называется Малой Швецией в сочинениях того же древнескандинавского круга, например

в «Описании Земли I» (см.: Мельникова Е. М. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, переводы, комментарии. Под ред. Янина В. Л. М., 1986, с. 77).

Трудно удержаться от описания кавказских албанцев в древнескандинавских источниках. Вот что пишет о них автор сочинения «Народы-великаны»:

«В Великой Свитьод есть албаны, которые белы как снег, и цветом волос, и кожей, пока они не состарятся, у них золотые глаза, и они видят ночью лучше, чем днём. Там есть земля, которая называется Квенналанд. Эти женщины живут рядом с албанцами и ведут между собой такие же войны, как мужчины в других местах, и женщины там не менее умны и сильны, чем мужчины в других местах».

(Мельникова Е. М., с. 178).

Здесь узнается Албания Кавказская, но, по-видимому, уже в период переселения албанцев (белых альвов саг!) на север.

В другом месте тот же автор помещает албанов в Скифии (там же, с. 178). В «Описании Земли III» Великая Свитьод отождествляется со Скифией (Сифией). Все это подтверждает мысль о переселении «белых албанов» на северо-запад. Такая необычная география древнескандинавских источников, бесспорно, отражает тот факт, что народы не сидели на месте, что вся история человечества — это непрерывный процесс переселений племён, народов, этнических групп в течение тысячелетий и столетий. Процесс медленный, но все же неизмеримо более быстрый, чем движение континентов. Только такой подход даёт возможность понять древнюю историю человечества. Это метаистория, она даёт ответы на вопросы, когда память истории в обычном понимании оказывается перегруженной, а сама она оказывается в беспомощном положении. Метаистория, отражая процессы глобальных миграций племён и целых народов, впервые даёт законы, позволяющие понять далёкое прошлое.

Но вернёмся на родину асов и ванов.

Что означает само слово «Свитьод»? Поскольку ответа на этот важный вопрос нет, попробуем дать его. Сначала отметим, что готы

называли себя «гут-тиуда», то есть дословно «народ гутов». Огласовку «у» в самоназвании этого народа имеет надпись IV века н.э. на кольце из Пьетроассы (нынешняя Румыния). В античных источниках можно встретить и «готов» и «гутов». Важно слово «тиуда», «тиуд». Так называл Иордан чудь («ч» не было, использовалась «т»). Чудь — это народ.

То же слово, без всяких изменений, мы находим в том же регионе, где побывали и готы. Сви-тьод. Вторая часть названия земли у древнескандинавских географов означает «народ». Тождество действительно полное, если учесть, что вместо мягкого знака использовалась буква «и».

Что касается скандинавского написания *diod*, более звонкого (вспомним о двух формах: «Тейшебаше», «Дажбоже» с глухим и звонким согласным вначале), то оно узнается в названии народа годьод в тех же сочинениях древних географов. Народ годьод переселился в Скандинавию.

Готам был известен культ асов. Годьод — это скорее всего гут-тиуда, гот-тиуда, то есть готы, пришедшие в Западную Европу после сражений в Причерноморье, в которых они потерпели поражение (Щербаков В. И. Века Трояновы. // Дорогами тысячелетий. М., 1988, с. 92).

Итак, годьод, гут-тиуда и Свитьод. Что означает первая часть этих имён? Обоснованных ответов нет. Их можно получить, обратившись к языку ванов. Есть ванское слово «кути» и другая форма его: «куте». Первый согласный произносился, видимо, как «г» или как «х». Перевод этого слова таков: царь. Это проясняет ситуацию. Гут-тиуда называли себя царским народом, народом царя, народом, подвластным царю. Что ж, вспомним царских скифов, о которых писал Геродот. Случай, оказывается, чуть ли не типичный. Но если годьод, гут-тиуда — это народ царя, то чей народ тогда дал имя земле Свитьод — Великой Швеции древнескандинавских источников? Этот народ мог называть себя и с начальным шипящим «ш» вместо «с» — скорее всего так и было, а буквы подходящей не было, как её не было у Иордана для названия племени тиудов-чуди.

Появляется, так сказать, рабочий вариант: Швитьод. И можно сразу его одобрить, ведь Свитьод — это Швеция! Других толкований

нет. Значит, не Свитьод, а Швитьод. Но «Шви», «Шиви» — это лишь краткая форма имени Шивини.

Итак, название земли и народа Свитьод означает буквально «народ Шивини». Это народ крылатого бога ванов, то есть сами ваны. Круг замкнулся. Аргументы дали нам однозначный ответ. Сказанное не означает, что в скандинавской Швеции обязательно был когда-то культ Шивини, хотя крылатые божества и священные птицы богов-асов там известны. Но в Швецию пришли вместе с асами ваны. Более того, после Одина Швецией правили ваны, начиная с Ньёрда. Династия ванов, правившая в Швеции и собиравшая согласно Снорри Стурлусону (см. «Сагу об Инглингах») дань со шведов, и передала в первых веках нашей эры потомкам знание о Свитьод — народе и земле крылатого Шивини — Солнца.

На первой своей родине ваны использовали клинопись ассирийцев, сохраняя свой язык. Ясно, что из-за того, что чужие знаки для письма использовались для записи слов на другом языке, до сих пор звучание многих ванских слов воспроизводится неверно.

Но если русский язык возник после слияния фракийских наречий и языка ванов (а также северян; радимичей) и после сложных процессов переосмысления, изменения строя и звучаний, то можно ли найти следы первоначального языка ванов — и не в Закавказье и Малой Азии, а на территории их северной родины?

Можно. Потому что язык древних ванов жив и поныне не только в диалектных словах и формах Тульской области и прилегающих к ней территорий, но и в многочисленных названиях рек и местностей, до сих пор необъяснённых. Поскольку теперь ключ к таким названиям известен, выясним для примера происхождение названия реки Яузы, протекающей через Москву. Это, безусловно, вотчина ванов-вятичей.

Прежде всего хочется хотя бы кратко упомянуть о попытках объяснить имя этой небольшой речки, известной многим миллионам жителей Москвы и Подмосковья. Одна из гипотез связывает его с тюркскими корнями «ауз», «авуз», что означает буквально «рот», «устье», «ущелье» (Мурзаев Э., 1984). Придётся, объективности ради, сразу отбросить варианты со «ртом» и «ущельем». Нужно обладать отнюдь не тюркской фантазией, чтобы приписать качества, обозначаемые этими словами, небольшой реке — ведь тюркам хорошо известны были настоящие ущелья во многих гористых районах. Не

приходится всерьёз говорить и о сходстве Яузы со ртом или даже со звериной пастью. Устье? Но устье есть у каждой реки, речки и даже ручья. Чем Яуза лучше их? И это очевидная натяжка. Но главная слабость этого объяснения состоит в том, что Яуза под именем Ауза упоминается в летописи уже под 1156 годом, задолго до монгольского нашествия на Русь.

С другой стороны, форма «Ауза» дала повод приписать её балтам. В. Н. Топоров (1982) сопоставил её с латышскими топонимами («Аузес», «АУЗИНИ» и др.) с ясно звучащим корнем «стебель овса», «солома», «ость»^[13]. Река Стебелька, впадающая в ту же Яузу, подтверждает как будто бы эту гипотезу. Но кто такие балты? Это пришедшие с юга племена, смешавшиеся на новой родине прежде всего с вендами, то есть теми же ваннами. Налицо переосмысление древнего корня ванов «ау», «аю», что означает «вода» (см. халдорусский словарь в кн. И. И. Мещанинова «Халдоведение. История древнего Вана». Баку, 1927, с. 231).

Точно так же звучит слово «река» на исландском, то есть на языке, сохранившем ещё влияние языка ванов даже после союза с асами.

Постепенное растворение этноса ванов, их языка послужило причиной утраты первоначального слова «ау» — «вода» и заменой его на понятную, но не вполне подходящую «солтому».

Яуза, Ауза — это водица. Малая вода. Так переводится название подмосковной реки с древнего языка ванов, современников и соперников легендарной Ассирии. Таков исконный смысл этого гидронима, сохранённый в Исландии.

Но если есть малая вода, то хотя бы по отношению к этой малой воде должна быть и большая. И она существует поныне. Это река Москва, в окончании имени которой слились уже и другие влияния, но корень «мас», «масини» с типично киевским оканьем звучит вполне явственно. Он и означает у ванов буквально «большой», «великий», а в нашем случае «большая», «великая» (Мещанинов И. И., 1927, с. 235). Что ж, древняя полноводная Москва, бежавшая меж пологих зелёных холмов, достаточно велика по отношению к Яузе! И задолго до основания здесь города русов Юрием Долгоруким именно в устье Яузы, при её впадении в Москву, уже красовался город (Векслер, 1968). Это был город ванов-вятичей! Вполне возможно и позднее переосмысление на общеславянский лад. И тогда возникает новый

смысл: «топкая, болотистая река» (Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М., 1982, с. 176).

Итак, город ванов-вятичей располагался при слиянии двух рек. Ясно, что их нужно было различать в разговорах и сообщениях, не прибегая к карте. И потому одну из них логично было назвать Большой рекой (водой), другую — Малой. Именно эти два слова древних ванов полностью исключали недоразумения и случайности. И ещё: вряд ли место для города было бы выбрано так, что оно заслуживало названия «болота», «низины», «гнилого места» и тому подобных наименований, которые почему-то упорно «шьют» ему современные историки и лингвисты. Нет, даже более поздняя Москва, поставленная на семи прекрасных зелёных холмах, была образцом в этом отношении. Что уж говорить о месте слияния Яузы и Москвы и ближайшей окрестности! Это же примерно соответствует территории Кремля — на самом прекрасном из городских холмов, и зеленому склону этого холма!

Эти наблюдения дают попутно возможность лучше почувствовать язык ванов, в общем, близкий к русскому. Фраза «Сардур говорит» звучит по-вански так: «Сардурише алие (аля)» (Мещанинов И. И., 1927, с. 127). В скобках дан мой вариант глагола. Прежде всего, мы с лёгкостью слышим то же окончание «те» после имени бога, звучащее, быть может, чуть более глухо, чем в русском «боже» и «княже». Интересен и глагол. Ведь в псковском говоре ему однозначно соответствует слово «лалы», приобретшее спустя две тысячи лет после падения Урарту иронический шуточный оттенок: «болтовня». Лала, лаларь — это болтун, говорун в Псковской и Тверской губерниях, где также расселились ваны-венеды — вантит-вятичи. Глагол «балакать» также хорошо известен (см. словарь В. Даля, I, с. 41; II, с. 235).

Итак, «алие» — это вполне понятное нам слово из Толкового словаря живого великорусского языка. Вполне ясно, на каком языке «говорит Сардур». Почему я счёл необходимым дать вариант глагола «аля»? Во-первых, местоимение «я» записывалось по-вански так: «ие» (позволю себе иногда опускать латинскую транскрипцию). Но это потому, что звук «я» нельзя было записать с помощью ассирийской клинописи! Нельзя подобрать клинья так, чтобы получилось ванское «я». И потому ваны использовали запись «ие».

Могу добавить, что мне приходилось бывать на северной родине ванов-вятичей в Тульской области. Я неоднократно отмечал в

Венёвском районе, в сёлах, казавшееся мне странным окончание глаголов третьего лица. Вместо «он играет» говорили «он играя», вместо «он поёт» — «он пое». И вот, после моих давних поездок, след которых можно обнаружить как воспоминания детства в романе «Чаша бурь», я с изумлением нашёл отгадку: окончания глаголов в деревенских говорах Тульской области произносятся точно так же, как они произносились у ванов, затем у вантит-вятичей на новой родине!

Вернёмся к словарю ванов.

Конечно, в статье трудно отразить все многообразие аргументов и совпадений. Ограничусь кратким словарём И. И. Мещанинова, точнее, его отдельными страницами.

Глагол «ашул» переведён как «побарывать» (с. 232). На шипящий звук «ш», передаваемый ассирийской клинописью, на севере, у ванов, вполне мог читаться как «с». Подобно тому, как немецкое «шнее» (снег) соответствует русскому слову. Ещё пример: немецкое «скандинавиш» (скандинавский) в шведском звучит так: «скандинависк». Итак, «ашул» — это скорее всего «асул». Русский глагол «осилить» и существительное «сила» очень близки. Вовсе не нужно ссылаться на «борьбу» и «побарывать» (совсем другой глагол, да ещё с приставкой).

Атсу. Это чтение идеограммы (то есть знака, выражающего понятие (с. 232). Латинская транскрипция принадлежит Сэйсу (1882 г.). Перевод: месяц. Хорошо известен устойчивый эпитет в выражении «месяц ясный». Ясный — это «атсу» или, точнее, «ясу». Слово «месяц» — это перевод «атсу» на русский. Таким образом сразу два слова — русское и ванское — слились в устойчивом сочетании.

Урудани. Перевод: потомство, дети (с. 234). Мягкого знака тогда не было. Вероятно чтение: уродань. (Переход «у» — «о» явление типичное) Русские слова «род», «уродился», «родные» и другие того же корня.

Бадуси. Перевод: разрушенный, ветхий (с. 235). Звонкий согласный в начале слова, вероятнее всего, приглушён на северный манер. Падуси — это падший. Русские слова «падать», «паду», «падающий» того же корня.

Ушт. Перевод: направившись (с. 235), И этот перевод сделан не с ванского языка, а с английского, на который сначала были переведены ванские слова зарубежными исследователями, а наши последователи

затем делали «обратный перевод» (рюкюберзетзунг, употребляя немецкое выражение) с английского на русско-ванский. Ибо «ушт» — это «ушед» — хорошо известное русское слово.

Бура, пура (с. 235). Здесь впервые востоковед чувствует, что звонкие звуки ассирийцев переходят в приглушённые или глухие звуки ванов. Перевод: много. Другой перевод с предшествующей идеограммой «племя»: «многочисленное племя». Вполне отвечает смыслу русское слово «сбор». Тот же корень, то же звучание.

Ди. Окончание, означающее движение куда-то (с. 236). Изменён лишь порядок. У ванов: Этиуни-ди означает «в страну Этиуни». У русов и их потомков, то же самое выражается так: до страны Этиуни (переход «ди» — «до»).

Зади. Перевод: строитель (с. 236). Снова востоковед переводит не с восточного, а с английского. Хорошо известно русское слово «зодчий», образованное аналогично «кравчий», «ловчий». Оно происходит от «зъдь» — «каменная стена».

Кар. Перевод: покорять (с. 236). Та же, знакомая нам история с английским и ванским. Точный перевод с ванского: карать. Русское «кара» совпадает полностью с ванским словом.

Лид. Перевод: покрывать (с. 236). Это неточно. В Лаврентьевской летописи «луда» — верхняя одежда, что совпадает по смыслу с ванским словом.

Луту. Перевод этого слова даётся с дополнительной идеограммой: женщина (с. 237). А без идеограммы? Востоковедам этого слова ни за что не узнать. Между тем это русское «люди», чуть приглушённое. Ну а идеограмма уточняет, что это именно женщина.

Матхи. Перевод: женщина, женщины (с. 237). Опять женщина, но чем она отличается от предыдущей женщины, востоковедам отгадать трудно, ибо им неизвестно русское слово «мать», «мати». Раньше оно, как видим, звучало нежно, с придыханием перед окончанием.

Мешини. Перевод: второй, другой (с. 237). Звучало с кратким «и» на конце. Мешинь. Межинь. Хорошо известно русское «межень» — середина, половина, другая половина.

Нулу. Перевод: ничто (с. 238). М. Фасмер в своём этимологическом словаре, естественно, возводит русское «нуль» к немецкому слову. Истина в том, что ванам-вендам «ничто» — «нуль» было известно ещё во времена великой Ассирии.

Пулуси. Перевод: стела (с. 238). Если русское слово «полоса» перевести на английский, несколько переосмыслить его, то, вероятно, можно получить «стелу». Пулуси, пулусь — это полоса! Конечно, слово могло быть потом переосмыслено в указанном духе.

Си. Перевод: сидеть (с. 239). В этом русском слове (ср. «сидя», «сев» и другие формы) изменилось оформление, корень тот же.

Суини. Перевод: небесный (с. 239). Перевод точен. Русское слово «синий» и, стало быть, выражение «небесно-синий» произошли от этого ванского прилагательного, которое несколько неуклюже записано с помощью ассирийской клинописи («ю» не было! Звучало же: сјуни). Отметим аналогию с «ясным месяцем» — устойчивое сочетание содержит в себе перевод с ванского на русский (но и само ванское слово вошло в русский словарь).

Суишини. Перевод: величайший (с. 239). Это эпитет бога Халда. По звучанию близко к русскому слову «всевышний», особенно если учесть, что «у» переходит в «в». «Всевышний» — искусственное образование, подгонка под древние созвучия.

Ерила. Перевод: царь (с. 156). Это тот самый славянский Ярило, который отождествлялся с царём богов Аладо (Халди) ещё А. С. Фаминцыным и отождествлялся, как видим, правильно!

Шери. Перевод: ряд, строка (с. 241). Перевод снова в стороне от истины. Хорошо известны русские слова «шеренга», «ширинга», «ширь». Правда, В. Даль в словаре делает попытку указать итальянский прообраз слова (IV, с. 629), хотя и со знаком вопроса. Но зато там же он указывает на возможность заимствования из польского. Это ближе к истине, с той только разницей, что в польский и русский языки слово могло попасть из языка венедов.

Многие слова из языка ванов-урартийцев сохранились в диалектах и местных говорах живого русского языка. Возьмём, к примеру, указательное местоимение «этот». Оно употребляется довольно часто, а раньше звучало так: ини (ini, с. 233). В словаре Даля найдём употребление одной из форм этого слова: оно (II, с. 674). Его значение: «об этом», «то самое». Другая форма; онсий. Значение: он самый, этот. Нам остались на память и другие формы с этим древним урартским корнем.

Удуль, удули (uduli, с. 234) — вино. Заглянем в словарь Даля (I, с. 503): «Кто много пьёт, особенно воду, квас, надувается питьём».

Пример Даля неуклюж. В народе чаще говорят: дуть вино, воду, квас. И это выражение особенно часто распространено именно у вятичей, в их землях. Только язык ванов-урартов даёт возможность понять, почему глагол «дуть», относящийся к ветру, оказался связанным (через «удуль»!) с питьём кваса, воды и вина.

Другое древнее слово — пили, пиль (pili, с. 238), означающее «водопровод». Русские глаголы «поить», «пить», существительное «поилка» того же рода. В последнем случае добавлено лишь оформление на конце слова.

Ти (ti, с. 240) — «присвоить». Но в выражении «присвоить себе» звучит так: «тивли». Обычные правила перехода «в» — «б» и «л» — «р», хорошо известные лингвистам, дают русский глагол «тибрить» в значении «воровать». Фасмер отмечает: «тёмное слово» (IV, с. 55), отрицая родство с готским «тивс» — «вор». Напрасно! Этот древний корень вошёл как в язык готов, так и в язык ванов. Недаром же у готов засвидетельствован культ асов (Иордан), а ваны обменивались с асами заложниками!

Бар (bar, с. 235) — сказывать. В словаре Даля найдём «тарыбары» — беседы, разговоры, рассказы. Хорошо известна народная форма «тарыбары-растабары». Здесь корень «бар» удваивается, что подчёркивает длительность, большую продолжительность «беседы». Нельзя пройти мимо этой черты нашего языка: вместо множественного числа употребляется часто повтор. Мы говорим «годы и годы» вместо «много лет», «учиться и учиться» вместо «долго учиться» и так далее. Точно так же говорили ваны из Урарту. И точно так же писали, правда, клинописью, удваивая число клиньев вместо множественного числа!

Ещё раз вспомним урартский корень «мас» в слове «масинь» — великий. Слова «мощь», «мощный» Фасмер объясняет ссылкой на «мощи, останки святого» (II, с. 668). Но чудодейственное и недавнее рождение церковнославянского слова в этом случае и многих других — под пером людей, для которых история русского языка начинается с эпохи христианства — ничего не объясняет, а лишь ставит вопросы, которых иные толкователи даже не замечают. Ибо «мас» ванов и формы, подобные «масинь», с учётом перехода «с» в шипящий согласный (вспомним немецкое «шнее» и русский «снег»), и дают впервые возможность объяснить не только происхождение русских слов «мощь», «мощный», но и церковнославянских «мощей»!

«Останки святого», так и не осмысленные Фасмером, означают всего-навсего «великие».

Русское слово «корец» не следует путать с «иноземным ковшом» (у Фасмера найдём обязательные почти всегда посторонние влияния — в случае «ковша» — литовское и немецкое. Разумеется, Фасмер не знал ничего о русах Фракии, которые подарили это слово феннам-прибалтам и немцам). Форма ванов — корец! Это урартский карас.

Ушили (с. 234) — так неуклюже записывается ассирийскими клиньями глагол «строить» и слово «выстроенный». Конечно, нужно переводить не с английского, а с языка ванов-урартов. Тогда окажется, что и сам перевод вовсе не нужен, ибо язык ванов-урартов — это и есть язык вятичей. Что касается «ушили», то это хорошо известное русское слово «учинить», которого, по-видимому вовсе не знает Фасмер.

Уши, уж (с. 234) переводится как «этот». И одновременно даётся и другое толкование: частица, выражающая превосходную степень. Ответ можно найти опять только в языке вятичей. Восклицания «уж!», «ух!» отлично передают именно превосходную степень.

Тзурин (с. 130) — ругать. Точный перевод клиньев: журить!

Я сознаю, что мне не удастся под видом статьи опубликовать полный урартско-русский словарь. Могу, однако, заверить историка и любознательного читателя: почти все корни урартов и их слова вместе со многими грамматическими формами (иным бывает порядок слов) совпадают с корнями русского языка и диалектных слов, унаследованных от ванов-вятичей. Совпадают, несмотря на сложность передачи живых звуков речи с помощью ассирийской клинописи. Конечно, многое портят идеограммы — знаки, обозначающие целые понятия. Но то, что записано фонетически, подтверждает сказанное о родине ванов-венедов, об их дальних миграциях на протяжении тысячелетий, о создании ими государств и цивилизации от Ванаана (Ханаана, «в» — «х», где погребения, по Гаркави, свидетельствуют о тождестве этих известных имён) до верховьев Дона и Оки, от Галлии и Адриатики до Гималаев и Тибета с его мифической Шамбалой (ибо Джапо, глава и учитель Шамбалы — это Дажбо, или Дажьбог ванов, ушедших на восход солнца, а многие памятники Парфии сходны с памятниками ванов).

Что же помешало при рассмотрении ванской проблемы нашим востоковедам и языковедам, оперировавшим морфемами, склонениями и спряжениями почти всех языков, усмотреть хотя бы тень сходства с русским? Ответить нелегко. Может быть, истина в том, что, кроме арамейского, арабского и вообще восточных языков, а также и западных, нужно было ещё знать русский^[14]. Археологи в Армении предпочитают умалчивать о многочисленных находках в шестидесятых — семидесятых годах именно славянских черепов на территории Урарту — во всяком случае, в последнем 20-томном издании «Археологии СССР» об этом нет ни слова, правда тщательно скрыта.

Констатацией этого факта я хочу завершить этот раздел, который я писал с мыслью о божественных ванах создателях государств и цивилизаций.

АРИИ МОНГОЛИИ И АСГАРД

Родину ариев чаще всего ищут в Причерноморье. Интересные находки обнаружены в северном Причерноморье археологом Ю. Шиловым, и в своей монографии «Прародина ариев» он не без оснований именно этот регион с его курганами считает исконно арийским (Прародина ариев. Киев, 1995, с. 29-50 и далее). В тоже время он как бы останавливается перед загадкой Трипольской культуры с её широкими временными горизонтами, открытыми в глубь времён.

В талантливой книге историка и писателя Ю. Петухова вводится понятие циркумпонтийской зоны, дающее автору ключ к интересным обобщениям (Петухов Ю. Д. Дорогами богов. М., 1991). Таинственные пока северные земли и пути ариев ищет — и находит — историк Н. Гусева. Поразительную интуицию проявил историк А. Платов, исследователь рунических знаков, сумевший увидеть сквозь угловатую вязь письменных знаков ариев уже нашей эры запечатлённые в них символы движения из глубины веков (Платов А. В., 1998, с. 32-36).

Автору этих строк Причерноморье видится под углом зрения тысячелетних переселении, следы которых ведут почти во все регионы Европы и во многие концы Азии. Может быть, именно это позволило найти нечто исключительное — почти буквальное сходство монгольских и исландских рун. Это, однако, особые руны, которые можно назвать рунами богов. Они и в самой деле, как будет ясно, надеюсь, из последующего, отображают самые глобальные понятия, которые можно угадать, связать с ними разве что на основе мифологии.

У меня нет сомнений в реальности почти фантастического маршрута ариев из Монголии в Скандинавию. И речь идёт не только о Скандинавии. Можно предсказать вероятность будущих находок монгольских арийских рун почти во всей Европе.

Символы и знаки Монгольского Алтая, захоронения Северного Алтая в России, скандинавские источники и мифы составляют вместе единую цепь поразительных событий в Ойкумене, которые в сказочной форме отражены, например, в преданиях о Шамбале. Но сведения о

Шамбале гораздо моложе и, что самое главное, они вторичны. Сначала был вечносияющий Асгард с его дворцами и золотой рощей Гласир, воплощённый в постройках Копетдага скифского периода. Но до этого Асгарда, созданного скифами, основавшими Парфию в первом тысячелетии до нашей эры, была страна богов или, точнее, обожествлённых предков. И это было первым воплощением Асгарда. Время — второе тысячелетие до нашей эры. Место — Алтай.

Спустя примерно два тысячелетия арии придут в Тибет, а ещё позднее именно здесь будут искать — но безуспешно — светозарную Шамбалу, вопреки путешественнику и историку Г. Ц. Цыбикову, ничего подобного не увидевшего на этом обширном нагорье. Шамбала для него — это некая духовная общность буддистов, которых ожидает упорная борьба с «неверными». Тибетское воплощение Шамбалы, судя по всему, пока не состоялось, не обнаружено. Даже оккультные источники не дают и намёка на ясный ответ. Тибетские племена кянов могли трансформировать сюжет об Асгарде. Но спустя много времени после второго воплощения Асгарда, не говоря уже о первом.

В сущности, только в начале первого тысячелетия нашей эры в североиндийских источниках начинает упоминаться таинственная Шамбала. Это я связываю, однако, с волной миграций ариев позднего периода, начиная с основания Кушанского царства.

Определённо известно, что кроманьонцы, люди вполне европейского типа, заселили в глубокой древности Азию включительно до тихоокеанского побережья. Их богиня-мать Рожанна, отражавшая идеологию матриархата, позднее соединилась с мужским божеством, дав начало первому по счёту Олимпу.

Сами идеи на Земле повторяют судьбы людей: их взаимодействие порождает разные версии, а затем расходящиеся по самой сути мифы и предания. Только тщательный анализ может установить общие корни. Скорее всего, идея Асгарда и Шамбалы была вначале единой и, вполне вероятно, кроманьонской. Но пути разошлись, возникли варианты.

Исландские божественные руны, о которых идёт речь, сохранились на полях старинных рукописей. Сказочные сюжеты сопровождаются знаками, которые исследователи склонны переводить как имена богов Одина и Фрейра. Но имена эти, по их мысли, нарицательные. Следуя этой традиции М. И. Стеблин-Каменский в

своей книге «Культура Исландии» (1966) приводит такое имя Одина, главного бога Асгарда: «Приятный».

Но руны Одина и Фрейра похожи на тамги сарматского типа. Вряд ли это могло прийти в голову скандинавистам ранее открытия Асгарда в Копетдаге. Лишь в авторской работе «Где жили герои эддических мифов?» (М., 1989, с. 18-25) впервые Асгард помещён в Копетдаге и его главные объекты однозначно отождествлены с постройками парфянского времени, отражающими идеологию скифов-ариев (там же, с. 24-30).

Мне предстояло ответить и на вопрос о маршруте движения асов в Северную Европу (там же, с. 50-56). Он проходил по северному побережью Чёрного моря. Сходство исландских знаков с сарматскими оказалось не случайным. Асы вышли из Азии и шли тем же путём, что и сарматы. Часть их могла входить в сарматский союз племён.

Затем асы стали предками скандинавов — и, по закону обожествления, — их богами.

В самой Парфии скифская культура нередко рядилась в эллинистические и ближневосточные одеяния — в этом трудность понимания истинных верований и представлений парфянцев, бывших до основания государства скифами. Но во времена Парфии, на рубеже эр, ещё сохранилось наследие первого воплощения Асгарда в Монголии (Алтай). Божественные руны были принесены в Причерноморье, затем в Скандинавию и сохранились в Исландии как в своеобразном этническом северном заповеднике.

Божественные руны второго тысячелетия до нашей эры оставлены на скалах Монгольской Алтая. Они и отражают мировоззрение зари Асгарда. Вместе с ними на скалах изображены Солнце, кони, хищные звери. Эти изображения могут быть сопоставлены с двумя волками, сопровождающими светило на небосводе, со знаменитыми конями асов из «Младшей Эдды» и другими сюжетами.

Однако это требует тщательного изучения, однозначные выводы по сопоставлению сюжетных линий «Эдды» с немногими, увы, рисунками на монгольских скалах пока преждевременны.

Как часто бывало, древнейшая версия «Эдды», наверное, не раз была дополнена и видоизменена, перед тем как стала достоянием северогерманской культуры. И в этом качестве она может безусловно расходиться с изображёнными фрагментами.

Трудно сомневаться лишь в том, что и общее начертание и все элементы божественных скандинавских рун вполне соответствуют найденным в Монголии (Щербаков В. И. Тайны Эры Водолея. М.: изд. Русского традиционалистского исследовательского центра «Беловодье», 1996, с. 54-56). В местах их находок (долина Цаган-Гол) совсем не встречаются тюркские руны. Знаки и рисунки выбиты на тёмных выходах скал. Впервые их нашёл и описал Ц. Доржсурен в 1963 году, обративший внимание на изображения колесниц. Результаты датировки расходятся. Мне приходилось встречать у наших авторов указания на I тысячелетие до нашей эры. Это уравнивает возраст изображений на каменных столбах — так называемых оленных камнях Монголии, и на скалах Цаган-Гола. Мне представляется вероятным более ранний возраст наскальных рун и рисунков Цаган-Гола — как я указал, первые из них могли появиться во II тысячелетии до нашей эры или на рубеже тысячелетий.

Те же арийские тамги, или руны, прослеживаются в последующие века в Средней Азии и, как отмечено, в Причерноморье. Нет совпадения во всех деталях, однако это то же письмо. Знаки можно назвать также царскими, имея в виду, что позднее они отражали родословную правящих династий (например, у сарматов).

На сводной таблице мне хотелось наглядно сопоставить руны-тамги Монголии (верхняя строка), северного Причерноморья (нижняя строка), Исландии (знаки Одина и справа — бога ванов и асов Фрейра).

Возможность такого сопоставления показалась бы мне фантастической даже в восьмидесятых годах, когда Асгард в Копетдаге был уже открыт.

Выше речь шла о возможной этимологии названия страны богов древних скандинавов Великой Свитьод (из языка слившихся с ними ванов после «первой в мире войны»). Монгольско-исландские параллели позволяют указать её местонахождение: западная Монголия.

В личных беседах с Э. Новгородовой, исследовательницей, опубликовавшей работы по монгольской группе знаков и рисунков, ещё в семидесятых годах, мы обсуждали общие вопросы об арийских колесницах, племенах ариев и оленных камнях. Помнится, мы разошлись в вопросе об этногенезе якутов и я ещё не подозревал, во что выльется моё увлечение монгольской экзотикой.

...Редкий случай позволил мне одновременно увидеть фото с исландскими и уже полузабытыми монгольскими знаками: Прошло два-три мгновения и пришёл ответ. Появилось ещё одно прямое доказательство реальности Асгарда.

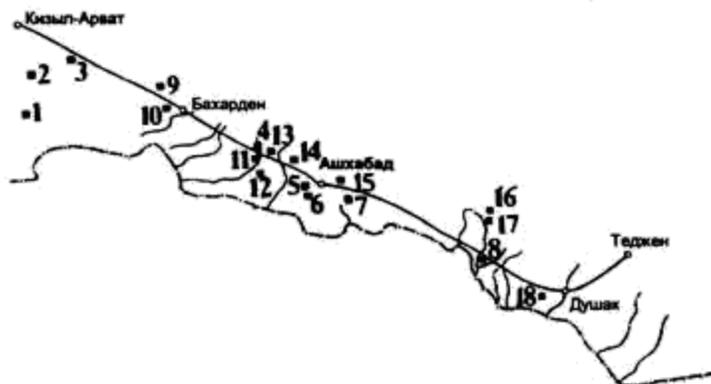
ИЛЮСТРАЦІИ

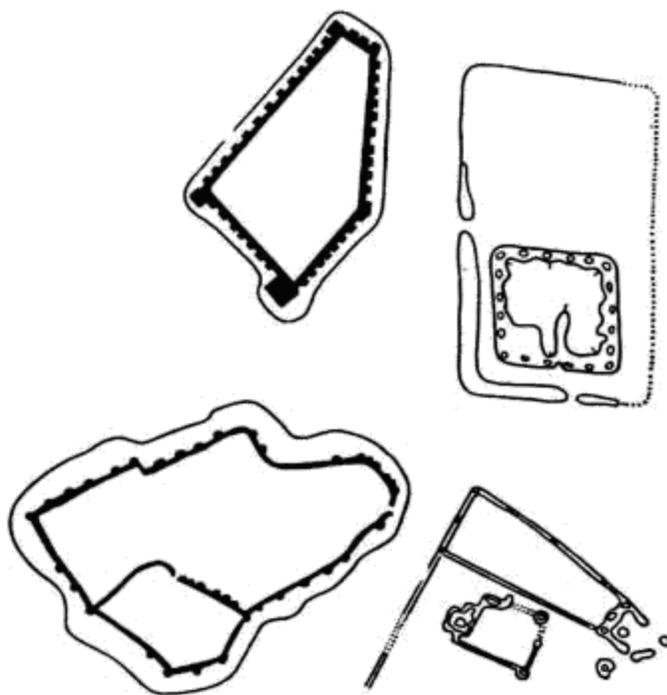
Мать богов — богиня Асгарда Фригг.

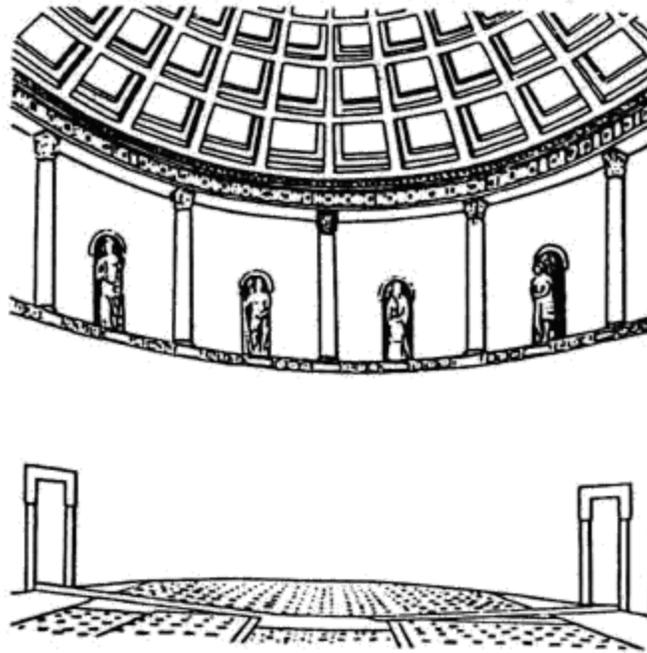
Некоторые памятники Кавказской Албании и Атропатены:
 1 — могильник Сергокала; 2 — городище Урцех; 3 — городище Таргу; 4 — городище и могильник древней Шемахи; 5 — городище Каратепе; 6 — поселение Каракепектепе; 7 — городище Гяуркала; 8 — городище Калаоглу; 9 — городище Билавар; 10 — городище Лейланкала; 11 — городище Кала-Зохак; 12 — городище Мианийе

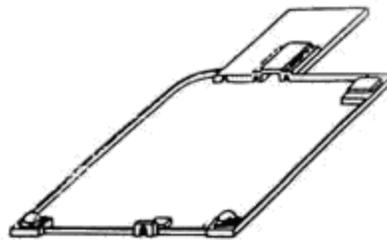
Основные памятники парфянского времени: 1 – Пархайский могильник; 2 – Мешрепитахтинский могильник; 3 – Хас-Кяриз; 4 – Геоктепинское городище; 5 – Мансурдепе; 6 – городища Нисы; 7 – Анауское городище; 8 – Хосровкала; 9 – Кебелек-депе; 10 – Баки-Кумбет; 11 – Говдуздепе; 12 – Гаш-депе; 13 – Ортадепе; 14 – поселение у Изгантского поворота; 15 – Геами-кала; 16 – Камелекдепе (Дашлы-9); 17 – Дашлы-6; 18 – поселение у Арчман-Сагата

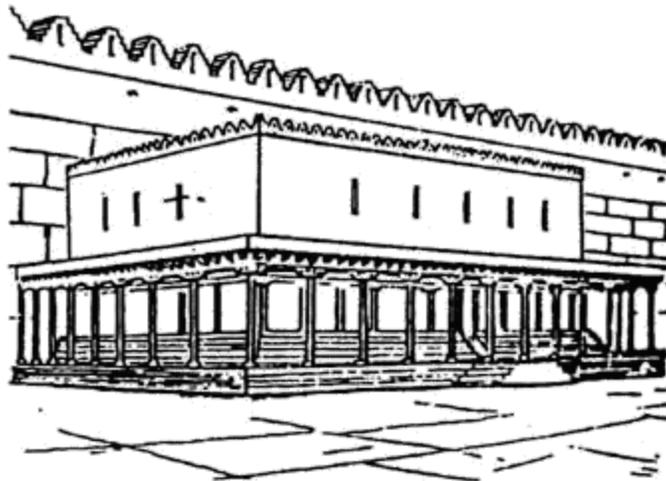
Типы поселений в Парфии. Вверху: Старая Ниса и Геоктепе, внизу: Новая Ниса и Мансурдепе

Асгард. Валгалла — дворец скандинавского бога Одина в предгорьях Копетдага. Реконструкция

Асгард. Легендарное Идавельль-поле, где боги соберутся слова после конца мира. Реконструкция

Асгард. Храм у городской стены. Реконструкция

ВАЛЬКИРИИ

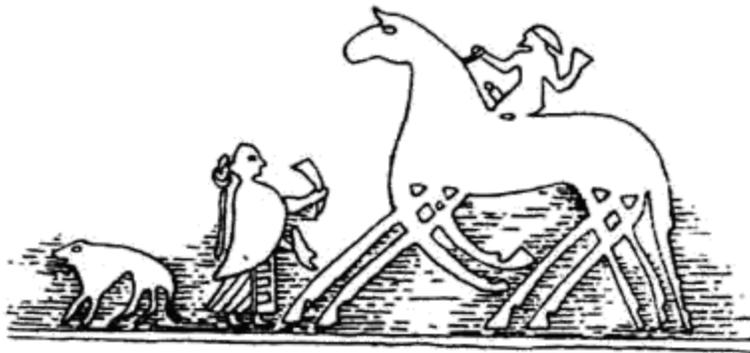

ВСАДНИКИ

ДРЕВО МИРА

Изображения на парфянских монетах и печатях

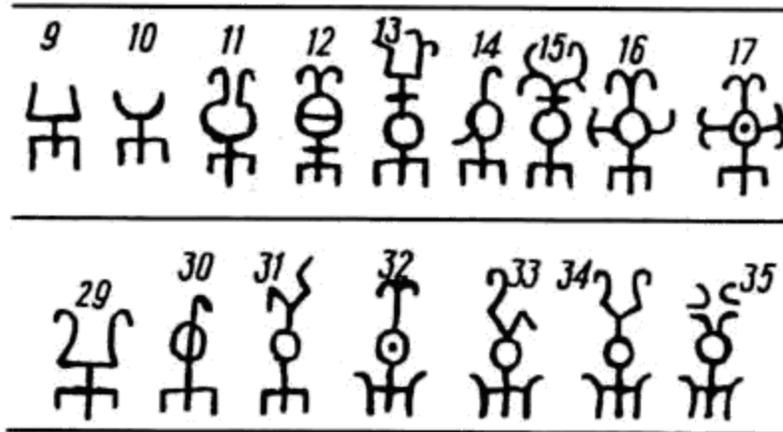
Скандинавские рельефы на камне

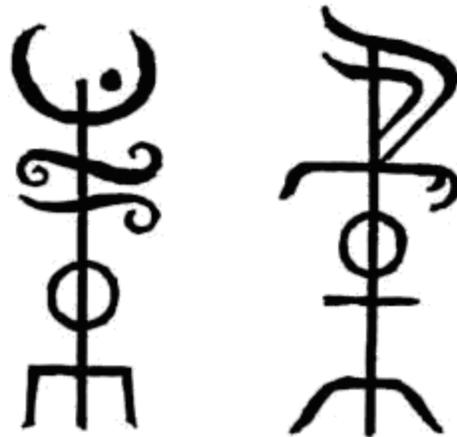
Портреты ариев сохранились на так называемых оленных камнях в Монголии.

Изображения тамг на скалах в западной Монголии.
Монгольский Алтай

Сравнительная таблица тамг Монголии (верхняя строка)
и северного Причерноморья (нижняя строка)

Знаки богов Одина (слева) и Фрейры (справа)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выдержки из сообщения ИНТЕРНЕТ

АСГАРД, ГОРОД ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ БОГОВ, НАЙДЕН

Первые научные работы о результатах поиска Асгарда

В сентябре 1989 года вышла небольшая книга В. И. Щербакова «Где жили герои эддических мифов?», затем в конце того же года была напечатана работа того же автора «Асгард и ваны» в сборнике «Дорогами тысячелетий», вышедшем под редакцией доктора исторических наук, профессора А. Ф. Смирнова. Эти научные работы вышли в Москве.

В обеих этих работах на основе поисков автора и анализа им археологических материалов было указано местонахождение объектов Асгарда. Это был город обожествлённых впоследствии предков скандинавов — датчан, шведов, норвежцев, исландцев. Он занимал обширную территорию, отдельные его объекты располагались в десятках километров один от другого. Его создали племена, родственные скифам, древним ариям, пришедшие к подножиям горного хребта Копетдаг.

Сообщение ИТАР-ТАСС (тогда ТАСС) об открытии Асгарда было опубликовано раньше выхода названных работ и носило информационный характер (май 1989 года).

Об авторе и полученных им результатах и доказательствах

В. И. Щербаков (V. I. Scherbakov) — член Союза писателей России, имеет учёную степень по прикладной радиофизике (кандидат технических наук) и второе образование — философское, академик Гуманитарного отделения Международной академии информатизации. Президент Московского клуба тайн. Лауреат Всемирного кинофестиваля «Экофильм-84» за сценарий документального кинофильма о биополе «Невидимая жизнь леса». Автор нескольких романов, один из которых экранизирован в Москве (Семь стихий, 1984). Изучал древние цивилизации и создал несколько книг о них.

Совместно с Ж. И. Кусто им издана книга «В поисках Атлантиды». (1986).

В документально-исторической книге «Асгард — город богов» (с научным приложением) рассказал о процессе поиска Асгарда, города обожествлённых предков скандинавов. Столица богов-асов найдена В. Щербаковым в предгорьях Копетдага в Туркмении. Несколько мифологических объектов отождествлены им с постройками Парфянского царства в районе древних поселений Нисы и Мансурдепе. До работ В. Щербакова, выполненных в восьмидесятых годах (Где жили герои эддических мифов? М., 1989; Асгард — город богов. М., 1991; и др.) характер верований и культов в этом среднеазиатском регионе не был определён.

В названных работах описано Идавелль-поле (поле игр асов), похожее на небольшой аэродром с остатками глинобитного забора (ограды), выяснен характер игры асов с гипсовыми шарами и с сердцевиной из сухой травы. Установлено местоположение и внутренний вид Валгаллы, замка главного бога-аса Одина, где проводились пиры, а также его сокровищницы, наполненной ритонами и опечатанной жрецами ещё в древности. Выяснено назначение деталей божественного трона Одина из слоновой кости (парадокс: в Исландии описан именно трон главного аса из слоновой кости — и он найден!).

Поиски роци Гласир, описанной в «Эдде», то есть сияющей роци, все листья которой точно из золота, ветви и кора — то же, завершились успешно лишь благодаря дополнительному указанию «Младшей Эдды»: листья божественных деревьев остроконечны. Божественным деревом, столь точно описанным в Скандинавии, оказался пурпурный персик — особый вид персикового дерева. Он действительно как из червонного золота. В Копетдаге находились лишь культовые центры, посвящённые асам, обожествлённым предкам парфян и скандинавов (впоследствии).

Но сами эти предки пришли, как установил учёный, из юго-западной Монголии через Среднюю Азию (район плато Устюрт), затем опустились к Копетдагу. В книге В. Щербакова «Тайны Эры Водолея» (М., 1996) приведены очень древние руны, изображённые на скалах Монголии. Они с незначительными изменениями повторены через два тысячелетия в рукописях сказочно-мифологического содержания в

Исландии. Автор назвал эти руны рунами богов. Именно их посвящение богам-предкам дало им такую долгую жизнь — во времени и в пространстве.

Великий исландец Снорри Стурлусон назвал в своё время родину асов. Это Великая Свитьод (Великая Швеция). Это страна с суровым климатом. Он называет её в «Круге земном» ещё Холодной Свитьод. И сообщает: асы жили где-то восточнее Дона. Именно Великую Свитьод обнаружил В. Щербаков — она расположена много восточнее Дона, в Монголии. Таким образом, ему удалось доказать, что в «Эдде» запечатлён весь исторический путь людей и их богов по пути в Скандинавию.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В ШЕСТОЙ, НАУЧНОЙ ЧАСТИ КНИГИ

Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. От обряда к песне. Ч. I. СПб., 1903.

Археология СССР с древнейших времён до средневековья. В 20 томах. Том «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии». М., 1985.

Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1965.

Каганкатваци М. История агван (албан). СПб., 1861.

Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии // Под ред. В. Г. Ардзинбы / Пер, с англ. М., 1983.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Ч. I, Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.

Мельникова Е. М. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, переводы, комментарий / Под ред. В. Л. Янина. М., 1986.

Мещанинов И. И. Халдоведение. История древнего Вана. Баку, 1927.

Нарты. М., 1957.

Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография. М., 1982.

Петухов Ю. Д. Дорогами богов. М., 1991.

Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

Платов А. В. Дорога на Аваллон. М., 1998.

Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М., 1982.

Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. М., 1966.

Сукисян А. Г. Государство и право Урарту. Ереван, 1963.

Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балтославянские исследования. М., 1982.

Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб., 1884.

Шилов Ю. А. Прародина ариев. Киев, 1995.

Щепотьев Ф. Л. Дендрология. М.-Л., 1949.

Щербаков В. И. Асгард // Загадки звёздных островов. М., 1989.

Щербаков В. И. Где жили герои эддических мифов? М., 1989.

Щербаков В. И. Века Трояновы. М., 1995.

Щербаков В. И. Тайны Эры Водолея. М., 1996.

Agrawala V. S. Fire in the Rigveda // East and West, Roma. 1960, vol. 11, N 1. P. 28-32.

Einarsson St. Attataknanir i fornritum. Skirnir, CXXVII, ar. Reykjavik, 1953.

Kramers J. H. Analecta Orientalia. I. Leiden. 1954.

Kuiper F. B. J. The Bliss of Asa // Indo-Iranian Journal, s-Gravenhage. 1964, vol. 7, N 2.

Littleton C. S. The New Comparative Mythology. Berkely Los Angeles, 1966.

Simpson W. Some Suggestions of Origin in Indian Architecture // Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London, 1888.

Sko(o с умляутом)ld, Tryggve. Isla(с ум.)ndska va(с ум.)derstrek // Scripta Islandica, Isla(с ум.)nska sa(с ум.)llskapets a(с ум.)rsbok 16/1965. Uppsala, 1966.

Urbanczyk Stanislaw. Religia poganskich slowian. Krakow, 1947.

notes

Примечания

1

1 фут равен 0,3048 м

2

1 ярд равен 0,9144 м

Kuiper F.B.J. The Bliss of Asia // Indo-Iranian Journal, s-Gravenhage.
1964, vol. 7, N 2, p. 120-128

Littleton C.S. *The New Comparative Mythology*. Berkely (Berkley?), Los Angeles, 1966, p. 171.

Kramers J.H. *Analecta Orientalia*, I. Leiden, 1954, p.348.

Agrawala V.S. Fire in the Rigveda // East and West, Roma. 1960, vol. 11, N 1, p. 28-32.

Einarsson St Attataknanir i fornritum // Skirnir, CXXVII. ar. Reykjavik, 1953; Sko(c умяутом(двоеточие))ld, Tryggve. Isla(c умл.)ndska va(c умл.)derstrek // Scripta Islandica, Isla(c умл.)nska sa(c умл.)llskapets a(c умл.)rsbok 16/1965. Uppsala, 1966.

Simpson W. Some Suggestions of Origin in Indian Architecture // Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London, 1888, p. 55-57, 272.

Ввиду невозможности обсуждать здесь эту тему, хочется лишь отметить, что урартский язык даст ключ к пониманию этнонимов и географических названий в Малой Азии (см.: Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1965). Так, севернее страны Хатти и по соседству с Палой исследователи помещают страну Туммана (см.: Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983, пер. с англ., под ред. В. Г. Ардзинбы, с. 35). Урартский язык даст перевод названия этой страны: «Страна».

См.: Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984, с. 123-127.

Книга была уже в наборе, когда в последнем издании «Советского энциклопедического словаря» (М., 1989) я прочёл, что надписи венетов Италии — на «адаптированном североэтрусском алфавите с добавлением греческих знаков, а частью — латинским письмом». Это открытие может ошеломить: всего за несколько лет уяснить написание букв греческого алфавита и убедиться, что венеты его не использовали, а лишь «добавляли»!.. (Прим. автора к первому изданию.)

Urbanczuk Stanislaw. Religia poganskich slowian. Krakow, 1947, s. 8.

Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балтославянские исследования. М., 1982, с. 3-61.

Элементы «би», «бие» принимаются И. И. Мещаниновым (с. 130) и другими авторами за окончания глаголов. Это, однако, местоимение «вие», «бие» («ве»). Древнерусское «ве» (писалось с ять) означает: мы (оба).